

№ 1
●
2023

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
МУЗЫКА В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

ISSN 2412-9798

№ 1
(33)

16+

●
2023

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.03.2023
Размещен в сети Интернет: 31.03.2023

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА

Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА

Галина Васильевна

доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН

Маицео Мгадла

PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ

Ирена

PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ

Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ

Юрий Валентинович

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА

Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ

Марина Сергеевна

Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша

ПАТИНЬО

Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА

Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК

Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА

Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ШЛЫКОВА

Ольга Владимировна

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.1
(33)

2023

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 Mart 2023
Published online on 31 Mart 2023

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi	ABDULLAYEVA	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Vakhit Kh.	AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Galina V.	ALEKSEEVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
Aleksandra O.	ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Maitseo M.M.	BOLAANE	PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Vladimir K.	EGOROV	Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Anna N.	EREMEEVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Shakhrudin A.	GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation
Yuri V.	KITOV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Delhi, Republic of India
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V.	MALYGINA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V.	SHLYKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N.	SOKOLOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«МУЗЫКА В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ»
(РЕДАКТОР Э. Н. СОКОЛОВА)

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
МУЗЫКА В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ	15
<i>Д. М. Поляков</i> Оперное наследие А. С. Аренского в контексте культуры Серебряного века	15
<i>К. Н. Джиоти</i> Этническое наследие как основа музыкальных культурных практик футбольных болельщиков Осетии	23
<i>А. А. Костюк, Г. В. Алексеева</i> Эмоция как коммуникативный посредник между автором, исполнителем-вокалистом и слушателем оперного произведения	38
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	48
<i>М. О. Баронова</i> Роль автобиографического хронотопа в отражении мировосприятия писателей «второй волны» русской эмиграции	48
<i>Н. В. Исакова, Н. В. Плотников, Е. В. Яковлева</i> Отношение к информации в образовательной деятельности как социокультурная проблема: исторические аспекты и современные особенности.....	58

<i>Ф. В. Цраева</i> Жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры	67
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	82
<i>Сунь На</i> Облаковидные узоры в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ (нанайцев): происхождение, композиционные особенности, семантика образов	82
<i>М. Б. Гимбатова</i> Традиционные способы обработки кожи у народов Дагестана (XIX – начало XX в.): технологические особенности и основные центры промысла	94
ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ	101
<i>Л. П. Голикова, М. В. Шаройко</i> Национальная история в зеркале литературы: к 240-летию заключения Георгиевского трактата	101
<i>В. Е. Поляков</i> Дагестанцы в обороне Севастополя 1941–1942 гг.: численность и безвозвратные потери	114
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	122
<i>М. А. Ядова</i> Метаморфозы коронавирусной повседневности	122

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
MUSIC IN THE FLOW OF TIME
(EDITED BY ALLA N. SOKOLOVA)

FROM THE EDITORIAL BOARD	13
MUSIC IN THE FLOW OF TIME	15
<i>Denis M. Polyakov</i> Opera Heritage of Anton Arensky in the Context of the Culture of the Silver Age	15
<i>Kosta N. Dzhioti</i> Ethnic Heritage as the Basis of Musical Cultural Practices of Ossetian Football Fans	23
<i>Alexey A. Kostiuk, Galina V. Alekseeva</i> Emotion as a Communicative Mediator between the Author, Performing Vocalist and Listener of an Opera	38
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	48
<i>Margarita O. Baronova</i> The Role of the Autobiographical Chronotope in Reflecting the Worldview of the Writers of the “Second Wave” of Russian Emigration	48
<i>Natalia V. Isakova, Napoleon V. Plotnikov, Elena V. Yakovleva</i> Attitude to Information in Educational Activities as a Sociocultural Problem: Historical Aspects and Modern Features	58

<i>Fatimat V. Tsrayeva</i> The Life World of a Student Volunteer in the Mechanisms of Culture Reproduction.....	67
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES	82
<i>Na Sun</i> Cloud-like Patterns in Fish Skin Clothing of the Hezhe People (Nanai): Origin, Compositional Features, Semantics of Images.....	82
<i>Madina B. Gimbatova</i> Traditional Methods of Leather Processing among the Peoples of Dagestan (19th - Early 20th Centuries): Technological Features and Main Centers of Industry	94
MAN AND TIME	101
<i>Larisa P. Golikova, Marina V. Sharoiko</i> National History in the Mirror of Literature: On the 240th Anniversary of the Treaty of Georgievsk.....	101
<i>Vladimir E. Polyakov</i> Dagestanis in the Defense of Sevastopol in 1941–1942: Numbers and Irretrievable Losses	114
BOOK REVIEWS	122
<i>Maiya A. Yadova</i> The Metamorphoses of Coronavirus Everyday Life	122

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА:

МУЗЫКА В ПОТОКЕ ВРЕМЕНИ

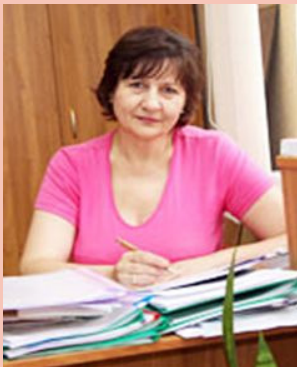
SPECIAL SECTION:

MUSIC IN THE FLOW OF TIME

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

УДК: 78:001.891"312"
ГРНТИ: 18.41.01
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.4.000

СОКОЛОВА Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

Alla N. SOKOLOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,

Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

professor_sokolova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7992-3902

В последние годы значительно сократилось число научных трудов, связанных с презентацией новой музыки или целостным анализом музыкальных текстов. «Чистое» музыковедение испытывает серьезный кризис по нескольким причинам. Во-первых, в нашей стране никогда не было много журналов, рассчитанных на специалистов-музыкантов. «Толстый» журнал «Музыкальная академия» в силу весьма ограниченного круга читателей и авторов остается малоизвестным научным изданием, в котором трудно опубликоваться даже весьма маститым ученым, специализирующимся на исследованиях в области академической музыкальной науки. Критико-публицистический «тонкий» журнал «Музыкальная жизнь» сократил свой объем, теперь он выходит один раз в месяц и также небольшим тиражом. Серьезные научные статьи в нем не предусмотрены, а для всего остального предлагается весьма небольшое пространство. Включение музыковедческой научной продукции в журналы общегуманитарной направленности мало что меняет в общей нерадостной картине: у таких изданий, как правило, нет специально подготовленной аудитории, а получить в свободном доступе материалы для прочтения почти всегда проблематично. Западная периодика в этом смысле куда разнообразнее. Во многих

европейских странах издаются серии журналов по этномузыкологии, музыкальной терапии, музыкальной психологии, арт-терапии, акустике, синестезии и проч.

Между тем общественный интерес ко всем музыкальным процессам современности достаточно высок. Что происходит в мире музыки и музыкальных инструментов? Как и когда отдельные музыкальные жанры «умирают», а им на смену появляются новые? Какие музыкальные тенденции просматриваются в нашей стране и за рубежом? Как музыка реагирует на технический прогресс, социальные и политические новости? Какими новыми методами можно анализировать танец? Что главное в танце – музыка, движение или костюм?

Пытаясь закрыть определенную «брешь» в мире музыкальной науки, наш журнал предлагает подборку статей, связанных с изучением музыкальных процессов и явлений. Их достоверность определена тем, что авторы являются специалистами в области представленных тем и сами включены в изучаемые процессы. Интерес у читателей может вызвать и междисциплинарный подход, который в настоящее время при обретает все большую популярность. Многие исследователи не могут обойтись без статистических данных, экспертного интервью, контент-анализа данных, социальной лингвистики и исторического контекста. В этом смысле отечественная музыкальная наука активно рефлексировала на достижения западной философии, социологии, культурологии и антропологии. Одновременно сохраняются лучшие черты отечественного искусствоведения: эмоциональная оценка художественных объектов, системность исследования, поиск причинно-следственных связей в появлении того или иного художественного результата.

Отрадно и то, что в музыкальную науку вливаются молодые силы, полные решимости открывать новые научные горизонты. Мы надеемся, что в нашем журнале традиционно будет публиковаться подборка статей на музыкальные темы, и что этот раздел журнала будет интересен нашим многочисленным читателям.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ПОЛЯКОВ Денис Максимович

аспирант кафедры философии, культурологии
и гуманитарных дисциплин
Крымского университета культуры, искусств и туризма
Симферополь, Российская Федерация

Denis M. POLYAKOV

Postgraduate Student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation

denis.polyackov2017@yandex.ru

УДК: [78.071.1:782.1]:[78:93/94](470+571)"188/190"

ГРНТИ: 18.41.09

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.001

Оперное наследие А. С. Аренского в контексте культуры Серебряного века

Opera Heritage of Anton Arensky in the Context of the Culture of the Silver Age

Цель исследования – анализ оперного наследия А. С. Аренского и определение традиционных и новаторских черт в его операх. Оперное наследие выдающегося русского композитора рассматривается в соотношении с процессами развития отечественной художественной культуры Серебряного века. Материалами исследования послужили оперы А. С. Аренского «Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамаянти», а также результаты научных изысканий российских музыковедов и культурологов. В процессе исследования охарактеризованы художественно-эстетические особенности искусства Серебряного века, проведены параллели между композиторским творчеством А. С. Аренского и культурной парадигмой его времени, проанализирована сюжетная и музыкально-драматургическая специфика его опер. Установлено, что наследие А. С. Аренского отличается жанровым разнообразием и объединяет как традиции русской классической музыкальной культуры, так и черты новаторства: стилевое многообразие и веяния культуры Серебряного века.

Ключевые слова: Антон Аренский, оперное наследие, русская опера, «Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамаянти», Серебряный век, русская культура.

Прогрессирующая идея тотального обновления языка искусства, являющаяся определяющей для Серебряного века, оказала свое влияние и на музыкальную жизнь России,

вызвав ее значительное оживление, расцвет творческого разнообразия и высокого художественного вкуса. В творчестве композиторов эпохи «русского ренессанса» отразились все

веяния переходной культуры, которые с большим основанием можно описать как многообразие стилей и жанров. Ведущие музыкально-эстетические тенденции рубежа XIX–XX вв. были связаны с повышением внимания к реалистичности отображения действительности силами искусства, к «объективизму», но в то же время еще сильны были традиции романтического мировосприятия, тяготения к лиризации, лаконизму высказывания. Ведущую роль сохраняли за собой камерно-вокальные жанры, симфонии и оперы, формируя основной массив произведений музыкальной культуры.

Сегодня русская оперная культура того периода зачастую представляется современному слушателю весьма ограниченным перечнем из нескольких наиболее известных постановок М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, С. В. Рахманинова. Между тем на рубеже веков создавалось немало замечательных оперных произведений, презентующих актуальные тенденции своего времени, и среди них важное место принадлежит творениям А. С. Аренского.

Музыкальное наследие выдающегося деятеля искусства и культуры Антона Степановича Аренского тесно связано с художественными процессами Серебряного века, а его изучение является актуальной проблемой современного искусствоведения и культурологии. Творчество композитора включает симфонические и камерные произведения, фортепианные сюиты, множество вокальных и фортепианных миниатюр, три оперы («Сон на Волге», «Рафаэль», «Наль и Дамаянти»), балет «Ночь в Египте», а также музыку к драматическим спектаклям. А. С. Аренский обладал своеобразным индивидуальным стилем: романтические черты в музыке композитора сочетались с глубинным лиризмом и особенной мелодической выразительностью. А. М. Горшкова выделяет несколько характеристик, присущих композитору и свидетельствующих о его новаторстве: «среди стилевых признаков модерна в музыкальном языке А. С. Аренского:

- мелодическая линия, отмеченная особой изысканностью, арабесковым строением;
- орнаментальность;

- внимание к отделке, внешним деталям музыкальной ткани;

- многопластовая полимелодическая фактура;

- взаимопроникновение мелодического рельефа и фигурационного фона;

- особое внимание к ритму, игра ритмами как одно из выразительных средств» [4, с. 253].

На данный момент можно констатировать недостаточную степень изученности оперного наследия А. С. Аренского. Личность композитора и его творчество в целом рассматривается в монографии Г. М. Цыпина [14], в исследованиях Г. М. Генделева [2], А. М. Горшковой [4], Е. А. Добрыниной [5], Л. В. Михеевой [9], Л. К. Корабельниковой [7] и др. [1] [8] [12] [13] Анализ опер А. С. Аренского представлен в научной литературе весьма поверхностно и фрагментарно: упомянем отдельный раздел из монографии Г. М. Цыпина [14], статьи А. А. Гозенпуда об опере «Сон на Волге» [3], Л. В. Михеевой о «Рафаэле» [9] и др. В предисловии к изданию восстановленной записи оперы А. С. Аренского «Рафаэль» говорится: «На сегодняшний день часть наследия знаменитых русских композиторов предана забвению и находится на грани исчезновения. Последний раз произведение было поставлено в 20-х годах, а записано в оригинальном исполнении в 50-х годах XX века. К сожалению, запись была утрачена, а имя автора практически забыто» [10]. Таким образом, отсутствие специальных культурологических и музыковедческих исследований, посвященных оперному наследию А. С. Аренского, свидетельствует о необходимости восполнения информационных, научно-исследовательских, аналитических лакун, связанных с его творчеством. Возрождение достойных, но незаслуженно забытых произведений русской классики способствует актуализации музыкального наследия композитора, а также обуславливает научную значимость настоящей статьи.

Цель исследования заключается в раскрытии традиционных и новаторских черт оперного наследия Антона Степановича Аренского в контексте развития культуры Серебряного века России. Материалами исследования явились нотные тексты и аудиозаписи опер

А. С. Аренского, а также выводы и результаты научных исследований, предпринятых отечественными музыковедами и культурологами.

В качестве методологической базы использован системно-исторический подход в совокупности с сравнительно-историческим и функциональным методами. Для реализации поставленной цели предполагается, прежде всего, провести параллели между художественно-эстетической концепцией искусства Серебряного века и творчеством А. С. Аренского, затем изучить специфику его опер и на основе проделанного анализа сделать выводы о традиционном и новаторском началах в этих произведениях, а также о значении оперного наследия композитора для музыкальной культуры Серебряного века.

Предметное исследование традиций и новаций, отразившихся в оперном наследии А. С. Аренского, позволит расширить научные представления о тенденциях, сопровождавших развитие отечественного оперного искусства в конце XIX — начале XX вв. и уточнить качественные характеристики новаций, привнесенных в русскую классическую музыку в этот период.

Культура Серебряного века включила в себя множество уникальных направлений (символизм, футуризм, акмеизм, имажинизм и др.), а также значимых имен. В первую очередь, она представлена плеядой выдающихся русских поэтов: Сергей Есенин, Александр Блок, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Владимир Маяковский, Валерий Брюсов и многие другие. Искусствоведы неоднократно подчеркивали особую музыкальность стихотворных произведений этого периода, многие из которых положены на музыку. Следует отметить, что наследие Серебряного века многогранно, в нем тесно переплетены все виды искусства, большое значение приобрела идея синтеза искусств.

Творчество композитора Антона Степановича Аренского также относится к Серебряному веку, он продолжает следовать устоявшимся традициям его предшественников, представителей русской классической музыкальной школы. Однако в его творчестве присутствуют и черты новаторства, среди ко-

торых следует упомянуть об использовании стилистических моделей предшествующих эпох с обновленным жанрово-стилистическим содержанием. Трансформация ведущих идей прошлого, развитие их на новом уровне всегда были важными звеньями эволюционного процесса в искусстве. Декоративность, тщательная детализация, использование современных ладов и гармоний, яркость тематизма, стройность и четкость формы — все эти качества присущи музыке А. С. Аренского, которая отмечена ясностью и глубиной содержания, красочностью и изысканностью звуковой палитры. Среди отличительных черт его композиторского стиля выделим следующие:

- изменение простого ладово-гармонического варьирования народных мотивов с помощью фактурной, ладотональной, интонационно-тематической разработки;

- варьирование и обогащение мелодики посредством полифонизации, альтерирования, хроматизации, использования приемов сопоставления аккордов неродственных тоналностей, чередование переменных ладов, сложных и переменных размеров, темпов;

- сочетание различных приемов формообразования — сквозных, вариационных, сюитных;

- значительно расширилась образная сфера оперных произведений, появились новые средства выразительности, которые не применялись ранее;

- камерность и декоративность звучания.

Во второй половине XIX в. и ближе к рубежу веков русское музыкальное искусство пребывает в русле доминирующей в тот период романтической тенденции. В концертной практике утверждаются новые жанры: вальс, мазурка, ноктюрн, баркарола, рапсодия, фантазия, баллада, программная сюита, порожденные романтическим мировосприятием. Усиливается композиторский интерес к национальному началу в музыке, которое реализуется преимущественно через обобщенное отражение характерных примет национальных жанров. В оперной сфере подлинными жемчужинами данного периода стали последняя опера П. И. Чайковского «Иоланта», лирико-психологическая опера Н. А. Римского-

Корсакова «Царская невеста», его же эпическая опера-притча «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» и сказочно-фантастическая опера «Кашей Бессмертный», камерные оперы С. В. Рахманинова «Алеко», «Франческа да Римини» и «Скупой рыцарь». Наряду с этими шедеврами выделяются менее известные оперы — «Дубровский» Э. Направника, «Орестея» С. И. Танеева, «Горюша» А. Г. Рубинштейна, «Ёлка» В. И. Ребикова, «Ася» М. М. Ипполитова-Иванова, «Добрыня Никитич» А. Т. Гречанинова. Оперные певцы этого периода блистали актерским мастерством, стремясь совместить вокальное искусство с чутким отношением к слову, интонации и естественности; они обладали блестящей вокальной техникой в сочетании с драматическим мастерством, поразительным умением создать на сцене «живых» персонажей.

На рубеже XIX–XX вв. традиции русской оперной драматургии представлены гибким сочетанием особенностей различных жанровых подвидов (чаще всего — лирической и эпической, лирической и комической, лирической и драматической опер, а также эпической и сказочно-фантастической), стремлением к индивидуализации формы и драматургии, значимостью симфонического начала. В данной связи О. В. Комарницкая отмечает: «Особенности оперной композиции как целого находятся в зависимости от жанровой специфики сочинения. В русской классике XIX–XX вв. оперные произведения ориентированы на максимальную индивидуализацию формы на высшем композиционном уровне. И П. Чайковский, и М. Мусоргский создают непревзойденные по художественной красоте концепции, каждая из которых оригинальна и специфична». То же самое можно сказать и о разнообразных и оригинальных операх Н. А. Римского-Корсакова, жанровая палитра которых простирается от сказки («Садко», «Золотой петушок») до исторической драмы («Царская невеста») и притчи («Сказание о невидимом граде Китеже») [6, с. 10].

Утверждая светлые и гуманистические идеалы в искусстве, претворяя романтическую стилистику и лирическую образность в своих сочинениях, А. С. Аренский творил в русле самых актуальных традиций, в том

числе и в области оперного жанра. В его трех операх нашли отражение важнейшие тенденции в развитии русской музыкальной культуры рубежа XIX–XX вв., которые повлияли на их сюжетно-драматургическую и стилевую специфику. Первая опера, «Сон на Волге» (1888), была задумана А. С. Аренским в период жизни в Москве, он начал писать ее на основе драмы А. Н. Островского «Воевода», либретто которой по просьбе С. И. Танеева ему отдал П. И. Чайковский. Опера «Сон на Волге» продолжает традиции «кучкистов»: драматургическая канва разворачивается неспешно, постепенно, раскрываясь в процессе четырех действий и стремясь к кульминационной сцене снов воеводы. Опираясь на цитаты из русского фольклора, композитор создает яркие и убедительные жанровые картины, сочетает лирико-психологическую канву сюжета с неожиданными сказочно-фантастическими элементами, насыщает музыку ариозно-декламационной выразительностью вокальных партий, создает колоритные характеры героев — грозного самоуправца-воеводы, его пленниц Марьи и Олёны, их возлюбленных Дубровина и Байстрюкова, полумифических Колдуна и Домового. В опере «Сон на Волге» были заложены основы оперного стиля А. С. Аренского с особой ролью выразительной кантиленной мелодики, современной красочной гармонии, ясностью и стройностью композиционных форм, повышенным вниманием к тем средствам выразительности, которые способствуют воплощению романтически изменчивых образов, в частности к динамике и агогике. И. А. Скворцова, говоря об особенностях оперного стиля композитора, пишет: «Основной акцент переносится с внутренней сущности явлений на их чисто внешние проявления, “театр сопереживания” сменяется “театром показа”» [11, с. 90].

После успеха «Сна на Волге» Московское общество любителей искусств заказало А. С. Аренскому оперу «Рафаэль» (1894) для торжественного открытия Первого всероссийского съезда художников. Композитор выбрал в качестве сюжета одну из легендарных историй о жизни и любви Рафаэля, посредством которой воплотил передовые художественно-эстетические идеи рубежа XIX–XX вв., связан-

ные с культом искусства и осмыслением роли художника в социуме. При этом А. С. Аренский нашел для этих идей актуальную форму воплощения: «Рафаэль» написан в традициях русской камерной оперы, которая к этому периоду достигла своего расцвета. Одноактная композиция оперы сочетает лаконичность и драматургическую насыщенность, систему лейтмотивов с симфонизированным изложением и выразительные вокальные партии в кантиленно-ариозном стиле. В отношении замысла опера «Рафаэль» является наиболее новаторским произведением А. С. Аренского, отражающим не только жанровые поиски в сфере одноактной камерной оперы, но и эстетико-философские идеи, связанные с осмыслением роли искусства и художника в культурных процессах.

В своей последней опере «Наль и Дамаянти» (1903), основанной на сюжете эпоса «Махабхарата», А. С. Аренский достиг, с одной стороны, окончательной кристаллизации собственного стиля, а с другой — полной свободы в трактовке жанра, которая выразилась в синтезировании черт лирической и эпической драматургии. При сохранении номерной структуры, трехактного строения оперы и традиционной системы лейтмотивов, композитор использует нетипичный для лирической оперы «концентрический» принцип драматургии, когда развитие сюжета определяется не движением к финальной кульминации, а наличием «концентрических кругов» — важных крупных номеров в начале и в конце оперы, окруженных развивающимися эпизодами, и еще одним ключевым моментом драмы — посередине композиции. В этом произведении окончательно утверждаются черты оперного стиля А. С. Аренского с его тяготением к лирическим сюжетам, к симфонизации драмы и наличию лейтмотивной системы, к разграничению типов вокальной партии на две противоположные сферы: положительные герои характеризуются преимущественно через ариозно-распевные интонации, а партии отрицательных персонажей опираются на речитативно-декламационный вокальный стиль.

В опере «Наль и Дамаянти» композитор не использовал цитат из восточной музыки,

так как он сознательно стремился к европеизированному стилю изложения и более универсальному музыкальному языку. Возможно, поэтому публика не очень приветливо приняла оперу на фоне столь популярных в то время ориентальных сюжетов и соответствующих им красочных костюмов, экзотических декораций и цитирования подлинных мелодий. В таком подходе заключалась принципиальная позиция А. С. Аренского: он считал поэму «Наль и Дамаянти» «мировым произведением и не хотел “мельчить” ее восточными мелодиями. Отсюда тот абстрактный “вненациональный” музыкальный язык, та несколько условная, обобщенная манера письма, которые характерны для сочинения» [14, с. 161]. С другой стороны, в этом стремлении к универсальности ощущается влияние «западнических» настроений в художественно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. к единению достижений русского искусства с общеевропейским культурным наследием.

Подводя итог, отметим, что выдающийся русский композитор рубежа XIX–XX вв. Антон Аренский занимает особое место в истории развития отечественной музыки и в том числе в эволюции русской оперы. Он пришел в музыку в нелегкий, противоречивый период, который стал настоящим испытанием для философов и творцов той поры. В культуре Серебряного века сочетаются разнонаправленные тенденции: серьезные перемены в социально-политическом устройстве приводили к переоценке культурных ценностей, ощущению кризиса, вместе с тем в России наблюдался небывалый духовно-эстетический подъем, расширение жанрового и стилевого потенциала искусства. На этом фоне развивается творчество А. С. Аренского, стилистическая трансформация которого отражена в движении от «кучкистского» влияния в раннем периоде (Первая симфония, Первый квартет, опера «Сон на Волге») к преломлению стилевых черт модерна в зрелых и поздних произведениях.

В результате анализа трех опер А. С. Аренского следует заключить, что в оперном наследии композитора прослеживаются как традиционные, так и новаторские черты. Первая и, по мнению критиков, самая удачная его опера «Сон на Волге» — наиболее тради-

ционна, ее отличает лирико-психологическая канва сюжета со сказочно-фантастическими элементами, опора на цитаты из русского фольклора, наличие ярких жанровых картин. В опере «Рафаэль» прослеживается тяготение к одноактной камерной драматургии, а также новаторским идеям, созвучным духу Серебряного века, — осмыслению мессианской роли художника-творца и возвышающей функции искусства. Наконец, в опере «Наль и Дамянти» наблюдается стремление к синтезу лирической и эпической драматургии и универсальности музыкального языка.

Современники А. С. Аренского всегда подчеркивали его связь с лучшими традициями русской музыки, его мелодический дар, изящество, напевность, эмоциональную открытость. Большинству сочинений композитора присуще яркое своеобразие, проявившееся в изысканности отделки, обработки материала и, главное, в самобытности мелодики, которая складывается из синтеза романсовой распевности с характерной для модерна прихотливой извилистостью мелодической линии. Вместе с тем, как показало настоящее исследование, А. С. Аренский не только продолжал традиции русской классической оперы, но и внес много нового в ее сюжетное

разнообразие (актуальные идеи эпохи Серебряного века), музыкальный язык (мелодико-гармоническая уникальность), драматургическую палитру (прежде всего, за счет синтеза различных типов драматургии). В выявлении данных новаторских черт заключается научная новизна исследования, а также в том, что оно позволило сделать вывод о специфике творческого дарования А. С. Аренского. Уравновешенное сочетание традиционного и новаторского в оперном наследии делает композитора примером универсального мастера, который нашел и успешно воплотил идеи, актуальные и созвучные его эпохе.

И хотя творческие свершения А. С. Аренского не столь значительны, как достижения его более знаменитых современников, все же они вошли в «золотой фонд» русской национальной музыкальной культуры. Соотношение традиционного и новаторского не только в оперном жанре, но и во всем композиторском наследии А. С. Аренского, как и проблемы исполнительской интерпретации его опер и преломления в них особенностей вокально-исполнительской культуры эпохи Серебряного века, — перспективные направления для дальнейших культурологических и искусствоведческих исследований.

Denis M. POLYAKOV

Postgraduate Student,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Russian Federation
denis.polyackov2017@yandex.ru

***Opera Heritage of Anton Arensky
in the Context of the Culture of the Silver Age***

Abstract. The aim of the article is to analyze the opera heritage of Anton Arensky and identify traditional and innovative features in his operas. The opera heritage of the outstanding Russian composer is considered in relation to the development of the Russian artistic culture of the Silver Age. The materials of the study were musical texts and audio recordings of Arensky's operas, as well as the conclusions and results of research undertaken by domestic musicologists and culturologists. As a methodological basis, a system-historical approach was used in conjunction with comparative-historical and functional methods. In the course of the study, the author characterizes artistic and aesthetic features of the art of the Silver Age, draws parallels between Arensky's composing work and the cultural paradigm of his time, and analyzes the plot and musical-dramatic specifics of his operas. Arensky's works are marked by the traditions laid down by outstanding Russian composers Pyotr Tchaikovsky and Nikolai Rimsky-Korsakov. The characteristic features that determine Arensky's creative style are revealed, the most

important of which are the originality of the melodic lexicon, the brilliant mastery of the composer's technique and musicality – the synthesis of chant with the whimsical sinuousness of the line that is characteristic of the modern era. The author emphasizes that, in a variety of style models created by the composer, there is a synthesis of romantic traditions and modern trends. He points out that, using the traditional methods of composing, Arensky rethought the key features of his era. The main features of the composer's musical style, reflected in his operas, are identified: (1) expressive cantilena melody, (2) modern bright harmony, (3) clarity and harmony of compositional forms, and (4) increased attention to the means of expression, contributing to the embodiment of romantic changeable images (dynamics and agogics). The author notes that at present the name of Arensky is not identified with the brightest achievements of the turn of the 20th century, but he made his significant contribution to the development of Russian musical culture. The author has established that Arensky's creative heritage is distinguished by its genre diversity: from symphonic large forms to piano miniatures and operas. The composer's operas combine the traditions of Russian classical musical culture and features of innovation: stylistic diversity and cultural trends of the Silver Age.

Keywords: Anton Arensky, opera heritage, Russian opera, *Dream on the Volga*, *Raphael*, *Nal and Damayanti*, Silver Age, Russian culture.

Использованная литература:

1. Аренский А. С. // Большая советская энциклопедия. Т. 2. Изд. 3. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 219.
2. Генделев Г. М. Аренский [Электронный ресурс] // Содружество поэзии и музыки. URL: <https://gendelev52.wordpress.com/аренский/> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Гозенпуд, А. А. Опера Аренского «Сон на Волге» [Электронный ресурс] URL: <http://www.classic-music.ru/son.html> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Горшкова А. М. А. С. Аренский: личность, творчество, стиль: дис. ... канд. искусствоведения. М.: 2022.
5. Добрынина Е. А. А. С. Аренский // Любителям музыки посвящается. М.: Сов. композитор, 1980. С. 127-133.
6. Комарницкая О. В. Русская опера XIX-начала XXI веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции: Автореф. дис.... д-ра искусствоведения. Ростов-н/Д, 2012.
7. Корабельникова Л. К. Антон Аренский [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия Belcanto. URL: <http://www.belcanto.ru/arenky.html> (дата обращения: 15.01.2023).
8. Кюрегян Т. Антон Аренский – преподаватель и мастер музыкальной формы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2018. № 3. С. 356-380.
9. Михеева Л. В. Опера Аренского «Рафаэль» [Электронный ресурс] // Электронная энциклопедия Belcanto. URL: <http://www.belcanto.ru/rafael.html> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Опера «Рафаэль» Антона Аренского: Проект «Возрождаем наследие русских композиторов» [Электронный ресурс] // Музыкальный центр «Орфей». URL: <http://www.muzcentrum.ru/producercenter/orpheusrecords/17387-opera-rafael-anto> (дата обращения: 15.01.2023).
11. Скворцова И. А. Стиль модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX-XX веков. М.: Композитор, изд. 3-е, 2015.

References:

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (1970) Arenskiy, A.S. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3rd edition. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 219.
2. Gendelev, G.M. (2023) *Arenskiy*. [Online] Available from: <https://gendelev52.wordpress.com/arenky/> (Accessed: 15.01.2023). (In Russian).
3. Gozenpud, A.A. (2023) *Opera Arenskogo "Son na Volge"* [Arensky's Opera "Dream on the Volga"]. [Online] Available from: <http://www.classic-music.ru/son.html> (Accessed: 15.01.2023).
4. Gorshkova, A.M. (2022) *A.S. Arenskiy: lichnost', tvorchestvo, stil'* [A.S. Arensky: Personality, Creativity, Style]. Art History Cand. Diss. Moscow.
5. Dobrynina, E.A. (1980) A.S. Arenskiy. In: *Lyubityam muzyki posvyashchaetsya* [Dedicated to Music Lovers]. Moscow: Sov. kompozitor. pp. 127-133.
6. Komarnitskaya, O.V. (2012) *Russkaya opera XIX-nachala XXI vekov. Problemy zhanra, dramaturgii, kompozitsii* [Russian Opera of the 19th – Early 21st Centuries. Problems of Genre, Dramaturgy, Composition]. Abstract of Art History Cand. Diss. Rostov-on-Don.
7. Korabel'nikova, L.K. (2023) *Anton Arenskiy*. [Online] Available from: <http://www.belcanto.ru/arenky.html> (Accessed: 15.01.2023). (In Russian).
8. Kyuregyan, T. (2018) Anton Arensky – Educator and Master of Musical Form. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskustvovedenie*. 3. pp. 356-380. (In Russian).
9. Mikheeva, L.V. (2023) *Opera Arenskogo "Rafael"* [Arensky's Opera "Raphael"]. [Online] Available from: <http://www.belcanto.ru/rafael.html> (Accessed: 15.01.2023).
10. Orpheus Musical Center. (2023) *Opera "Rafael" Antona Arenskogo: Proekt "Vozrozhdaem nasledie russkikh kompozitorov"* [Opera "Raphael" by Anton Arensky: The Project "Reviving the Legacy of Russian Composers"]. [Online] Available from: <http://www.muzcentrum.ru/producercenter/orpheusrecords/17387-opera-rafael-anto> (Accessed: 15.01.2023).

12. Скворцова И. А., Горшкова А. М. «Неподдельная искренность творчества, доступность содержания и живое чувство красоты». Феномен А. С. Аренского // Южно-Российский музыкальный альманах. 2019. С. 24-29.

13. Цукер А.М. В тени классиков: к проблеме целостности музыкально-исторического процесса // Композиторы «второго ряда» в историко-культурном процессе: Сб. статей / Ред.-сост. А. М. Цукер. М.: Композитор, 2010. С. 5-18.

14. Цыпин Г. М. А. С. Аренский М.: Музыка, 1966.

11. Skvortsova, I.A. (2015) *Stil' modern v russkom muzykal'nom iskusstve rubezha XIX-XX vekov* [Modern Style in Russian Musical Art at the Turn of the 20th Century]. 3rd ed. Moscow: Kompozitor, 2015.

12. Skvortsova, I.A. & Gorshkova, A.M. (2019) "Genuine Sincerity of Music, Clarity of Thoughts and Keen Understanding of Beauty". Phenomenon of Anton S. Arensky. *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh*. 2 (35). pp. 24–29. (In Russian). DOI: 10.24411/2076-4766-2019-12004

13. Tsuker, A.M. (2010) V teni klassikov: k probleme tselostnosti muzykal'no-istoricheskogo protsesssa [In the Shadow of the Classics: To the Problem of the Integrity of the Musical-Historical Process]. In: Tsuker, A.M. (ed.) *Kompozitory "vtorogo ryada" v istoriko-kul'turnom protsesse: Sb. statey* [Composers of the "Second Row" in the Historical-Cultural Process: Articles]. Moscow: Kompozitor. pp. 5–18.

14. Tsypin, G.M. (1966) *A.S. Arenskiy*. Moscow: Muzyka. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Поляков, Д. М. Оперное наследие А. С. Аренского в контексте культуры Серебряного века / Д. М. Поляков. DOI 10.36343/SB.2023.33.1.001. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 15–22. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/518/456> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

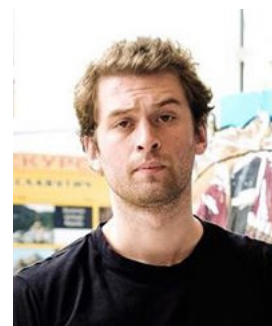
Polyakov, D.M. (2023) Opera Heritage of Anton Arensky in the Context of the Culture of the Silver Age. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.001

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ДЖИОТИ Коста Нодарович
преподаватель хореографии
Государственной хореографической школы-студии
при Министерстве культуры Республики Южная Осетия,
Цхинвал, Республика Южная Осетия
Kosta N. DZHIOTI
Choreography Teacher,
State Choreographic School-Studio
under the Ministry of Culture of the Republic of South Ossetia,
Tskhinvali, Republic of South Ossetia
jioev91@mail.ru

УДК: [398+398.84]:[796.073](470.65)
ГРНТИ: 18.41.85
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.002

Этническое наследие как основа музыкальных культурных практик футбольных болельщиков Осетии

Ethnic Heritage as the Basis of Musical Cultural Practices of Ossetian Football Fans

Цель исследования – выявление особенностей песенно-танцевального творчества осетинских футбольных болельщиков, основанного на элементах традиционной культуры. Материалами послужили личные наблюдения автора за деятельностью лидеров футбольных фанатов, результаты исследований российских культурологов и социологов, посвященных осетинской народной культуре, фанатскому движению. Изучена деятельность группы осетинских болельщиков «Фаллаг фарсы бал», использующих в своих практиках элементы народного творчества. Проанализированы процессы ритуализации, ставшие частью фанатских практик и осуществляемые через маски, песнопения, танцы. Установлено, что осетинским футбольным болельщикам удалось привнести элементы народного творчества в российскую фанатскую культуру в виде синтеза привычного формата болельничества и одновременного использования традиционного хорового пения, элементов национального костюма и обрядовых практик. Эти особенности предопределяют появление новой формы городского фольклора.

Ключевые слова: футбол, болельщик, ультрас, кричалка, фанаты, Осетия, «Алания», Владикавказ, танец, фольклор, песня, чепена, маска, ряженые, речевка.

Введение. В век глобализации и культурных универсалий особый интерес представляет бытование и развитие различных элементов наследия традиционной культуры

в современном социуме. Футбольные болельщики идентифицируются как сообщество, представители которого понимают друг друга независимо от родного языка каждого из них,

что объясняется популярностью большого спорта, в частности его способностью объединять огромное количество людей из разных стран и культурных пространств. Между тем определенный интерес представляют моменты симбиоза фанатской и традиционной культуры, народного музыкального творчества.

При учете отмеченных современных реалии, глобализационных процессов в мире и, как следствие, угрозы размывания и ассимиляции локальных культур, потери этнической идентичности, объект нашего исследования приобретает еще большую значимость. Актуальность рассматриваемой проблеме придает также непрерывный процесс урбанизации, охвативший и Осетию. Накопленный опыт изучения этнических культур позволяет уверенно утверждать, что за сохранение традиций в обществе отвечает деревня, однако безусловный интерес представляет рассмотрение элементов традиционной культуры, бытующих в городской среде, анализ их трансформации в поиске своего места в новой жизни, в частности в футбольной культуре.

За последние несколько десятилетий вышел в свет ряд работ, посвященных поставленной проблеме, среди них наиболее фундаментальной является монография Е. Смирнова «Петербургский футбол как феномен петербургской культуры» [13]. Впервые в практике отечественной науки в данной монографии футбол рассматривается в качестве культурного явления северной столицы. Автором показано взаимовлияние игры как части массовой культуры и других явлений петербургской культурной жизни.

Для целого ряда научных работ предметной областью культурологических исследований стал футбол как феномен массовой культуры. Так, в труде «FIFA 100 лет. 1904–2004. Век футбола» (коллектив авторов: П. Ланфранши, К. Айзенберг, Т. Мейсон и А. Валь) найдено свое отражение систематически изложенная и богато иллюстрированная история игры за столетний период [20]. Диссертация П. Ю. Горюнова «Формальные и неформальные структуры в среде футбольных болельщиков Санкт-Петербурга» посвящена раскрытию системных признаков содружества любителей петербургского футбола [4].

В. Н. Зуев обосновал формирование модели общественных отношений в среде болельщиков, основываясь на анализе и обобщении научной литературы, а также методах управленческих и социологических исследований [8].

В работе А. А. Журавкова «Генезис субкультуры футбольных фанатов в России» [7] довольно подробно описан путь зарождения фанатского движения в СССР и в России на примере московских футбольных клубов «Спартак» и ЦСКА и киевского «Динамо». А. В. Якуба, давая объективную оценку фанатскому движению в среде российской молодежи, подробно рассматривает этот феномен как отечественную субкультуру. В своей работе он приводит следующее определение футбольных болельщиков: «Футбольными фанатами называются те члены субкультуры, которые придерживаются норм и ценностей, специфических практик, символики и т.д. и действуют в соответствии с ней. Следовательно, в таком случае фан-движение — это среда, в рамках которой воспроизводится специфическая субкультура» [19, с. 184–185]. На теоретическую и практическую значимость общественного анализа особенностей мировоззрения участников данного движения указывает развитие и популярность фанатской субкультуры в России.

В исследовании О. В. Баева «Футбольные фанаты в европейских странах» [1] подробно рассмотрен вопрос формирования и развития европейского движения болельщиков в период с момента его зарождения до наших дней на примере чемпионатов Англии, Италии, Германии и Испании — стран, находящихся на острие мировой футбольной жизни. Попытка вскрыть социально-политические аспекты современного футбола и спорта вообще была предпринята в публицистической статье Г. Г. Бовта [2].

Анализ степени изученности темы приводит к выводу о том, что, несмотря на внимание отечественной и зарубежной научной мысли к вопросам деятельности футбольных фанатов, фанатской культуры и т.д., проблема, связанная с актуализацией элементов традиционной культуры в творчестве фанатов, не получила на сегодняшний день должного внимания.

Исходя из имеющихся материалов, посвященных тематике настоящего исследования, можно определить его цель, состоящую в выявлении особенностей песенно-танцевального творчества осетинских футбольных фанатов, основанного на элементах народного музыкального творчества и традиционной культуры. Предметом исследования при этом выступает преимущественно трансформация осетинских народных песен, происходящая в процессе деятельности футбольных болельщиков.

При изучении рассматриваемого вопроса мы использовали различные методы исследования культуры, одним из которых является структурно-функциональный метод. На материале анализа деятельности фанатских групп была проведена работа по выявлению и описанию их функций в «околофутбольном» мире. Данный подход был применен как непосредственно к деятельности центрального объекта нашего исследования — фанатского движения, ультрас, так и к разнообразным формам поддержки болельщиками своей команды (песни, кричалки и т.д.). Использование данного метода способствовало определению функциональной значимости рассматриваемого вопроса, объяснению его природы и конкретизации каждой его части. Помимо рассмотрения структурных общностей, данный метод также позволил выявить функциональные связи как внутри изучаемого нами объекта, так и в контакте с окружающим миром.

На примере деятельности фанатской группы «Фаллаг фарсы бал» (осет. «Стая противоположной стороны»), использующей осетинские народные песни «Чепена» и «Сой», посредством сравнительно-исторического метода в процессе работы рассматривается в темпоральной перспективе развитие осетинских обрядовых песен с древности до наших дней и их бытование в современной молодежной среде.

В исследовании были решены задачи, связанные с анализом элементов наследия традиционной художественной культуры (маски, музыка, танец) в футбольной субкультуре на примере фанатской практики болельщиков владикавказского футбольного клуба «Алания» «Фаллаг фарсы бал».

Представляется, что данное исследование будет способствовать дальнейшему изучению процессов формирования и развития современного фольклора, а также различных тенденций, связанных со взаимодействием современной и традиционной культур на уровне общественного сознания.

Движение футбольных фанатов как феномен культуры. Сегодня футбол является поистине видом спорта номер один в мире по популярности и количеству вовлеченных в него людей. О.В.Баев указывает, что, «согласно опубликованному в апреле 2014 г. докладу Союза европейских футбольных ассоциаций, 82% взрослых европейцев интересуются футболом “в той или иной степени”, а 25% — “очень интересуются»» [1, с. 5]. Также стоит упомянуть страны Латинской Америки, в которых почти все население охвачено футбольной лихорадкой.

Конец XX в. ознаменовался формированием сообществ профессиональных болельщиков (фанатов), которые компетентны в определенных видах спорта, преданы самому спорту и спортсменам, представляющим его. Возраст фанатов, составляющих порядка половины всех зрителей, как правило, варьируется в пределах от 16 до 30 лет.

Говоря о российском футболе, стоит отметить, что по количеству болельщиков наша страна опережает такие футбольные страны, как Франция и Германия.

Г.А.Пильц в работе «Футбол — это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов» [11] подчеркивает обязательную причастность болельщиков с большой буквы к триумфу поддерживаемой команды и готовность подвергать себя ради этого момента различным тяготам и лишениям. «Фанатское движение можно по праву назвать “футболоцентричным”»: фанат полностью и до конца отождествляет себя со своей командой и со своим клубом и демонстрирует свою идентичность в одежде (куртки, флаги, шарфы, шапки в цветах и/или с эмблемами данного футбольного союза). Такие фанаты, навсегда сомкнувшиеся вокруг футбола, создают своими песнями и речевками особую атмосферу на стадионах и громко поддерживают свою команду до фи-

нального свистка, даже если она уже явно обречена на поражение» [11, с. 118].

В исследовании А. С. Колмыковой [9] ультрас рассматриваются в качестве основной группы болельщиков, которая берет на себя обязанность поддержки любимой команды. «Обнаружение общих характеристик термина “ультрас” в европейских исследованиях британских, а также итальянских авторов, дает возможность идентифицировать субъектов, которые являются реализаторами эмоциональных характеристик собственной личности, а также выступают активными представителями социальной группы. Наиболее творческими и экспрессивно активными индивидами являются представители северно-европейской культуры поддержки. Они соединяют в себе несколько особенных черт: визуальная поддержка, — с помощью хореографических элементов и пиротехнических средств, участие в перфомативных практиках, а также акустическая поддержка, использование ударных инструментов и песен, исполняемых с помощью мегафонов» [9, с. 166].

В статье П. Бурдые [3] затрагиваются главным образом вопросы функционирования популярных видов спорта как зрелищ: «Итак, помня о важности занятия спортом — особенно командными видами спорта, наподобие футбола... нельзя забывать и том, что так называемые популярные виды спорта — велосипедный спорт, футбол или регби — функционируют также как зрелища (которые отчасти могут быть обязаны интересом к себе воображаемому участию, основанному на прошлом опыте реальных практик). Они популярны (popular), но в том смысле, в каком это прилагательное применяется к материальным или культурным продуктам массового производства, машинам, мебели или песням. Короче говоря, спорт, возникший на основе действительно народных (popular) игр, то есть игр, созданных народом, возвращается к народу, подобно народной музыке, в виде зрелищ, созданных для народа» [3, с. 105].

Желание оказывать поддержку своей команде особенным способом с применением всех доступных средств является универсальной для болельщиков. В Европе движение ультрас

помимо футбола характерно и для других командных видов спорта.

Элементы культурных практик футбольных болельщиков. Предметом внимания в данном исследовании будут главным образом музыкально-ритмические элементы культуры футбольных болельщиков, являющиеся частью художественных практик в рассматриваемом феномене.

Важное значение для изучения заявленных аспектов имеет статья М. В. Строганова и Р. А. Боровика [14], в которой обращается внимание на то, что посредством песен, кричалок, речевок и т. д. осуществляется максимальное самовыражение болельщиков. Перечисленные жанры классифицируются в качестве околофутбольного фольклора, который, в свою очередь, является органичной частью современного городского фольклора.

В работе подробно рассматривается структура и разновидности футбольных кричалок на территории СССР и современной России. По мысли авторов, присутствие фаната на состязании предполагает не пассивное наблюдение, а непосредственное участие. Декламация им величальных кричалок призвана укрепить силу команды, помочь ей приблизиться к «виктории». Корильные же кричалки, в свою очередь, должны негативным образом сказаться на силе противоположной стороны и сделать ее проигрыш закономерным исходом состязания. Каждый болельщик уверен в магическом наполнении слова и ожидает обязательное претворение в реальность сказанных слов в контексте соревнования [14].

Помимо кричалок, обрядово-магическое происхождение имеют и речевки. И если использование кричалки предполагает сольный вариант или же исполнение малой группой, то озвучивание речевки охватывает всех фанатов, генерирует энергию и силу каждого в один мощный порыв.

В сравнении с традиционным, современный городской фольклор и связанные с ним тексты распространяются по стране намного быстрее. Конечно, большую роль в этом играют современные средства записи и распространения звука, которые, помимо тиражирования текста песни, позволяют делать это

и в отношении исполнения (каждый болельщик клуба может легко познакомиться с наиболее популярными кричалками). Зачастую фанатские группировки разных клубов используют для своих кричалок один и тот же устойчивый и довольно известный музыкально-ритмический характерный мотив.

Рядом исследователей высказывается мысль, согласно которой футбольная кричалка вполне может считаться отдельным жанром искусства. Так, Д. Н. Фатеев, проводя в своих работах сравнение данного жанра в Великобритании и России, отмечает популярность в Англии так называемых «чантов» (от англ. *chant* — песнопение), которые исполняются нараспев без сопровождения музыкальных инструментов. В России и Восточной Европе, наоборот, большее распространение получили тексты короткого ритмизированного характера [18].

При сравнении английского и российского вариантов отмечаются как схожие моменты (верность клубу, признание фаната двенадцатым игроком и т.д.), так и отличные: чантам присуща образность, тогда как традиционным кричалкам — конкретность. Несмотря на то, что для российской фанатской среды более характерны кричалки, упоминавшаяся выше группа владикавказских болельщиков «Фаллаг фарсы бал» органично вплела чанты в свой репертуар, что будет рассмотрено далее.

Как уже было отмечено выше, помимо кричалок и речевок в фанатской культуре практикуются песнопения и элементы хореографии. Первым примером могут служить болельщики английского «Ливерпуля», начинающие каждый домашний матч с песни, которая без преувеличения стала гимном для их родного клуба. Композицию «You'll never walk alone», которую написали Ричард Роджерс и Оскар Хаммерстайн, должен знать каждый уважающий себя фанат «Ливерпуля». Второй пример — болельщики Новозеландской регбийной команды «All Blacks». Их атрибутом стала хака — традиционный танец племени маори, который коренные новозеландцы традиционно исполняли перед битвой для устрашения противника и поднятия собственного боевого духа. Следует отметить, что группа «Фаллаг фарсы бал» также использует народ-

ные маски и песни для поддержки команды «Алания» и деморализации соперника.

Культурные практики и элементы народного творчества в фанатском движении Осетии. Элементы традиционной культуры активно используются группой болельщиков владикавказской «Алании», именуемой «Фаллаг фарсы бал». В перечень этих элементов входит использование традиционных масок ряженных, музыкальное сопровождение с применением национальных инструментов, исполнение обрядовых и трудовых народных песен с переориентированием текста на футбольную тематику. Данный симбиоз стал возможен благодаря давним традициям фанатского движения во Владикавказе и резко возросшему интересу к народной культуре среди молодежи. Благодаря этому у осетинских болельщиков появился свой яркий узнаваемый стиль, подчеркивающий этническую принадлежность данной группы фанатов (Рис. 1).

Рис. 1. Эмблема «Фаллаг фарсы бал» (из личного архива участников группы)

Fig. 1. The emblem of Fallag farsy ball (from the personal archive of the group members)

Так, участники вышеназванной группы сделали неизменным и узнаваемым атрибутом своего присутствия на стадионе обязательного спутника всех народных празднеств

и магических ритуалов — маску (осет. «мæнгцæгом») (Рис. 2).

Рис. 2. Осетинская маска «мæнгцæгом», изготовленная в мастерской «Azawxan» (фото из архива мастерской «Azawxan»)

Fig. 2. Ossetian mask *mængtsægom*, made in the Azawxan workshop (photo from the archive of the Azawxan workshop)

В работе «Народные игры и развлечения осетин» известного осетинского этнографа В. Уарзиати дается весьма подробное описание масок. В частности, для их изготовления использовался в первую очередь войлок и различные подручные материалы, лоскуты шкур домашнего скота. Маски были нескольких разновидностей, одна представляла собой шлемообразный головной убор, закрывавший полностью лицо и плечи, вторая же прятала лишь лицо человека. В маске предполагались отверстия для рта, глаз и носа. Отверстия для глаз и рта демонстративно выделялись, обшиваясь яркими лоскутами

Рис. 3–4. Участник «Фаллаг фарсы бал» в маске, изготовленной в мастерской «AZAWXAN» (Фото из архива мастерской «AZAWXAN»)

Fig. 3–4. Participant of Fallag farsy ball in a mask made in the workshop AZAWXAN (photo from the archive of the workshop AZAWXAN)

ткани. Нижняя часть маски напоминала бороду, а пышные усы делались из конского волоса или шерсти. Также наблюдались и зооморфные черты — небольшие рожки [16, с. 82].

В. Уарзиати высказывает мысль, согласно которой использование ряженными масок и вывернутых наизнанку овчинных шуб давало возможность для сокрытия человеческого начала и перевоплощения в нужный образ: «Получалось своеобразное совмещение в одном лице ряженого и объекта ряжения, что создавало условную символику, в основе которой лежала магия подобия. Установлено также, что шерсть/шкура и одежда из нее являются у многих народов символом благополучия, обильного урожая и плодородия в целом, заменяющим живые жертвенные существа. Такой непосредственный контакт с целью войти в особые отношения, заручиться поддержкой и обеспечить благополучие определял сущность обрядового ряжения» [16, с. 87].

Используемые сегодня маски изготавливаются в мастерской национального костюма и традиционных техник рукоделия «AZAWXAN» (осет. «Азаухан») (Рис. 3–4). Прототипами масок служат образцы, выставленные в Национальных музеях РСО — Алания и Республики Южная Осетия, а также описанные в этнографической литературе. Мастерская функцио-

нирует во Владикавказе с 2018 г., за этот период в ней прошли обучение более 500 человек. На сегодняшний день на матче используется в среднем до 10 масок.

Таким образом, использование масок футбольными болельщиками, помимо эффекта театральности, является своеобразным ритуалом, направленный на заручение поддержкой высших сил для обеспечения победы своей команды.

Помимо традиционных масок, осетинскими болельщиками приспособлена и адаптирована песня, сопровождающая обрядовый танец «Чепена». Такое действие не предполагало участия музыкальных инструментов, что указывает на культовую составляющую, которая нашла отражение в связи между словами и исполняемыми движениями. Текст песни достаточно прост и выстроен по закону ритмико-синтаксического параллелизма. В дошедших до нас песенных текстах отсутствует тематический и сюжетный фундамент, они базируются на импровизации — важнейшей части фольклора.

В исследованиях В. Уарзиати отмечается, что ранние тексты песен изобиловали различными откровенными моментами [16, с. 40]. Эта мысль подтверждается результатами экспедиции Северо-Осетинского ИГИ, которая проходила в Туальском ущелье Осетии. Исследователи склоняются в пользу того мнения, что все ранние тексты были эротического содержания, а движения, исполняемые во время танца, непосредственно иллюстрировали проговариваемый текст, наполняясь магическим смыслом, который должен был способствовать чадородию новой семьи [16, с. 40–41].

В подобном формате данный танец существовал до начала XX в. В более позднее время он приобрел следующую форму. Присутствующие на свадьбе старшие после завершения обычных (основных) танцев вставали

в хоровод. Опершись на плечи соседа или же взявшись за руки, участники хоровода запевают песню. Руководителем данного процесса был *радгъс*, который выбирался из числа лучших певцов и танцоров и обладал при этом даром импровизации и чувством юмора. От него зависел общий ход хоровода, направлявшийся запеваемой им песней, которую подхватывали танцующие. В тексте песни давались различные указания для исполнения в танце не очень удобных и комичных движений.

На футболе же *радгъс*, вместо предложения исполнить тот или иной элемент танца, обращается непосредственно к футболистам, призывая их забить гол и обыграть соперника, а также озвучивая различные колкости в адрес их команды. Остальные болельщики отвечают озвученным выше запевом «Ой, ой, Чепена». Так же как и в свадебном варианте, распорядителем назначается лучший запевала, обладающий острым умом и хорошо владеющий импровизацией. Т. Салбиев высказывает довольно интересную мысль, согласно которой «Чепена» ориентирована на вторжение в пределы общества дозированного и контролируемого хаоса. Разрешение на употребление в тексте ненормативной лексики и различных вольностей, указывающих на изначальный эротический контекст действия, дается ритуально-мифологической природой смеха, сопровождающего «Чепена» [12, с. 146–147].

Далее приведем три варианта текста песни, сопровождавшего «Чепена». Первый вариант представляет собой более ранний образец, соответствующий первоначальному смыслу танца. Текст был записан в 2012 г. со слов мастера по воссозданию и изготовлению осетинских народных музыкальных инструментов Сослана Моуравова участниками ансамбля осетинского аутентичного песнопения и старинных музыкальных инструментов «Къона» (осет. «очаг»).

*Уæлеуæле Сирнад.
Ойрæужйтæ.
Чындзæн йæ быкк-фиу
нард.
Ойрæужйтæ.*

*Выше, выше Сирнад (село).
Ойрæужйтæ
У невесты в.....а тучная,
жирная.
Ойрæужйтæ.*

Уый дæлейы Сындысæр.
Чындзы быччы джылы сæр.
Ойрæуæйтæ.

Уый дæлейы Елгона.
Чындзæн йæ быкк фегом уа.
Ойрæуæйтæ.

Уый дæлейы Сахсат.
Чындзы хъæйынаг бафсад.
Ойрæуæйтæ.

Уый дæлейы Гуыркъуымтæ.
Чындзæн йæ быкк ныккъуымтæ.
Ойрæуæйтæ.

Уый дæлейы Тæбæгъæу.
Чындзæн йæ быкк бæлæгъæу.
Ойрæуæйтæ.

Уый дæлейы Зæрæмæг.
Бирæ цæрой уæ зæнæг.

Ниже его Синдзисар.
В в.....е у невесты головка.
Ойрæуæйтæ.

Ниже его Елгона.
У невесты в.....а откроется.
Ойрæуæйтæ.

Ниже его Сахсат.
Насытится в.....а невесты соутием.
Ойрæуæйтæ.

Ниже его Гуркумта.
В.....а невесты на мелкие части разделится.
Ойрæуæйтæ.

Ниже его Табакау.
У невесты в.....а как лодка.
Ойрæуæйтæ.

Ниже его Зарамаг.
Долгой жизни вашим потомкам.

Второй вариант взят из монографии Д. М. Дзлиевой «Динамика исторического раз-

вития свадебного музыкального фольклора осетин» [6].

Ой, рира, Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Галиукъахæй Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Рахизырдæмраивут.
Ой, ой, Чепена.

Æнцадмамынæрлæуут.
Ой, ой, Чепена.

Æнцад лæудæй Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Дзуццæг бадты æрбадут.
Ой, ой, Чепена.

Къухтæ полыл рывæрут.
Ой, ой, Чепена.

Уæ цæсгомьл æрсæрфут.
Ой, ой, Чепена.

Ой, рира, Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Левой ногой Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Поменяйте на правую.
Ой, ой, Чепена.

Станьте спокойно.
Ой, ой, Чепена.

Стоя спокойно Чепена.
Ой, ой, Чепена.

Присядьте на корточки.
Ой, ой, Чепена.

Положите руки на пол.
Ой, ой, Чепена.

Вытрите их об лицо.
Ой, ой, Чепена.

<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Уæлæрддыгæй Дударыхъо. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>С верхней стороны Дударыхъо. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Галиурдыгæй Æвзарыхъо. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Слева Авзарыко. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Ардæм ма мæм рауайут. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Подойдите ко мне. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Уæ чызытæ рæссугъд ысты. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ваши девушки красивые. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Уæхæдæг нын нæ бæззут. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>А сами вы не годитесь. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Галиу къахæй Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Левой ногой Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Рахиз къахæй раивут. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Поменяйте на правую. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ой, рира, Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>

Третий вариант текста был записан нами от исполнителя Заура Гуриева на стади-

оне во время одного из матчей владикавказского ПФК «Алания».

<i>Ой мæнæ Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Ой, вот Чепена. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Рамбулын сæ хъæуы. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Надо нам их выиграть. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Нæ куыйтæ сæ бахæрæт. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Пусть съедят их наши собаки. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Сæк тæхтæ сын асæттут. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Сломайте им ноги. Ой, ой, Чепена.</i>
<i>Сæ рæнхъытæ сын батонут. Ой, ой, Чепена.</i>	<i>Прорвите их ряды. Ой, ой, Чепена.</i>

Дыуаг голы нæвæййы. Ой, ой, Чепена.	Двух голов не бывает. Ой, ой, Чепена.
Æртæ нæ фаг куы не сты. Ой, ой, Чепена.	Три гола нам мало. Ой, ой, Чепена.
Цыттар голы нæ фæччы. Ой, ой, Чепена.	Четыре гола не положено. Ой, ой, Чепена.
Фондз голы сын бакъуырут. Ой, ой, Чепена.	Пять голов им забейте. Ой, ой, Чепена.
Сæ сæртæ сын æрдасут. Ой, ой, Чепена.	Головы им обрейте. Ой, ой, Чепена.
Кæлмæрзæнтæ съл æскæнут. Ой, ой, Чепена.	Косынки им на головы повяжите. Ой, ой, Чепена.
Иу гол нæ нæ хъæуы. Ой, ой, Чепена.	Одного гола нам не нужно. Ой, ой, Чепена.

НА СОНГСИ. ф. искусство, оп. 2, 31
Исп. Борис Плиев, 1932 г. р.,
род. в с. Даллаг Рук
Зап. Джавский р-н, ЮО, 1967 г.
Расшифровка Д. Дзлиевой

Рис. 5. «Чепена», нотная запись [6, с. 221–222]

Fig. 5. Cherena dance, musical notation [5, p. 221–222]

Помимо «Чепена», в арсенале осетинских футбольных болельщиков также есть собственная интерпретация обрядово-

поздравительной песни «Сой» (осет. букв. «жир», «сало», «масло», «сытость», «достаток»), которая исполнялась во время обряда Кæхц-

гәһәһ. В. Уарзиати в своих исследованиях описывает данный обряд следующим образом: «Суть его сводится к тому, что в этот день родители невестки с богатыми дарами посещают своего маленького племянника. <...> Как правило, практически все расходы на приобретение подарков и организацию стола несла семья родившей женщины. Более того, она обходила своих ближайших родственников по отцу и матери с целью оказания ей посильной материальной помощи. С этим связано и название праздника, ведь мать новоро-

жденного обходила родственников с большой деревянной чашей *кәһи*, собирая всевозможные подарки и припасы для этого праздника» [17, с. 92].

В работе Д. М. Дзлиевой и С. Аланкуш [5] отмечается следующий момент: «Одним из составляющих обряда являлись молодежные обрядовые шествия по дворам с пением. Участники обходов ходили ряженными в вывернутых мехом наружу шубах. Ключевым моментом ритуала являлось их одаривание, что и отразилось в текстах:

*Се 'фсины фарсыл – дидитә,
Сой цәуы, сой!*

*Радавут нын чъиритә,
Сой цәуы, сой!*

*Сә бәгәһны – гарзыдзаг,
Сой цәуы, сой!*

*Радавут нын дзы авджыдзаг,
Сой цәуы, сой!*

*Се 'фсины нәй цу зонәг,
Сой цәуы, сой!*

*Радавут нын физонәг,
Сой цәуы, сой!*

*На поясе у хозяйки побрякушки,
Сой идет, сой!*

*Вынесите нам пироги-ватрушки,
Сой идет, сой!*

*У них пива бочка полная,
Сой идет, сой!*

*Бутылку из нее нам дайте,
Сой идет, сой!*

*Их хозяйку никто не знает,
Сой идет, сой!*

*Принесите-ка шашлыка,
Сой идет, сой! [5, с. 170–171]*

По мнению Д. М. Дзлиевой и С. Аланкуш, «песни, исполняемые во время обряда *Кәһи гәһәһ*», встречаются с двумя типами рефренов: магический, в знак пожелания домочадцам изобилия, *Сой, цәуы сой*, и не имеющей смысловой нагрузки припев

Уассуарада» [5, с. 171]. Для исполнения на стадионе осетинские болельщики выбрали первый вариант. Ниже приводится текст авторства Таймураза Берозти, записанный на одной из игр ПФК «Алания» во Владикавказе.

Сой, сой, сой, сой!

*Ростик у на сисамад.
Сой цәуы, сой!*

*Йә фәстә йын хор әрзад.
Сой цәуы, сой!*

*Нә раздзог Гуырийы фырт.
Сой цәуы, сой!*

Сой, сой, сой, сой!

*Ростик¹ – наша каменная стена.
Сой идет, сой!*

*За ним выросла пшеница.
Сой идет, сой!*

*Наш вожак потомок Гурия².
Сой идет, сой!*

¹ Ростислав Солдатенко – вратарь команды.

² Имеется в виду В. В. Гуриев, президент клуба.

Фидар къæдзæх у йæ дзырд.
Сой цæуы, сой!

Гуырцъионы галиу къах.
Сой цæуы, сой!

Кæны хъримаджы гæрах.
Сой цæуы, сой!

Хадарцаты хорз Батрадз.
Сой цæуы, сой!

Знаджы сулæфын бауадз.
Сой цæуы, сой!

Сау лæппу уыд Неко.
Сой цæуы, сой!

Ныр та Крамаренко.
Сой цæуы, сой!

Махаматты Бутта.
Сой цæуы, сой!

Гол къуырын йæ хъуыддаг.
Сой цæуы, сой!

Его слово – твердая скала.
Сой идет, сой!

Левая нога Гурциева¹.
Сой идет, сой!

Громыхает, как ружье,
Сой идет, сой!

Хадарцев Батрадз².
Сой идет, сой!

Не дай противнику вздохнуть.
Сой идет, сой!

Смуглый парень был Неко³.
Сой идет, сой!

Вместо него Крамаренко⁴.
Сой идет, сой!

Магомедов Бутта⁵.
Сой идет, сой!

Голы забивать – его работа.
Сой идет, сой!

Также прочно вошла в репертуар осетинская народная трудовая песня «Хосдзæутты-зарæг», которая сопровождала работу на сенокосе. 5 апреля 2013 г. во Владикавказе, на стадионе «Спартак», на матче между владикавказской «Аланией» и саранской «Мордовией» при участии 10 200 зрителей был установлен своеобразный рекорд в российской футбольной практике по количеству исполнивших песню зрителей.

Интересную, на наш взгляд, мысль высказывает в своей монографии «Аланский театр эпико-мифологического танца» Т.К. Салбиев. Он ассоциирует распорядителя народных танцев, в том числе и «Чепена», радгæс (дословно означает «пастух») с культом Тутыра, покровителя волков в осетинской традиции [12, с. 136]. В устном народном творчестве, в мифологических текстах Тутыр является пастухом, его стадо находится в безопасности, ведь без разрешения покровителя волков ни один хищник к нему не приблизится [12, с. 138]. В пользу ассоциации с пастухом говорит и на-

личие большой палки у помощника распорядителя, похожей на пастушеский посох, которым он подгоняет танцующих. Участники танца, в свою очередь, олицетворяют собой скот, уподобляясь ему в танце, имитируя его повадки (Рис. 5).

Тутыр, являясь покровителем волков, часто сам предстает в таком зооморфном виде [10]. В осетинских воинских традициях в образе волка-пса выступают воины. Участники военных походов и набегов у осетин отождествлялись с волками и именовались «собаками Тутыра» [10, с. 59, 63–65].

Здесь уместна параллель с осетинским фанатским движением, где запевала предстает в образе Пастуха–Тутыра, а подпевающая ему толпа одновременно является ведомой

¹ Батраз Гурциев – нападающий.

² Батраз Хадарцев – нападающий.

³ Данило Неко, бразильский футболист, нападающий клуба «Алания» в 2011-2013 гг.

⁴ Сергей Крамаренко – нападающий.

⁵ Бутта Магомедов – полузащитник.

им отарой и воинством, участвующим в своеобразном набеге на команду соперника. Очень органично в связи с этим и название рассматриваемой нами группы болельщиков «Фаллаг фарсы бал» — «Стая противоположной стороны». «Бал» в осетинском языке, помимо стаи, означает и вооруженную группу всадников, участвующую в набеге.

Заключение. Учитывая описанный нами выше первоначальный смысл данного действия, болельщики, включаясь в архаические процессы ритуализации (через маску, песнопение, танец), обогащают свою субкультуру, придавая этим процессам возвышенный смысл. Через ритуалы сакрализации событие футбольного боления выходит из режима повседневности, ему приписываются черты магического действия. В своих культурных практиках фанатскому движению удастся активно использовать потенциал традиционной художественной культуры в виде песен, музыки, танцев и различных ритуалов, обрядов.

Важной особенностью представляется и то, что вся описанная деятельность с масками и элементами народного песенно-танцевального творчества в среде футбольных болельщиков является их личной инициативой. Это своеобразный ответ на запрос и поиск молодежью своей родной культуры

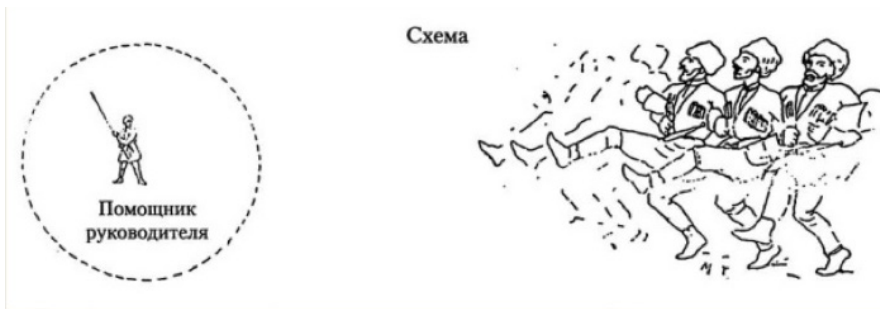

Рис. 6. Схема танца «Чепена» [15, с. 74]

Fig. 6. Scheme of the Chepena dance [16, p. 74]

в современном городском социуме. Многие молодые люди, которые в силу разных причин не говорят на осетинском языке, попадают в дружелюбную языковую среду и через изучение песенных текстов и коммуникацию с товарищами по команде болельщиков становятся практикующими носителями родного языка.

Таким образом, несмотря на доминирование в российской фанатской среде коротких и емких кричалок, болельщикам из Владикавказа удалось привнести новшества в виде синтеза привычного нам формата боления и традиционного хорового пения, элементов национального костюма и обрядовых практик.

На основе вышеизложенного материала можно сделать вывод, что использование в качестве фанатской идентификации песен, танцев, действий обрядового характера явилось органичным развитием народного творчества в среде городской молодежи, став новой формой городского фольклора.

Kosta N. DZHIOTI

State Choreographic School-Studio
under the Ministry of Culture
of the Republic of South Ossetia,
Tskhinvali, Republic of South Ossetia
jioev91@mail.ru

***Ethnic Heritage as the Basis
of Musical Cultural Practices of Ossetian Football Fans***

Abstract. The aim of the study is to identify the features of Ossetian football fans' song and dance performances based on elements of traditional culture. The materials were the author's personal observations of the activities of the leaders of football fans, the results of research by Russian culturologists and sociologists on the Ossetian folk culture and the fan movement. The research

methodology is based mainly on the structural-functional approach. The activities of the group of Ossetian football fans, Fallag farsy bal, who use elements of folk art in their practices, have been studied. The elements of traditional culture used by modern Ossetian football fans (disguised masks, national musical elements, ritual and labor folk songs, reoriented to football themes) are analyzed. The use of masks at a football match is a kind of ritual aimed at getting the support of higher powers for the sake of the victory of their team. The author studies a version of the song adapted to the football theme, which accompanied the folk ritual dance Chepena; provides authentic traditional texts and a modified modern version created by the fans of the Ossetian club Alania; considers the interpretation of the ritual congratulatory song "Soi" composed by Ossetian football fans; indicates the presence of the Ossetian folk labor song "Khosdzæuttyzaræg" (song of mowers) among the performed folklore works; draws an analogy between the leader, who directs the actions of the fans at the match, and the manager ("radgæs"), who gave instructions to participants during the performance of traditional Ossetian dances; notes the semantic connection of the image of the manager with the cult of Tutyr, the patron saint of wolves in the Ossetian tradition. The author has established that Ossetian football fans managed to bring elements of folk art into the Russian fan culture. Among the features of the song and dance practices of Ossetian football fans, the author points out: (1) the use of the potential of traditional culture in fan practices, (2) the sacralization of actions in support of the team taken by the fans in the stands during the match, (3) the synthesis of the usual format of fan activity and the simultaneous use of traditional choral singing and elements of the national costume. The author believes that the use of songs, dances, music and chants based on works of folk culture as a means of expressing fan identity is an organic development of folk art among urban youth, becoming a new form of urban folklore.

Keywords: football, fan, ultras, chants, fans, Ossetia, Alania, Vladikavkaz, dance, folklore, song, chepena, mask, mummers, chant.

Использованная литература:

1. Баев О. В. Футбольные фанаты в европейских странах // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 5–11.
2. Бовт Г. Г. Футбол как моральный эквивалент войны [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/11829961.shtml> (дата обращения: 12.11.2022).
3. Бурдые П. Как можно быть спортивным болельщиком? // Логос. 2009. № 6 (73). С. 99–113.
4. Горюнов П. Ю. Формальные и неформальные структуры в среде футбольных болельщиков Санкт-Петербурга: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014.
5. Дзlieва Д. М., Аланкуш С. Музыкально-поэтические особенности календарно-обрядового фольклора осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 160–172.
6. Дзlieва Д. М. Динамика исторического развития свадебного музыкального фольклора осетин: монография. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, 2014.
7. Журавков А. А. Генезис субкультуры футбольных фанатов в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 7 (27). Январь–февраль. С. 176–179.
8. Зув В. Н. Социально-экономические условия формирования типологии болельщиков при проведении соревнований на спортивных сооружениях // Теория

References:

1. Baev, O.V. (2014) Football Fans in European Countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (32). pp. 5–11. (In Russian).
2. Bovt, G.G. (2022) Futbol kak moral'nyy ekvivalent voyny [Football as a Moral Equivalent of War]. *Gazeta.ru*. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/11829961.shtml> (Accessed: 12.11.2022).
3. Bourdieu, P. (2009) How Can One Be a Sports Fan? *Logos*. 6 (73). pp. 99–113. (In Russian).
4. Goryunov, P.Yu. (2014) *Formal'nye i neformal'nye struktury v srede futbol'nykh bolet'shchikov Sankt-Peterburga* [Formal and Informal Structures Among Football Fans of St. Petersburg]. *Sociology Cand. Diss. St. Petersburg*.
5. Dzlieva, D.M. & Alankush, S. (2017) Musical and Poetic Features of the Calendar and Ritual Folklore of Ossetians. *Izvestiya SOIGSI*. 25 (64). pp. 160–172. (In Russian).
6. Dzlieva, D.M. (2014) *Dinamika istoricheskogo razvitiya svadebnogo muzykal'nogo fol'klora osetin* [Dynamics of the Historical Development of Ossetian Wedding Musical Folklore]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research.
7. Zhuravkov, A.A. (2009) *Genезis subkul'tury futbol'nykh fanatov v Rossii* [The Genesis of the Subculture of Football Fans in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 7 (27). pp. 176–179.

и практика физической культуры и спорта. 2007. № 3. С. 18–21.

9. Колмыкова А. С. Культурные особенности движения «ультрас»: мировые и украинские реалии // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2 (10). С. 166–170.

10. Кочиев К. К. Тутыр – владыка волков (К вопросу о генезисе и стадийной трансформации культа) // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 31. Тбилиси: Мецниереба, 1987. С. 58–65.

11. Пильц Г. А. Футбол – это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. 2009. № 6 (73). С. 114–133.

12. Салбиев Т. К. Аланский театр эпико-мифологического танца: репертуар, персонажи, сценография, костюмы, реквизит, песни, музыка: монография. Владикавказ: Владикавказский науч. центр РАН, 2022.

13. Смирнов Е. Петербургский футбол как феномен петербургской культуры. СПб.: Книжный дом, 2009.

14. Строганов М. В., Боровик Р. А. Футбольные кричалки и речевки как жанры городского фольклора // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 195–227.

15. Туганов М. С. Осетинские народные танцы // Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 68–94.

16. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.

17. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных исследований, 1995.

18. Фатеев Д. Н. Позднетрадиционный фольклор. Классификация жанра футбольной кричалки // Русский язык за рубежом. 2012. № 3 (232). С. 80–84.

19. Якуба А. В. Футбольные фанаты как субкультура в России // Вестник Краснодарского государственного университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 184–189.

20. IFA – 100 лет. 1904–2004. Век футбола /П. Ланфранчи [и др.]. М.: Махаон, 2005.

8. Zuev, V.N. (2007) Sotsial'no-ekonomicheskie usloviya formirovaniya tipologii bolel'shchikov pri provedenii sor-evnovaniy na sportivnykh sooruzheniyakh [Socio-Economic Conditions for the Formation of a Typology of Fans During Competitions at Sports Facilities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury i sporta*. 3. pp. 18–21.

9. Kolmykova, A.S. (2016) Kul'turnye osobennosti dvizheniya "ul'tras": mirovye i ukrainskie realii [Cultural Features of the Ultras Movement: World and Ukrainian Realities]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2 (10). pp. 166–170.

10. Kochiev, K.K. (1987) Tutyr – vладыka volkov (K voprosu o genezise i stadial'noy transformatsii kul'ta) [Tutyr – The Lord of Wolves (On the Issue of the Genesis and Stage Transformation of the Cult)]. *Izvestiya Yugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. 31. pp. 58–65.

11. Pil'ts, G.A. (2009) Futbol – etonashzhizn': peremeny i protsessy differentsiatsii kul'tury futbol'nykh fanatov [Football Is Our Life: Changes and Differentiation Processes in the Culture of Football Fans]. *Logos*. 6(73). pp. 114–133.

12. Salbiev, T.K. (2022) *Alanskiy teatr epiko-mifologicheskogo tantsa: repertuar, personazhi, stszenografiya, kostyumu, rekvizit, pesni, muzyka* [Alan Theater of Epic-Mythological Dance: Repertoire, Characters, Scenography, Costumes, Props, Songs, Music]. Vladikavkaz: Vladikavkaz Scientific Center, RAS.

13. Smirnov, E. (2009) *Peterburgskiy futbol kak fenomen peterburgskoy kul'tury* [Petersburg Football as a Phenomenon of Petersburg Culture]. St. Petersburg: Knizhnyy dom.

14. Stroganov, M.V. & Borovik, R.A. (2014) Futbol'nye krichalki i rechevki kak zhanry gorodskogo fol'klora [Football Chants and Chants as Genres of Urban Folklore]. *Kul'tura i tekst*. 2 (17). pp. 195–227.

15. Tuganov, M.S. (1977) Osetinskie narodnye tantsy [Ossetian Folk Dances]. In: Tuganov, M.S. *Literaturnoe nasledie* [Literary Heritage]. Oрдzhonikidze: Ir. pp. 68–94.

16. Uarziati, V.S. (1987) *Narodnye igry i razvlecheniya osetin* [Folk Games and Entertainments of Ossetians]. Oрдzhonikidze: Ir.

17. Uarziati, V.S. (1995) *Prazdnichnyy mir osetin* [Festive World of Ossetians]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research.

18. Fateev, D.N. (2012) Pozdnetraditsionnyy fol'klor. Klassifikatsiya zhanra futbol'noy krichalki [Late Traditional Folklore. Classification of the Football Chant Genre]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3 (232). pp. 80–84.

19. Yakuba, A.V. (2014) Futbol'nye fanaty kak subkul'tura v Rossii [Football Fans as a Subculture in Russia]. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo universiteta MVD Rossii*. 4 (26). pp. 184–189.

20. Lanfranchi, P. et al. (2005) *IFA – 100 let. 1904–2004. Vek futbol'a* [IFA Is 100 Years Old. 1904–2004. A Century of Football]. Moscow: Makhaon.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Джиоти, К. Н. Этническое наследие как основа музыкальных культурных практик футбольных болельщиков Осетии / К. Н. Джиоти. DOI 10.36343/SB.2023.33.1.002. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 23–37. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/552/445> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Dzhioti, K.N. (2023) Ethnic Heritage as the Basis of Musical Cultural Practices of Ossetian Football Fans. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 23–37. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.002

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

КОСТЮК Алексей Алексеевич

преподаватель кафедры сольного пения и дирижирования
Дальневосточного института искусств,
Владивосток, Российская Федерация

Alexey A. KOSTIUK

Far Eastern State Institute of Arts,
Vladivostok, Russian Federation

vocalekos@bk.ru

ORCID: 0000-0002-0314-4267

АЛЕКСЕЕВА Галина Васильевна

доктор искусствоведения,
профессор департамента искусств и дизайна
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Российская Федерация

Galina V. ALEKSEEVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

alexglas@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6733-9429

УДК: 782.1:[78.071.1+7.071.1+7.073]:[316.772.2:159.942]

ГРНТИ: 18.41.51

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.003

**Эмоция как коммуникативный
посредник между автором,
исполнителем-вокалистом
и слушателем оперного
произведения**

**Emotion as a Communicative
Mediator between the Author,
Performing Vocalist and Listener
of an Opera**

Исследователи обращаются к материалу одной из наиболее эмоциональных партий в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» – партии Ленского, чтобы на данном примере продемонстрировать функции эмоций, заложенные композитором. Цель научных изысканий – доказать, что данные функции могут быть актуализированы при исполнении самых незначительных по объему отрывков оперной вокальной партии. Исследование основано на нотном тексте оперы П. И. Чайковского и результатах научных разработок российских искусствоведов, музыковедов, психологов и культурологов. Изменения параметров музыкального текста трактуются авторами как средства выражения различных функций, присущих эмоциям, возникающим при вос-

приятии музыки. Авторами выявлены частая смена эмоций, различная степень выраженности той или иной функции эмоций в исследуемом клавире. Установлено, что разработка эмоциональных партитур оперных сочинений обеспечит более точное донесение до слушателей ключевых идей сочинения в оперной практике.

Ключевые слова: эмоции, оперное исполнительское искусство, функции эмоций, эмоциональная партитура образа, эмоциональное содержание музыки, А. С. Пушкин, П. И. Чайковский, «Евгений Онегин».

Актуальность данного исследования обусловлена важностью разноплановой разработки эмоциональной линии партии вокалиста в оперном сочинении, что позволяет слушателю воспринять художественный образ во всей его полноте, с учетом конкретных смысловых нюансов. В статье рассматривается эмоция как движущая сила создания вокального полотна певцом-актером, как коммуникативный посредник между личностью-созидателем и личностью — потребителем творческого продукта. В то же самое время, в век «клипового мышления», поверхностного восприятия мира вследствие цифровизации и «вседоступности информации», оперным певцам как никогда важно глубоко проникать в авторское целеполагание, уметь декодировать эмоциональные паттерны для воссоздания истинности художественного образа путем верной передачи эмоциональной эстафеты «автор → актер → зритель».

Основной проблемной составляющей настоящего исследования является изучение эмоций как феномена, служащего средством коммуникации между автором, певцом и слушателем в оперном искусстве. Научный интерес будет сосредоточен на том, как актерская практика (подготовка партии и «воплощение в роли») связана с процессом изучения нотного материала, как дешифрование авторских эмоциональных кодов, анализ, осознание и воплощение функций, заложенных в этих эмоциях, оказывают непосредственное воздействие на качество вокала и на создание художественного образа.

Вопросы психологии восприятия музыкального искусства исследуются давно. Подробнейший анализ истории изучения психологии музыкального восприятия описан

Е. В. Назайкинским [11, с. 10–25], продолжившим изучение музыкально-психологической проблематики в книге «Звуковой мир музыки» [10]. Ее раздел «Звук и смысл» напрямую затрагивает проблемы эмоционального восприятия музыкальных произведений и их осмысления: «Ассоциант-ассоциация-ассоциат; значащее-значение-означаемое; яркий и явный (объявленный в тексте) элемент метафоры — перенос (буквально «метафора») — подразумеваемый предмет, эмоция, идея... Действие этого общего трехзвенного механизма и является гарантом звуковой семантики» [10, с. 170]. Тем самым эмоцию Е. В. Назайкинский рассматривает в качестве важнейшего гаранта смысла исполняемого произведения, а «тон, тонус, напряжение, стадию движения интонации» связывает с «отражаемой в ней эмоциональной траекторией» сочинения [10, с. 171]. «Эмоции художественного наслаждения» также исследовались В. В. Медушевским [8, с. 20].

Механизмы психологии восприятия музыкального искусства зафиксированы в учебных пособиях В. И. Петрушина [13] и Ю. А. Цагарелли [18]. Понятие эмоциональной партитуры сочинения было предложено, но, к сожалению, не развито В. Г. Ражниковым [15]. Образовательный ракурс эмоционального восприятия музыкальных произведений рассматривался Е. В. Барашковой, Л. И. Дробышевой-Разумовской и Л. Я. Дорфман [3]. Вопросы соотношения темпа, ритма, лада при воспитании эмоционального чувства являются предметом ряда исследований, в том числе это работы В. В. Савельева [16] и уже упоминавшегося В. И. Петрушина [12].

Другая линия исследования эмоции в рамках членения мелодии рассматривалась

в работах М. Г. Арановского, который, отталкиваясь от теории Э. Курта с его «фазой движения», предложил понятие «эмоционального цикла с акцентированным центром» и указал на то, что расчленение мелодии имеет «эмоционально мотивированный характер» [1, с. 38].

Относительно анализа собственно эмоциональной составляющей вокальных партий оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» одной из важнейших работ до сих пор остается исследование Б. В. Асафьева [2], где он дает непревзойденные оценки эмоционального содержания произведений П. И. Чайковского с характеристикой разного содержания интервалов мелодии, однако анализа эмоции как отдельного инструмента создания образа в этой работе нет. Эмотивные паузы в творчестве композитора исследует Л. Красинская («Оперная мелодика П. И. Чайковского») [7, с. 99–101], что является одной из сторон анализа эмоций как процесса регуляции выразительных средств. Таким образом, можно сделать вывод, что отдельных исследований, посвященных рассмотрению эмоциональных партитур творчества П. И. Чайковского, в музыковедении пока не представлено.

Цель данного исследования: на изученном примере (отрывок партии Ленского из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского) доказать, что весь спектр функций, которыми обладает эмоция, может быть в полной мере актуализирован вокалистом даже при исполнении относительно малого фрагмента классического оперного произведения.

Материалами исследования служат труды искусствоведов, психологов, теоретиков исполнительства, личная исполнительская практика одного из авторов, а также клавишная опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Методологической основой исследования явился функциональный подход, сочетаемый с применением методов искусствоведения и психологии.

Научная значимость заключается в выявлении факторов, оказывающих влияние на развитие эмоционального интеллекта певца, в котором эмоция выступает ведущим феноменом вокального искусства и коммуни-

кации между автором творческого продукта и его потребителем. В связи с этим важно рассмотреть эмоцию как один из инструментов создания, воплощения и восприятия оперного искусства.

В классической психологии эмоции (весь спектр эмоционального восприятия и воспоминания) направлены на выполнение функции оценивания весомости событий, которые происходят с человеком: наиболее выраженный эмоциональный отклик вызывают наиболее значимые факты. В эмоциях, переживаниях выражается душевное состояние человека (певца-актера) и его отношение к внешним событиям.

По словам Л. С. Выготского, «огромную роль играют эмоции в творчестве художественном — образном. Они вызываются здесь самим содержанием и могут быть какие угодно: эмоциями скорби, грусти, жалости, негодования, соболезнования, умиления, ужаса и т. д. и т. д...» [4, с. 45].

Он же подчеркивает: «Если мы припомним, что лирическая эмоция есть... вообще художественная эмоция по существу, то есть эмоция формы, — то мы увидим, что психология искусства, поскольку она есть психология формы, остается вечной и неизменной, а изменяется и развивается от поколения к поколению только употребление ее и пользование ею» [4, с. 54].

Как пишут С. Л. Соловьева, Д. Ф. Парфенова и Е. Б. Одерышева, «язык эмоций — это универсальные, сходные для всех людей наборы (паттерны) экспрессивных знаков, выражающих те или иные эмоциональные состояния. Наиболее яркими выразительными формами эмоций являются жесты, мимика, пантомимика, эмоциональные компоненты речи, то есть сила, тембр, интонации голоса» [17, с. 7–8].

Судя по мнению Л. С. Выготского, приведенному выше, историко-культурная динамика развития эмоций, воспитания отношения к ним как к средству коммуникации должна стать одной из важнейших задач исследования вокального искусства, так как она зависит от многих факторов: исторического контекста, функции роли вокалиста, его вокальных данных и т. д.

Помимо смысловой функции эмоции, о которой говорит Л. С. Выготский, важность для данного исследования представляет ее известная еще с Аристотеля, Р. Декарта коммуникативная функция, рассмотренная У. Джеймсом [5], К. К. Платоновым [14, с. 42–53], экспрессивная функция, исследованная в работах В. П. Морозова [9, с. 32–53], и побудительная функция, изученная в трудах А. В. Запорожца [6, с. 78–85]. Указанные функции эмоций будут рассмотрены в статье на примере анализа вокальной партии Ленского в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

В первой же сцене появления юного поэта Ленского вместе с Онегиным в провинциальной усадьбе Лариных (Рис. 1) показана взволнованность героя. Он забывает поздороваться с тремя дамами Лариными и сразу переходит к сути визита — стремится скорее представить своего столичного друга. Первые же слова, касающиеся этикетного обращения, написаны шестнадцатыми, что говорит о спешке, сбившемся дыхании, нетерпении. Герой делает многозначительную паузу перед словами «рекомендую вам»¹. И только при произнесении фамилии «Онегин» композитор позволяет Ленскому спеть восьмыми длительностями. Все! Дело сделано — событие свершилось — выпалил, «диковинку доставил», как ребенок стремился бы

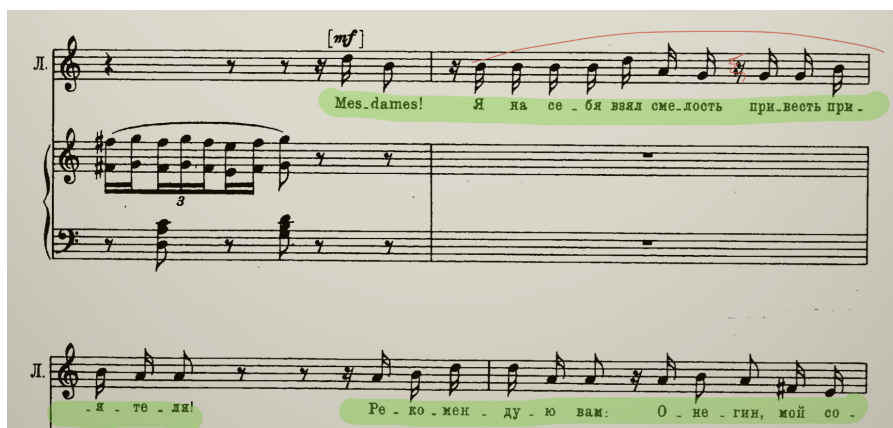

Рис. 1. Страница 54 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 54]

Fig. 1. Page 54 of the piano score of of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 54]

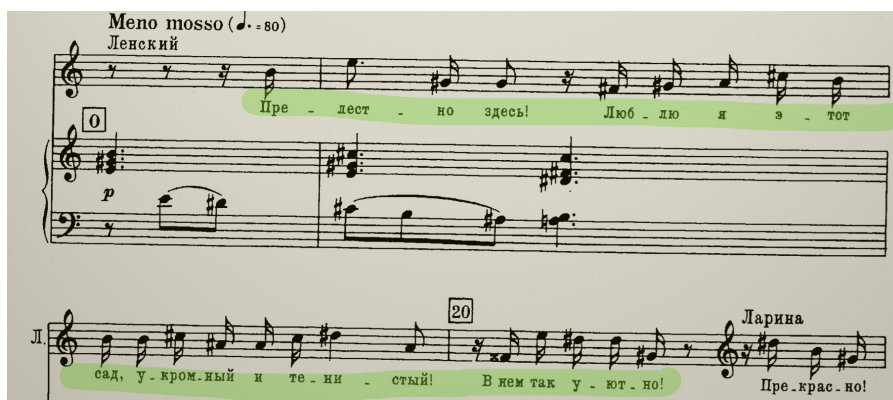

Рис. 2. Страница 56 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 56]

Fig. 2. Page 56 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 56]

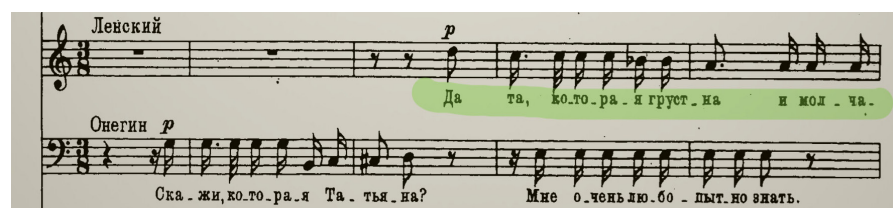

Рис. 3. Страница 57 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 57]

Fig. 3. Page 57 of the piano score of of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 54]

сообщить о самой важной находке матери. Ленский — ребенок. И эмоции его вполне ребяческие.

Те же шестнадцатые и плавающую мелодию можно отметить во второй фразе о прекрасном саде Лариных, с которым у Ленского связаны только светлые воспоминания (Рис. 2). Зависания на верхних нотах в этой мелодии говорят о мечтательности, крайней

¹ Все выдержки из либретто цитируются по изданию [19] (Прим. ред.).

эмоциональности героя. Здесь очевидна экспрессивная функция эмоции.

В квартете (Рис. 3) ответ на вопрос Онегина, кто из сестер Татьяна, о которой юный поэт явно намекал Евгению, Ленский начинает с piano, подчеркивая одной восьмой с точ-

кой слово «грустна». Мелодия так же идет вниз, олицетворяя тем самым значимость эмоционального стояния героини, характерного для нее большую часть времени, демонстрирует переход к «высокому слогу» во фразе о том, что Татьяна «молчалива, как Светлана»

(Рис. 4). Эту фразу, несущую смысловую эмоциональную нагрузку, прерывает сам Онегин, спросив: «Неужто ты влюблен в меньшую?». Ленский опешил, не ожидая такого вопроса, для него он странен: его «а что?» звучит сверху вниз, при этом шестнадцатая на верхней ноте и восьмая внизу — эмоция удивления и настороженности. Здесь прослеживаются коммуникативная и побудительная функции эмоции: с одной стороны, Онегин, увидев реакцию друга, осекается, меняет тон на возвышенный, привычный и желанный для юных друзей. С другой, Ленский попадает на эту уловку — следующая же его фраза идет на forte на повышающейся тесситуре — юноша открывает другу свои побуждения и экспрессию, показывая поэтичность, используя много метафор («волна и камень», «стихи и проза»), подчеркивая привычное восприятие их как противоположностей, на понижающейся мелодии (Рис. 4 и 5). Далее в спокойных четвертных и восьмых с точкой резюмирует, что для него этот вопрос давно решен — они «не столь различны», тем самым в эмоции мы видим реализацию побудительной функции: юный поэт

Рис. 4. Страница 58 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 58]

Fig. 4. Page 58 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 58]

Рис. 5. Страница 59 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 59]

Fig. 5. Page 59 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 59]

призывает Онегина при- слушаться к его точке зре- ния. Видя, что Онегин про- должает в том же духе, Лен- ский, по замыслу компози- тора, еще больше повыша- ет tessитуру экспрессии до «ля» (Рис. 5), уже на оди- наковых шестнадцатых по- вторяет фразу, tessитурой выделяя текст «как мы вза- имной разнотой» (Рис. 6). Здесь побудительная функ- ция усиливается — Лен- ский не просто деклари- рует незначительность различий между противо- положностями, но и приво- дит в пример аналогию их приятельских отношений. Онегин и Ленский скорее различны, чем общи, одна- ко это не мешает им быть добрыми друзьями.

Далее П. И. Чайков- ский, используя особен- сти пушкинского текста, реализует кинематогра- фический стиль повество- вания и выстраивает сле- дующий «кадр»: двое влю- бленных остаются вместе наедине (Рис. 7). Ленский говорит слова «как счаст- лив» ровными четвертями «соль», «фа», «ми». Затем понимает, что недостаточ- но убедителен, и уже с большим восторгом повторяет «как счастлив», чтобы Ольга про- чувствовала его эмоциональное состояние. Полная фраза, включающая эти слова, со сбив- шимся ритмом и поднятой tessитурой, с зави- санием на слове «вижусь» подчеркивает зна- чимость события — встречи с возлюбленной. Здесь на первый план выходят экспрессивная и побудительная функции эмоций. Хотя тут же зритель узнает от Ольги, что виделись-то они вчера. Тогда через паузу, соглашаясь с ней («о, да...»), поэт, подыскивая аргументы (четверть с точкой на «си»), задумывается, и вот реше-

Рис. 6. Страница 60 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 60]

Fig. 5. Page 60 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 60]

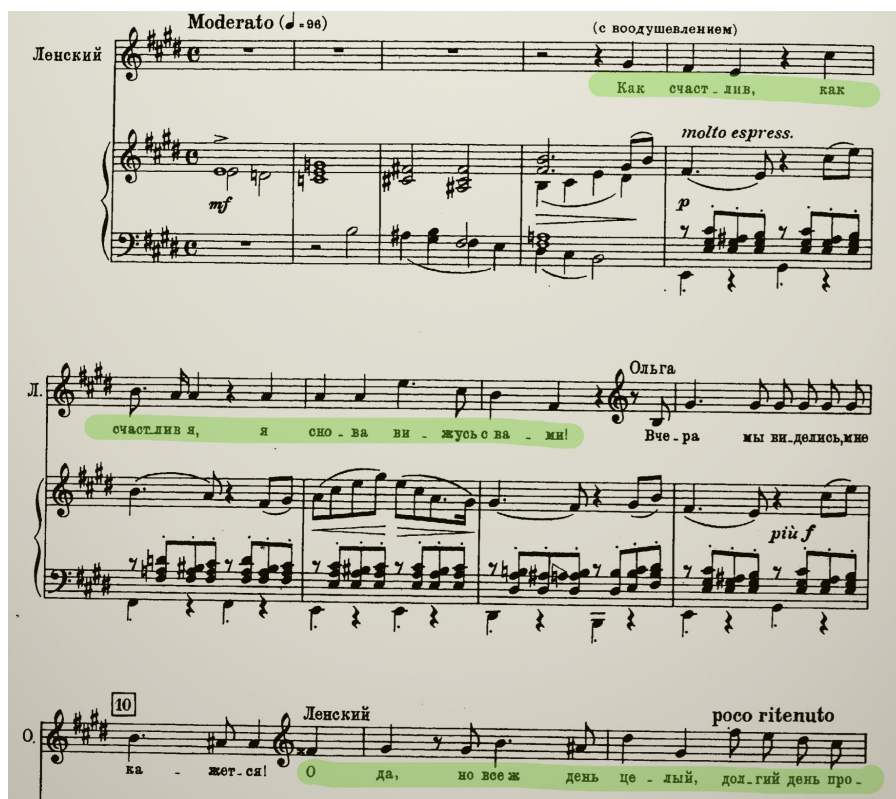

Рис. 7. Страница 62 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 62]

Fig. 7. Page 62 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky Eugene Onegin [19, p. 62]

ние найдено — не просто день не виделись, а «долгий день». Подчеркивается важность слова «долгий» не только уже привычным не- ожиданным ходом мелодии наверх, но и *rosso ritenuto*, выражающим значимость, попытку оправдаться и вовлечь Ольгу в свое состояние мечтательности и задумчивости. И далее ав- тор усугубляет ситуацию (Рис. 8) эмоцией на- стороженности и страха, используя их экспрес- сивные функции за счет скачка мелодии с дра- матических «фа» наверх до «до» и опять пони- жением до «ре» (что для лирического тенора всегда особая задача: чтобы эта низкая нота не потерялась в звучании оркестра, необхо-

димом особенно драматизировать ее). Юноша уходит в свои мысли, погружается в уже нарисованную картину вечности, рока, той самой реки Леты, о которой будет петь в своей основной и самой значимой арии «Куда, куда вы удалились...». Ленский уже готов к смерти, предчувствует ее. Он молчит в течение большой по объему фразы Ольги, где та призывает его к смене настроения. Она переводит «слово страшное» в шутку: «вечность — день один», однако герой погружен в свои мрачные мысли. Как романтический поэт Ленский в глубине души скорее даже мечтает умереть трагически в рассвете лет, чтобы о нем помнили, — эта тема будет хорошо развита в уже упомянутой арии. И герой вторит своему состоянию до тщетной попытки Ольги пошутить: «Да, слово страшное». Используя тот же прием (четвертная наверх и возврат мелодии вниз), композитор подчеркивает трагичность слова «страшное». И далее, через большую для любовного дуэта паузу в полтакта, Ленский очнулся и уже в привычной мечтательной манере на плавающей мелодии отвечает: «Но не для моей любви». Композитор сознательно вводит эту сцену, хотя мог оставить только будущее ариозо Ленского. Он, как в крупном плане кинематографа, концентрирует внимание слушателя-зрителя на этих предвестиях скорой смерти поэта, как лучом прожектора, эмоциональными приемами указывает на будущую трагедию Ленского. Явно просматриваются и коммуникативная, и побудительная функции (на этот раз уже композитора и слушателя).

Таким образом, анализ незначительного по объему фрагмента партии Ленского

Рис. 8. Страница 63 клавира оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» [19, с. 63]

Fig. 8. Page 63 of the piano score of the opera by Pyotr Tchaikovsky *Eugene Onegin* [19, p. 63]

в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» позволяет выявить в указанном отрывке целую палитру эмоциональных красок, создающих изобразительную форму как всей оперы, так и отдельного героя. Художественный образ увлеченного и не очень уверенного в себе юноши должен быть раскрыт певцом-исполнителем во всей полноте через тусамую эмоциональную палитру, которая была заложена в основу оперы текстом А. С. Пушкина и музыкой П. И. Чайковского. А для этого необходимо научиться передавать эмоцию как феномен вокально-сценического искусства в партии вокалиста, возможно создание своеобразной эмоциональной партитуры исполнителя, обеспечивающей полноту раскрытия создаваемого им образа.

В настоящем исследовании на достаточно известном примере было доказано, что исполнение даже относительно короткого оперного произведения вокалистом-

актером в процессе творческой коммуникации со зрителем-слушателем актуализирует весь набор функций, которыми обладают эмоции (смысловая, коммуникативная, побудительная, экспрессивная). Сама нотная запись, будучи проанализирована и использована в аспекте своих формальных характеристик при одновременном наложении на нее содержательной основы либретто, предоставляет певцу широкие возможности для наиболее полного раскрытия воплощаемого образа, верного эмоционального воздействия на публику. Это утверждение дает основание для последующей работы над созданием эмоциональных партитур оперных произведений, которые могут составляться с опорой на исследования, посвященные выявлению интонационных характеристик экстралингвисти-

ческого (эмоционального) полотна различных оперных партий.

Для выявления типовых экстралингвистических партитур оперных сочинений требуются исследования спектрально-акустических и интонационных характеристик экстралингвистического (эмоционального) полотна вокальных партий персонажей разных произведений.

В то же время необходимо понимать, что историко-культурный контекст диктует особые подходы к эмоциональной партитуре при воспроизведении одного и того же сочинения в разные эпохи. Например, при реконструкции исполнения оперы П. И. Чайковского в XIX веке были возможны иные парадигмы восприятия эмоций, чем мы слышим их сейчас. Но это уже тема другого исследования.

Alexey A. KOSTIUK

Far Eastern State Institute of Arts,
Vladivostok, Russian Federation
vocalekos@bk.ru

ORCID: 0000-0002-0314-4267

Galina V. ALEKSEEVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof.,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation
alexglas@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6733-9429

***Emotion as a Communicative Mediator
between the Author, Performing Vocalist and Listener of an Opera***

Abstract. The aim of this research is to prove, using a well-known example (an excerpt from Lensky's aria in the opera *Eugene Onegin* by Pyotr Ilyich Tchaikovsky), that the entire spectrum of functions that emotions possess can be fully actualized by a vocalist even when performing a relatively small fragment of a classical operatic work. Such a proof can form the basis for the scientific development of emotional scores for operatic works, which will facilitate the work of singing actors in embodying the characters of operatic productions. The materials used in this research include the results of studies by Russian and foreign cultural scholars, art historians, psychologists, and performance theorists, as well as the piano score of Tchaikovsky's opera *Eugene Onegin*. The research is based on functional and historical-cultural approaches and utilizes methods of art history and psychology. The authors consider emotion primarily as a tool for creating, realizing, and perceiving operatic art that possesses certain functions. In the process of research, the authors sequentially examine several short fragments of Lensky's aria (in the form of musical notation). Each fragment is examined primarily from the perspective of the actions of the opera characters, followed by an analysis of various characteristics of the musical text of this fragment (dynamic shading, changes in duration and pitch, prevailing vocal range in the part, etc.). The authors also examine the characters' lines that create the semantic content of the

studied fragment. The authors interpret the changes in these parameters of the musical text as means of expressing various functions inherent in the emotions arising when perceiving music (semantic, communicative, expressive, and motivational). The authors have established that Lensky's aria reveals a whole palette of emotional hues that create the artistic form of the entire opera and the hero's part, as well as the emotional language of communication between the composer and the viewer/listener. The examples the authors examined demonstrate that, even when performing a relatively brief operatic work, the singing actor, when creatively communicating with the viewer/listener actualizes the entire set of functions that emotions possess. The musical notation itself, having been analyzed and used in the aspect of its formal characteristics while simultaneously being overlaid with the libretto's conceptual basis, provides the singer with ample opportunities for an emotional impact on the audience and for the most complete disclosure of the embodied character.

Keywords: emotions, opera performing art, functions of emotions, emotional score of image, emotional content of music, Alexander Pushkin, Pyotr Tchaikovsky, *Eugene Onegin*.

Использованная литература:

1. Арановский М. Г. Синтаксическая структура мелодии: исследование. М.: Музыка. 1991.
2. Асафьев Б. В. «Евгений Онегин». Лирические сцены П. И. Чайковского // Асафьев Б. В. О музыке Чайковского. Л.: Музыка, 1972. С. 73–161.
3. Барашкова Е. В., Дробышева-Разумовская Л. И., Дорфман Л. Я. Эмоции в музыке и музыкально-исполнительской деятельности как субъектный фактор музыкального образования // Музыкальное искусство и образование. 2022. Т. 10. № 2. С. 29–45.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
5. Джеймс У. Что такое эмоция? / Пер. с англ. О.С. Копиной и В.К. Вилюнаса // Психология эмоций / Под ред. В. К. Вилюнаса. СПб.: Питер, 2008. С. 100–111.
6. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986.
7. Красинская Л. Оперная мелодика П. И. Чайковского. Л.: Музыка, 1986.
8. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. М.: Музыка, 1976.
9. Морозов В. П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды. М.: Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2017.
10. Назайкинский Е. В. Звуковой мир музыки. М.: Музыка, 1988.
11. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия. М.: Музыка, 1972.
12. Петрушин В. И. Моделирование эмоций средствами музыки. Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 141–145.
13. Петрушин В. И. Музыкальная психология: учеб. пособие. М.: Академический проект; Трикста, 2008.
14. Платонов К. К. Занимательная психология. Санкт-Петербург: Питер Пресс, 1997.
15. Ражников В. Г. Партитурная транскрипция // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 137–141.

References:

1. Aranovskiy, M.G. (1991) *Sintaksicheskaya struktura melodii: issledovanie* [The Syntactic Structure of a Melody: A Study]. Moscow: Muzyka.
2. Asaf'ev, B.V. (1972) "Evgeniy Onegin". *Liricheskie stseny P.I. Chaykovskogo* [Eugene Onegin. Lyrical Scenes of P. I. Tchaikovsky]. In: *O muzyke Chaykovskogo* [On the Music of Tchaikovsky]. Leningrad: Muzyka. pp. 73–161.
3. Barashkova, E.V. et al. (2022) Emotions in Music and Musical Performance as a Subjective Factor in Musical Education. *Muzikal'noe iskusstvo i obrazovanie*. 10 (2). pp. 29–45.
4. Vygotskiy, L.S. (1987) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow: Pedagogika.
5. James, W. (2008) *Chto takoe emotsiya?* [What Is an Emotion?]. Translated from English by O.S. Kopina, V.K. Vilyunas. I: Vilyunas, V.K. (ed.) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg: Piter. pp. 100–111.
6. Zaporozhets, A.V. (1986) *Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2-kh t.* [Selected Psychological Works: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
7. Krasinskaya, L. (1986) *Opernaya melodika P. I. Chaykovskogo* [Opera Melodics by P.I. Tchaikovsky]. Leningrad: Muzyka.
8. Medushevskiy, V.V. (1976) *O zakonomernostyakh i sredstvakh khudozhestvennogo vozdeystviya muzyki* [On the Laws and Means of the Artistic Impact of Music]. Moscow: Muzyka.
9. Morozov, V.P. (2017) *Yazyk emotsiy i emotsional'nyy slukh. Izbrannye trudy* [The Language of Emotions and Emotional Hearing. Selected Works]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
10. Nazaykinskiy, E.V. (1988) *Zvukovoy mir muzyki* [The Sound World of Music]. Moscow: Muzyka.
11. Nazaykinskiy, E.V. (1972) *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya* [On the Psychology of Musical Perception]. Moscow: Muzyka.
12. Petrushin, V.I. (1988) *Modelirovanie emotsiy sredstvami muzyki* [Modeling of Emotions by Means of Music]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 141–145.

16. Савельев В. В. Восприятие эмоционального компонента музыкального лада // Психологические исследования эмоций. 2012. № 6. С. 107-117.
17. Соловьева С. Л., Парфенова Д. Ф., Одерышева Е. Б. Эмоционально-волевая сфера личности (учебно-методическое пособие) СПб.: Изд-во Сев.-Зап. гос. мед. ун-та им. И.И. Мечникова, 2018.
18. Цагарелли Ю. А. Психология музыкально-исполнительской деятельности: учеб. пособие. СПб.: Композитор, 2008.
19. Чайковский П. И. Евгений Онегин: Лирические сцены в 3-х действиях / Либр. П. Чайковского и К. Шилковского по одноим. роману в стихах А. Пушкина; Перелож. для пения с ф.-п. Москва : Музыка, 1979.
13. Petrushin, V.I. (2008) *Muzykal'naya psikhologiya: ucheb. posobie* [Musical Psychology: A Textbook]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksta.
14. Platonov, K.K. (1997) *Zanimatel'naya psikhologiya* [Entertaining Psychology]. Saint Petersburg: Piter Press.
15. Razhnikov, V.G. (1980) Partiturnaya transkripsiya [Score Transcription]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 137-141.
16. Savel'ev, V.V. (2012) Vospriyatie emotsional'nogo komponenta muzykal'nogo lada [Perception of the Emotional Component of the Musical Mode]. *Psikhologicheskie issledovaniya emotsiy*. 6. pp. 107-117.
17. Solov'eva, S.L., Parfenova, D.F. & Odersheva, E.B. (2018) *Emotsional'no-volevaya sfera lichnosti (uchebno-metodicheskoe posobie)* [Emotional-Volitional Sphere of Personality (Educational Manual)] St. Petersburg: North-Western State Medical University.
18. Tsagarelli, Yu.A. (2008) *Psikhologiya muzykal'no-isspolnitel'skoy deyatel'nosti: ucheb. posobie* [Psychology of Musical Performance: A Textbook]. St. Petersburg: Kompozitor.
19. Chaykovskiy, P.I. (1979) *Evgeniy Onegin: Liricheskie stseny v 3-kh deystviyakh / Libr. P. Chaykovskogo i K. Shilovskogo po odnoim. romanu v stikhakh A. Pushkina; Perelozh. dlya peniya s f.-p.* [Eugene Onegin: Lyrical Scenes in 3 Acts / Libretto by P. Tchaikovsky and K. Shilovsky by the Same Name Novel in Verse by A. Pushkin; Adapted for Singing With Piano]. Moscow: Muzyka.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Костюк, А. А. Эмоция как коммуникативный посредник между автором, исполнителем-вокалистом и слушателем оперного произведения / А. А. Костюк, Г. В. Алексеева. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.003 // Наследие веков. – 2023. – № 1. – С. 38–47. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/533/451> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Kostiuk, A.A. & Alekseeva, G.V. (2023) Emotion as a Communicative Mediator between the Author, Performing Vocalist and Listener of an Opera. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 38–47. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.003

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

БАРОНОВА Маргарита Олеговна
аспирант кафедры культурологии
Московского государственного института культуры,
Москва, Российская Федерация
Margarita O. BARONOVA
Postgraduate Student,
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation
maritaf1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7415-3515

УДК: [531.111.5:159.923.2]:[821.161.1:314.743]”194/195”
ГРНТИ: 17.09.91
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.004

**Роль автобиографического
хронотопа в отражении
мировосприятия писателей
«второй волны» русской
эмиграции**

**The Role of the Autobiographical
Chronotope in Reflecting
the Worldview of the Writers
of the “Second Wave”
of Russian Emigration**

В статье исследуется творчество авторов «второй волны» эмиграции: Л. Ржевского, Б. Филиппова, С. Максимова, Г. Климова, В. Юрасова, Т. Фесенко — с целью выявления типологических особенностей их произведений. Основой при этом выступает понятие «автобиографического хронотопа» — личностной включенности автора в художественное пространство и время произведений. Выявлено значение образов пространства, связанных с названиями населенных пунктов (столиц, малых городов), в произведениях представителей «второй волны». Раскрыта роль хронотопа дороги в передаче философского восприятия окружающей действительности данных авторов, в формировании дуальной картины мира путем использования бинарной оппозиции понятий «Родина» и «Чужбина». Приведены аспекты влияния категорий пространства

и времени на раскрытие диалектических особенностей творчества; сделаны выводы об инкорпорировании представителей «второй волны» эмиграции как в культуру русского зарубежья, так и в культурное наследие метрополии — России.

Ключевые слова: русское зарубежье, «вторая волна» эмиграции, образ Родины и образ Чужбины, духовно-культурная ценность, хронотоп, М. Бахтин, Л. Ржевский, Т. Фесенко, Б. Филиппов, В. Юрасов, Г. Климов, С. Максимов.

Культура «второй волны» русской эмиграции представляет собой сложное, многогранное явление, связанное с событиями Второй мировой (Великой Отечественной) войны и хронологически относящееся к 1940–1950 гг. XX в., когда многие наши соотечественники оказались на оккупированной территории или в плену. Людям, по тем или иным причинам попавшим на Чужбину, особенно тяжело было сделать свой духовно-нравственный выбор: вернуться на Родину, где их считали предателями, или попытаться избежать репатриации и пройти через депортационные лагеря. Неоднозначное отношение к дипийцам (название «Ди-Пи» восходит к английскому «displaced persons» (перемещенные лица) — так называли людей, оказавшихся в лагерях для перемещенных лиц в Европе в послевоенное время) является причиной того, что, как отмечает М. Бабичева, произведения писателей «второй волны» знакомы очень узкому кругу читателей и исследователей [7, с. 7].

Только в конце XX — начале XXI вв. начинают выходить в свет учебные пособия, в которых дается обзор культуры «второй волны» эмиграции, в частности «Культурный ренессанс Русского Зарубежья» А. Аронова [5], «История отечественной эмиграции» О. Антропова [4]. В это же время появляются немногочисленные диссертации, затрагивающие рассматриваемую проблематику: исследование Е. Аурилене [6], в котором освещаются проблемы российской эмиграции в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в. на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи; диссертации, посвященные углубленному изучению творчества отдельных представителей «второй волны» — И. Чиннова [18] и Л. Ржевского [10]. Издательская деятельность российской эмиграции, вклю-

чая «вторую волну», рассмотрена в работе П. Базанова [8].

Одним из тех, кто внес большой вклад в возрождение «забытых имен», является В. Агеносов, обобщивший свои выводы в учебных пособиях [3] [2] [1]. Исследуя творчество «второй волны», он подчеркивает, что «писатели Ди-Пи привнесли в русскую литературу то, что не знали и не могли сказать авторы, покинувшие Россию в 1920-е гг.: художественное повествование о жизни русского народа при советской власти» [3, с. 4]. Отмечается и тот факт, что «в стихах и прозе писателей... воплотился опыт Второй мировой войны, личные впечатления о фашистских лагерях и немецкой оккупации» [3, с. 4], обращается внимание на высокую оценку, данную представителям «второй волны» И. Буниным, Г. Ивановым. Наиболее полным исследованием о «второй волне» эмиграции является монография М. Бабичевой «На чужбине писали о Родине» [7], в которой представлены библиографические очерки о представителях «второй волны», анализ лучших произведений. По мнению исследователя, можно оценить «прозу второй волны русской эмиграции как историко-культурный феномен» [7, с. 7].

В условиях возрождения интереса в России к историческому и культурному прошлому становится актуальным изучение проблематики взаимоотношений писателей-эмигрантов с Родиной, а также детерминация их роли в культурном наследии России. Этой проблеме посвящена статья А. Коновалова, размышляющего о миссии России через аксиологическую парадигму [15]. Т. Гордиенко обращается к нравственному потенциалу поэзии представителей «второй волны» и возможностям его использования в работе учителя литературы [13].

Проблема анализа автобиографического хронотопа как личностной включенности писателей «второй волны эмиграции» в художественное пространство и время своих произведений не находила ранее отражения в исследованиях. Представляется актуальным путем анализа категорий пространства и времени, которые приобретают ценностное значение в контексте проблем культуры русского зарубежья, раскрыть особенности мировосприятия тех, кто жил территориально вдали от Родины, но был связан с ней духовно. В процессе анализа отмечается прецедентное единство личностных обстоятельств и нравственных ценностей субъектов русской культуры за рубежом, нашедшее выражение в особенностях их литературной деятельности 40–60-х гг. XX столетия, что позволяет выделить ряд типологических особенностей прозы «второй волны» эмиграции на примере творчества вышеуказанных авторов.

Роль хронотопа как неразрывной связи категорий пространства и времени можно проследить на примере анализа творчества таких авторов «второй волны» эмиграции, как Л. Ржевский (Суражевский), Г. Климов (Калмыков, Ральф Вернер), С. Максимов (Пасхин, Пашин, Широков), Б. Филиппов (Филистинский), В. Юрасов (Жабинский), Т. Фесенко (Светенко). Они, как и многие другие, оказались за рубежом в годы Второй мировой войны. Среди них — интеллигенты, не принявшие жестокости тоталитаризма (Г. Климов, Б. Фесенко, В. Юрасов); дворяне, вынужденные приспособиться к советской действительности (Л. Ржевский); репрессированные, пережившие реалии ГУЛАГа (С. Максимов, Б. Филиппов). Отрыв от Родины и чувство вины перед ней явились решающими факторами формирования представителей данного этапа русской эмиграции как литераторов.

Методологический подход, примененный в ходе исследования, определен взглядами М. Бахтина и его классификацией хронотопов культуры, представленной в труде «Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике» [9]. Использование аксиологического метода способствовало раскрытию связи ценностей с культурными, социальными аспектами жизни и личностями

авторов. Инструментом исследования является анализ хронотопа: использование категорий реального и абстрактного пространства, реального и художественного времени в произведениях.

Представляется, что исследование внесет посильный вклад в изучение круга проблем, связанных с мировосприятием и культурной идентификацией писателей Русского Зарубежья.

В произведениях писателей «второй волны» реальное пространство изображается как конкретное и условное, сжатое и объемное, замкнутое и открытое. Так, географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX в. (Китай, США, страны Европы), однако конкретные страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топонимом «Чужбина». Данное понятие сопоставляется с Родной (Россией) и рассматривается как вынужденное место проживания, ассоциирующееся со свободой творчества, однако не удовлетворяющее духовной потребности единства с родной страной.

В творчестве представителей «второй волны» пространство часто связано с названиями городов, деревень, рек и других географических объектов в значении «малой Родины», что позволяет в том числе сделать выводы о глубинной, симбиотической духовной связи представителей «второй волны» русской эмиграции с Россией. Оно может быть как мнемотическим — отражающим объективное пространство, так и онирическим — пространством воображения, сновидений. Так, в творчестве Л. Ржевского Москва выступает в роли связующего звена для событий различного рода важности, лейтмотивом воспоминаний: «Эту повесть я начал в Москве! Москва! Когда, зажмурившись, произношу я это имя, я слышу московский воздух» [19, с. 55], — так начинается «Сентиментальная повесть». Как отмечала М. Бабичева, «в прозе Ржевского Москва и Подмосковье — это и место действия, и самостоятельный устойчивый образ» [7, с. 250]. Москва Л. Ржевского — это и Девичье поле, Зубовская Площадь, Моховая — места, связанные с его учебой во 2-м МГУ. Это и небо Замоскворе-

чья, о котором вспоминает во время тяжелой болезни Вятчи в оптимистической повести «...Показавшему нам свет». А Володя Заботин, герой повести «Между двух звезд» (часть третья, «Дневник Володи Заботина»), мысленно переносится в Арбатские переулки — уголок «завечеревшей Москвы», откуда можно наблюдать «Успенье на Могильцах» [20]. К Москве как ностальгическому элементу, памяти о поре отрочества обращается и Б. Филиппов в «Памяти сердца»: для него она прежде всего связана с «кондитерскими изысками», возможностью «вкусно поесть и сладко попить», «гастрономическими приманками киосков Масленицы и Вербы» [23, с. 244].

Однако образ Москвы в литературе «второй волны» не всегда связан с положительными воспоминаниями. Для героев «Параллакса» В. Юрасова [26] и «Песни победителя» Г. Климова [14] Москва — это враждебный город, который ассоциирован с неизбежным общением с сотрудниками МГБ, а следовательно, постоянным страхом и невозможностью чувствовать себя свободным. В какой-то степени город и выталкивает героев этих произведений «прямо на запад», «навстречу будущему». Враждебной становится Москва и для художника Ильи Кремнева из повести С. Максимова «В сумерках» [16]. Потеряв своего друга Горечку, покончившего жизнь самоубийством, он уезжает на Волгу, которая воспринимается «как символ и в то же время материализованное воплощение самой русской души» [7, с. 191].

Наряду с Москвой герои часто вспоминают «Петербург, не ставший тогда Ленинградом» [23, с. 247], город юности, который в то же время связан с «нежданно ночными гостями» [23, с. 282] и «удушающей хваткой Медного Всадника» [14, с. 532].

Этим двум столицам, изображенным в дуальном контексте, противопоставляются небольшие города, которые выполняют роль ранее упомянутой ностальгически очерченной «малой Родины». Смоленск, деревня Горки, «Приднестровский отчий край» — для героев поэмы В. Юрасова «Василий Теркин после войны» [25], Новочеркасск — для героя «Песни победителя» Г. Климова [14], Переделкино — для семьи Широковых — героев одно-

именной пьесы С. Максимова [16]. Упоминание малых населенных пунктов, с одной стороны, способствует передаче драматизма войны: при описании отступления советских войск, которое привело Заряжского в плен (повесть Л. Ржевского «Между двух звезд»), мелькают названия деревень: Меринка, Первомайская, Константиновка, Орехово. С другой стороны, эти места являются тем прибежищем, где герои могут скрыться от жизненных невзгод, как деревня «Победа» в Шуйской области, куда приезжает к родителям Василий Трухин с невестой Соней Паниной, которой чудом удалось освободиться из Асбестлага (В. Юрасов «Параллакс»).

Зачастую авторы прибегают к приему типизации, не упоминая конкретного названия населенного пункта и подчеркивая, что подобное могло произойти, где угодно: городок Б., на окраине которого расположился лагерь, куда попадают Заряжский с Милицей, городок Г. — «один из тех, что был ближе к Борисову» [20, с. 19]; «провинциальный пыльный городок», куда «памятью сердца» возвращается герой рассказов Б. Филиппова Андрей [23]. Иногда упоминающееся в произведении географическое название является вымышленным. Так, город детства Милицы (Л. Ржевский «Между двух звезд», часть вторая «Девушка из Бункера») Старгород в реальности не существует, но упоминается в произведениях Н. Лескова, а также в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. Прообразом Старгорода называют Старобельск, Воронеж, Ногинск. При этом существует село с таким названием в Львовской области Украины. Таким же собирательно-вымышленным является и городок Садбищенск в рассказах Б. Филиппова.

Следует обратить внимание на то, что географические названия связаны с образом не только Родины, но и Чужбины. При этом они могут ассоциироваться как с духовной свободой и служить антитезой репрессиям того времени и насильственной репатриации (Мюнхен, Альпы, Дрезден, Пильзен, Далемдорф), так и приравниваться к ним (лагерь Регенсбург, лагерь Платтлинг — у Л. Ржевского и В. Юрасова). Особое место в произведениях этого периода уделяется географическим названиям, связанным с описанием лагерей,

как в СССР (Асбестлаг, Свердловск, Тавда), так и в Германии (Платтлинг).

Наряду с реальным пространством, которое разрывается на части, связанные с прошлым (Россия) и настоящим (то, где герои находятся в событийное время), существует абстрактное пространство: «везде и нигде», «мир смутных очертаний, где нет ни ясных норм, ни творческих дерзаний», «где-нибудь в Германии», «уйдя в бездонный ужас пустоты» [11]. Обобщенно-абстрактные и метафорические образы пространства объединяют настоящее и прошлое в жизни человека и подчеркивают «вечный» внутренний конфликт между чувством и разумом, трудность нравственного выбора.

Хронотоп дороги способствует созданию амбивалентности образов Родины и Чужбины: мотив движения, который можно трактовать как бегство от самого себя или, наоборот, обретение своего места в новых реалиях. Это может быть как обращение к античности («На окраине города, ночью, в Европе... Одиссей из России,— вернись к Пенелопе!» Игорь Чиннов [11, с. 9]), так и описание реальных событий, нелегкого жизненного пути представителей Ди-Пи («Давным-давно он закован. Давным-давно в нем ни души. Теперь попроще, покороче: Бараки. Визы. Барыши». Александр Неймирок [17, с. 91], «Дорога кончилась: отсюда — в никуда». Иван Елагин [17, с. 473]).

Метафорический образ дороги имеет различную коннотацию в произведениях разных писателей, напрямую завися от особенностей философского мироосмысления конкретным автором. Это могут быть поиски самого себя, своего места в новом мире, как в поэзии Ирины Бушман: «Найду лишь новый путь, иль, может, не один...И я тебя люблю за то, что ты дорога, что можно по тебе идти, идти, идти...» [17, с. 270]. У Ивана Елагина восприятие дороги трагично и безысходно: «Ни Конотопа, ни вселенной, а только есть одна дорога, а на дороге катастрофы...» [17, с. 233]. В творчестве Л. Ржевского дорога ведет к «вечному покою», у Б. Филиппова она бесконечна. В авторском осмыслении Б. Ширяева дорога представляет собой замкнутый круг: «Логика же в том, что земля кругла и, идя неуклонно на Запад, сквозь Запад, мы безусловно придем

к Востоку. Нужно лишь идти, не задерживаясь в уютных долинах, не боясь крутых гор, не увязая в болотах... Идти вперед. Тогда придем. Неизбежно придем» [24, с. 268].

Таким образом, категория пространства помогает раскрыть дуальность восприятия образа Родины в литературе «второй волны» эмиграции: ностальгия по родным местам сменяется неприятием того, что происходит на Родине, и наоборот: «...бежали не от России, а от большевистской власти» [26, с. 190]. Так же неоднозначно понятие Чужбины, которое символизирует обретение желанной свободы, но неразрывно связано со страхом из-за возможной депортации.

Мысли и чувства авторов и их героев репрезентируются и посредством категории времени. Его континуальность расчленяется на прошлое, настоящее и будущее. При этом возникают две категории времени: реальное и художественное. Реальное состоит из настоящего (годы Великой Отечественной войны или послевоенные годы) и прошлого (довоенное время). Художественное время делится на конкретное («Следственная тюрьма для политических заключенных. Пять часов вечера» [21, с. 189], «Шел 1937 год», «В марте 1938 года в квартиру Костомаровых властно постучали» [21, с. 217]) и абстрактное. Время расширяется, двигаясь от конкретного к абстрактному, от точного к расплывчатому, что создает ощущение движения к вечности. От сиюминутного, житейского (точного времени) повествование развивается и идет вдаль, к вечному и непреходящему, эсхатологическому времени: «Пусть звезды живут миллиарды лет, а моя земная жизнь длится только семьдесят, но ведь это все условно. После моей смерти наша галактика будет продолжать заданный ей путь. Мое тело умрет, но мой дух будет жить!», «...время — ничто. Важны его последствия!» [21, с. 108].

Категории пространства и времени выступают как единое целое, помогая раскрыть диалектику души персонажей. Обращаясь к классификации хронотопов, данной М. Бахтиным [9], можно выделить идиллический (время, проведенное в родительском доме), авантюрный (испытания в чужом мире), карнавальный (место временного переосмысле-

ния ценностей). Вместе они помогают создать обобщенную картину эпохи.

Наглядным примером является произведение Т. Фесенко «Повесть кривых лет»: безмятежные детство и юность, проведенные в отчем доме («дом моей юности прятался в тени огромной липы, словно стараясь уберечься от горя и непогод» [22, с. 34]), сменяются насильственным переселением в дом чужой сначала из-за ареста отца, а потом из-за оккупации города фашистами и вынужденного отъезда в Германию («Большая солнечная комната с балконом, невероятно грязная и запущенная, изуродованная фанерными перегородками, стояла с настежь открытой дверью, со взломанным замком. Все, что осталось от прежних соседей, эвакуировавшихся на Урал» [22, с. 83]). Покидая Киев, героиня осознает, что это «разрыв с прежней жизнью, и, может быть, безвозвратный» [22, с. 94]. Жизнь в лагере Ди-Пи становится отправной точкой невозврата: «Горькая тоска по родине, отцу и друзьям может сочетаться с ненавистью к существующему строю, лживость и уродливость которого особенно ярко раскрылась за годы войны, когда можно было прочесть и увидеть многое, до тех пор скрытое за семью замками» [22, с. 123].

Экстраполяция прошлого на настоящее и будущее определяет выбор не только Т. Фесенко, но и целого поколения: «...предвоенные молодые годы... показаны на черном фоне коллективизации, ежовщины; затем — Вторая мировая война, немецкая оккупация, с потрясающими воображение мрачными зарисовками военного лихолетья; а дальше — тяжкий путь через всю дымящуюся Европу, с вечным страхом Ди-Пи перед насильственной репатриацией. В этой документальной, правдивой и драматичной, повести... особенно ценным сегодня становятся свидетельства о жизни “перемещенных лиц” в Германии сразу после войны» [12].

Таким образом, проанализировав категории пространства и времени в творчестве писателей «второй волны» эмиграции, мы пришли к выводам о подчеркнутой автобиографичности их произведений, прототипом героев является сам автор — человек, кото-

рый в силу разных причин оказался на Чужбине, но не может забыть Россию. Среди тем произведений превалирует осмысление событий Великой Отечественной войны, политических репрессий и положения авторов в лагерях Ди-Пи. Категории пространства и времени в литературе данного периода выступают как единое целое, помогая раскрыть «диалектику души» писателей и их героев.

Научная новизна исследования заключается в том числе в изучении мировоззрения русской эмиграции «второй волны» со стороны отражения в нем бинарной оппозиции образов Родины и Чужбины. Выявлено, что в творчестве представителей «второй волны» пространство часто связано с названиями географических объектов в значении «малой Родины», что позволяет сделать выводы о симбиотической духовной связи представителей «второй волны» русской эмиграции с Россией. Пространство реальное изображается как конкретное и условное, географические границы охватывают все направления, связанные с эмиграцией из России в XX в., однако конкретные страны выступают фоном для тех или иных событий и объединяются топосом «Чужбина». Данное понятие сопоставляется с Родиной (Россией) и рассматривается как вынужденное место проживания, ассоциирующееся со свободой творчества, однако не удовлетворяющее духовной потребности единства с родной страной, дуальный образ которой является лейтмотивом творчества представителей «второй волны» эмиграции. Географические названия, связанные с образом Чужбины, ассоциированы с духовной свободой и служат антитезой насильственной репатриации. Нередко используется прием типизации, демонстрирующий прецедентное единство субъектов русской культуры за рубежом.

Исходя из анализа первоисточников и мемуаров, в нашем исследовании был отмечен ряд текстологических особенностей, в том числе связанных с категориями пространства и времени, позволяющих констатировать парадоксальную закономерность: вопреки эмиграции, обусловленной целым комплексом исторических и социальных обстоятельств, нельзя говорить об оторванности от родной почвы писателей и поэтов «второй

волны», равно как и об их неприятии России, однозначной антипатии к ней. Они, не принимая ряд аспектов политики родной страны, в то же время испытывали ярко выраженную духовную и культурную связь с Родиной, в том числе ностальгические чувства и душевные переживания из-за невозможности вернуться в Россию. Думается, что критичность отношения представителей «второй волны» эмиграции к родной стране не противоречит патриотическим чувствам. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что литература «второй волны» играет важную роль в культуре Русского Зарубежья и является неотъемлемой частью культурного наследия России, поскольку, несмотря на факт эмиграции, своим творчеством писатели и поэты «второй волны» популяризируют и актуализируют образ родной страны в общемировом культурном пространстве, способствуя включению отечественной литературной традиции в европейский контекст.

Представляется перспективным дальнейшее изучение жизни и творчества представителей русской эмиграции «второй волны» через предложенное нами понятие «автобиографического хронотопа» как личностной включенности автора в художественное

пространство и время своих произведений, поскольку в общей картине культуры Русского Зарубежья все еще остается много лакун. По-прежнему нет единого исследовательского подхода к изучению культуры русской эмиграции XX в., кроме того, как упоминалось выше, сохраняется множество предубеждений относительно данного культурно-исторического периода, связанных прежде всего с политическими и историческими реалиями, влиянием жизненных обстоятельств на духовно-нравственные ценности представителей эмиграции. Нет фундаментального, полного анализа, касающегося влияния социально-политических и жизненных обстоятельств эмигрантов «второй волны» на их культурно-творческую реализацию. Мало исследованы типологические черты художественной литературы данного периода, не все произведения подвергались системному культурологическому и филологическому анализу. Во многом именно вышеуказанные «пробелы» в научных исследованиях являются причиной распроданного, однако не подкрепленного достаточными научными обоснованиями мнения о том, что представители «второй волны» эмиграции не оставили заметного следа в культуре XX в.

Margarita O. BARONOVA

Postgraduate Student,
Moscow State Institute of Culture,
Moscow, Russian Federation
maritaf1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7415-3515

***The Role of the Autobiographical Chronotope
in Reflecting the Worldview of the Writers of the "Second Wave" of Russian Emigration***

Abstract. The aim of the study is to identify the typological features of the prose of the Russian "second wave" emigration representatives through the concept "autobiographical chronotope", which characterizes the writer's personal involvement in the artistic space and time of their works. The author presents the results of the analysis of the methods and tasks of using the categories of real and abstract space, real and artistic time in the works of Leonid Rzhevsky, Boris Filippov, Sergei Maksimov, Grigory Klimov, Vladimir Yurasov, and Tatyana Fesenko. The methodological approach applied in the course of the study is determined by Mikhail Bakhtin's views and his classification of cultural chronotopes; the axiological method is used. The author determined the significance of the categories of space and time in the works of the writers of the "second wave" of Russian emigration and their influence on the creation of a dual picture of the worldview through the opposition of the concepts "Motherland"

and “Outland”. She revealed that in the works of the representatives of the “second wave” space is often associated with the names of geographical objects in the meaning of “small Motherland”, which allows drawing conclusions about the symbiotic spiritual connection of the representatives of the “second wave” of Russian emigration with Russia. Geographical names associated with the image of the Outland are associated with spiritual freedom and serve as an antithesis of forced repatriation. The author emphasizes that the continuum of time in the works of the “second wave” writers is divided into the past, present and future, and thus two categories of time arise: real and artistic, helping to convey the dialectic of the characters’ souls. Particular attention is paid to the study of the role of the chronotope of the road in the transfer of the philosophical worldview of the “second wave” writers. A number of features inherent in their works were noted: (1) the emphasized biographical nature of the works; (2) the themes of the works, including the comprehension of the events of the Great Patriotic War, political repressions and the situation of the authors in DP camps; (3) a typification technique that demonstrates the precedent unity of the subjects of Russian culture abroad; (4) the dual nature of the image of Russia as the leitmotif of the works of representatives of the “second wave” of emigration.

Keywords: Russian diaspora, “second wave” of emigration, binary opposition of image of Motherland and image of foreign land, spiritual and cultural value, chronotope, M. Bakhtin, L. Rzhnevsky, T. Fesenko, B. Filippov, V. Yurasov, G. Klimov, S. Maximov.

Использованная литература:

1. Агеносов В. В. История литературы русского зарубежья. Вторая и третья волны: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020.
2. Агеносов В. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020.
3. Агеносов В. В. Литература Русского Зарубежья (1918–1996): учеб. пособие для студентов пед. вузов и учащихся сред. учеб. заведений. М.: Terra спорт, 1998.
4. Антропов О. К. История отечественной эмиграции: учеб. пособие. Астрахань: Астраханский ун-т, 2011.
5. Аронов А. А. Культурный Ренессанс Русского Зарубежья: учебное пособие для гуманитарных вузов. М.: Экон-Информ, 2007.
6. Аурилене Е. Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-ые годы XX века: на примере деятельности Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи: автореф. дис.... канд. ист. наук. Владивосток, 1996.
7. Бабичева М. Е. На чужбине писали о Родине: монография. М.: Пашков Дом, 2020.
8. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2008.
9. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
10. Букарева Н. Ю. Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2004.
11. Восставшие из небытия: антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014.

References:

1. Agenosov, V.V. (2020) *Istoriya literatury russkogo zarubezh'ya. Vtoraya i tret'ya volny: uchebnik dlya vuzov* [History of Literature of the Russian Diaspora. Second and Third Waves: A Textbook for Universities]. Moscow: Yurayt.
2. Agenosov, V.V. (2020) *Istoriya literatury russkogo zarubezh'ya. Pervaya volna: uchebnik dlya vuzov* [History of Literature of the Russian Diaspora. First Wave: A Textbook for Universities]. Moscow: Yurayt.
3. Agenosov, V.V. (1998) *Literatura Russkogo Zarubezh'ya (1918-1996): ucheb. posobie dlya studentov ped. vuzov i uchashchikhsya sred. ucheb. zavedeniy* [Literature of the Russian Diaspora (1918–1996): Textbook for Students of Pedagogical Universities and Schools]. Moscow: Terra sport.
4. Antropov, O.K. (2011) *Istoriya otechestvennoy emigratsii: ucheb. posobie* [History of Domestic Emigration: A Textbook]. Astrakhan: Astrakhan State University.
5. Aronov, A.A. (2007) *Kul'turnyy Renessans Russkogo Zarubezh'ya: uchebnoe posobie dlya gumanitarnykh vuzov* [Cultural Renaissance of the Russian Diaspora: A Textbook for Humanitarian Universities]. Moscow: Ekon-Inform.
6. Aurilene, E.E. (1996) *Rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii v 30-40-ye gody KhKh veka: Na primere deyatel'nosti Byuro po delam rossiyskikh emigrantov v Man'chzhurskoy imperii* [Russian Emigration in Manchuria in the 1930s–1940s: On the Example of the Activities of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire]. Abstract of History Cand. Diss. Vladivostok.
7. Babicheva, M.E. (2020) *Na chuzhbine pisali o Rodine* [In a Foreign Land They Wrote About the Motherland]. Moscow: Pashkov Dom.
8. Bazanov, P.N. (2008) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.)* [Publishing Activities of Political Organizations of Russian Emigration (1917–1988)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts.

12. Герра Р. Мои встречи с выдающимися представителями «второй волны» эмиграции [Электронный ресурс] // Новый журнал [The New Review]. 2015. № 278. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2015/278/moi-vstrechi-s-vydayushhimisya-predstavitelnyami-vtoroj-volny-russkoj-emigraczii.html> (дата обращения: 03.02.2023).
13. Гордиенко Т. В. Россия в творчестве поэтов второй волны русской эмиграции (обзорные темы при подготовке к ЕГЭ) // Русская словесность. 2010. № 3. С. 40–44.
14. Климов Г. П. Песнь победителя. Ростов-н/Д: Феникс, 1995.
15. Коновалов А. А. Россия как вечная ценность в творчестве Л. Д. Ржевского // Культурное наследие России. 2019. №1. С. 44–48.
16. Максимов С. С. Голубое молчание. М.: Книга по требованию, 2011.
17. «Мы жили тогда на планете другой...»: антология поэзии русского зарубежья: 1920–1990 (первая и вторая волна): в 4 кн. / сост. Е. В. Витковский. М.: Московский рабочий, 1994–1997. Книга 4.
18. Носова О. Е. Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
19. Ржевский Л. Д. Двое на камне. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1960.
20. Ржевский Л. Д. Между двух звезд. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
21. Троицкий Н. А. Новеллы. Сан-Франциско: Глобус, 1983.
22. Фесенко Т. П. Повесть кривых лет. Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1963.
23. Филиппов Б. А. Избранное. Лондон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1984.
24. Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записка продавца кукол. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1952.
25. Юрасов В. И. Василий Теркин после войны. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
26. Юрасов В. И. Параллакс. Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1972.
9. Bakhtin, M.M (1975) *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
10. Bukareva, N.Yu. (2004) *Problematika i poetika voennoy prozy L.D. Rzhhevskogo (Surazhevskogo)* [Problems and Poetics of Military Prose of L.D. Rzhhevsky (Surazhevsky)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
11. Agenosov, V.V. (2014) *Vosstavshie iz nebytiya: antologiya pisateley Di-Pi i vtoroy emigratsii* [Resurrected From Non-existence: An Anthology of Writers from DPs and the Second Emigration]. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Aleteyya.
12. Gerra, R. (2015) *Moi vstrechi s vydayushchimisya predstavitelnyami "vtoroy volny" emigratsii* [My Meetings With Prominent Representatives of the "Second Wave" of Emigration]. *Novyy zhurnal – The New Review*. 278. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nj/2015/278/moi-vstrechi-s-vydayushhimisya-predstavitelnyami-vtoroj-volny-russkoj-emigraczii.html> (Accessed: 03.02.2023).
13. Gordienko, T.V. (2010) *Rossiya v tvorchestve poetov vtoroy volny russkoy emigratsii (obzornye темы pri podgotovke k EGE)* [Russia in the Work of Poets of the Second Wave of Russian Emigration (Review Topics in Preparation for the United State Exam)]. *Russkaya slovesnost'*. 3. pp. 40–44.
14. Klimov, G.P. (1995) *Pesn' pobeditelya* [The Song of the Winner]. Rostov-on-Don: Feniks.
15. Konovalov, A.A. (2019) *Rossiya kak vechnaya tsennost' v tvorchestve L. D. Rzhhevskogo* [Russia as an Eternal Value in the Works of L.D. Rzhhevsky]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 1. pp. 44–48.
16. Maksimov, S.S. (2011) *Goluboe molchanie* [The Blue Silence]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
17. Vitkovskiy, E.V. (1994–1997) *"My zhili togda na planete drugoy...": antologiya poezii russkogo zarubezh'ya: 1920–1990 (pervaya i vtoraya volna): v 4 kn.* ["We Then Lived on a Different Planet...": An Anthology of Poetry From Russian Diaspora: 1920–1990 (First and Second Waves): In 4 Books]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
18. Nosova, O.E. (2004) *Poeziya Igorya Chinnova: istoki, kharakter, evolyutsiya tragicheskogo mirooshchushcheniya* [Poetry of Igor Chinnov: Origins, Character, Evolution of the Tragic Worldview]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Rzhhevskiy, L. (1960) *Dvoe na kamne* [Two on a Stone]. Munich: Tovarishchestvo Zarubezhnykh Pisateley.
20. Rzhhevskiy, L. (1953) *Mezhdv dvukh zvezd* [Between Two Stars]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
21. Troitskiy, N.A. (1983) *Novelly* [Novellas]. San Francisco: Globus.
22. Fesenko, T.P. (1963) *Povest' krivykh let* [A Tale of Crooked Years]. New York: Novoe Russkoe Slovo.
23. Filippov, B. (1984) *Izbrannoe* [Selected Works]. London: Overseas Publication Interchange Ltd.
24. Shiryayev, B.N. (1952) *Di-Pi in Italy. A Note From a Doll Seller* [DPs in Italy. A Note From a Doll Seller]. Buenos Aires: Nasha strana.

25. Yurasov, V.I. (1953) *Vasily Terkin posle vojny* [Vasily Terkin after the War]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
26. Yurasov, V.I. (1972) *Parallaks* [Parallax]. New York: Novoe Russkoe Slovo.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Баронова, М. О. Роль автобиографического хронотопа в отражении мировосприятия писателей «второй волны» русской эмиграции / М. О. Баронова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.004 // Наследие веков. – 2023. – № 1. – С. 48–57. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/523/454> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Baronova, M.O. (2023) The Role of the Autobiographical Chronotope in Reflecting the Worldview of the Writers of the “Second Wave” of Russian Emigration. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 48–57. (In Russian). DOI 10.36343/SB.2023.33.1.004

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ИСАКОВА Наталья Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация

Natalia V. ISAKOVA

Cand. Sci. (History of Philosophy),
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russian Federation
natalya-isakova@bk.ru

ПЛОТНИКОВ Наполеон Валерьевич

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация

Napoleon V. PLOTNIKOV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russian Federation
dartana@bk.ru

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
Краснодар, Российская Федерация

Elena V. YAKOVLEVA

Cand. Sci. (History of Philosophy),
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russian Federation
concordia2005@mail.ru

УДК: [001.102:37.013.2]:316.73"311/312"
ГРНТИ: 13.11.25
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.005

**Отношение к информации в
образовательной деятельности
как социокультурная проблема:
исторические аспекты
и современные особенности**

**Attitude to Information
in Modern Culture
as a Sociocultural Problem:
Historical Aspects
and Modern Features**

Исследование нацелено на определение качественных характеристик изменения отношения учащихся к информации в условиях интенсивного развития информационных технологий и выявление влияния данной тенденции на образовательный процесс. Научные изыскания проведены на основе результатов современных исследований в области философии, культурологии и теории образования. Рассмотрено изменение ценностных факторов познавательной деятельности от представлений, являющихся атрибутом наследия советской системы образования, до тенденций, определяющих культуру отношения современных студентов к процессу получения знаний. Охарактеризовано качество учебных материалов, представленных в сети Интернет. Установлено, что в среде учащихся произошел переход от установки на владение знанием к ориентации на быстрый поиск и оперирование информацией из открытых Интернет-источников, что определило ухудшение качественных характеристик самостоятельной работы учащихся и недооценку доступных им лекционных материалов.

Ключевые слова: информационная культура личности, доступность информации, информационный обмен, избыток информационного воздействия, когнитивные установки, самостоятельное обучение, культура обучения, отношение к информации, ценностное восприятие знания.

Введение. Одним из наиболее значимых факторов, качественно изменивших условия протекания общественных процессов и саму культуру на глобальном уровне, стало повышение доступности информации и интенсификация информационного обмена. В настоящее время многократно расширились возможности по поиску информации за счет присутствующих на уровне сети Интернет информационных ресурсов различного содержания. При этом, благодаря современным цифровым технологиям и инновациям в области коммуникации, большинство членов общества приобрели возможность доступа к Интернету практически отовсюду. Это постоянное обеспечение информационной поддержкой, а также наметившаяся тенденция избытка информационного воздействия определили качественное изменение когнитивных процессов, реализуемых людьми. Развитие информационных технологий обусловило перемены в повседневных культурных практиках членов общества, в частности, способствовав возникновению новых пластов культуры и трансформации уже существующих. При этом особо значимым аспектом происходящих процессов стало изменение отношения человека к информации.

Образование является одним из важнейших общественных институтов, способ-

ствующих социализации членов социума, сохранению и приумножению достижений культуры, передаче знаний, формированию профессиональных компетенций. Образовательная деятельность включает в себя процессы воспитания и обучения, реализуемые специалистами, и от эффективности данных процессов в существенной мере зависит ее конечный результат. Вместе с тем учащиеся являются не только объектами, но и субъектами образовательной деятельности, что проявляется как в процессе восприятия информации, предоставляемой педагогом, так и в ходе самостоятельной учебной работы [13, с. 187]. Кроме того, в данном контексте большое значение имеет и то, каков вклад самого учащегося в процесс обучения. Как отмечает С. Е. Каменецкий, на уровне высшего образования наметились существенные сдвиги, связанные с распределением учебной нагрузки: в настоящее время на один аудиторный час приходится от одного до двух часов самостоятельной работы, в рамках которой студенты осваивают ряд значимых тем [7, с. 23]. Это означает, что весомая доля ответственности за результаты образовательного процесса ложится на самих учащихся, и от того, каким образом они осуществляют учебный процесс, в значительной степени зависят его конечные результаты.

Вместе с тем субъективные особенности учащихся, влияющие на качество образования, не ограничиваются способом реализации самостоятельной работы: не менее значимыми являются объем и качество знаний, получаемых в ходе лекционных занятий. И здесь обнаруживается существенная проблема, связанная с тем, что студенты зачастую недостаточно внимательны к предоставляемому им лекционному материалу. Данное явление, хорошо знакомое преподавателям, может быть отнесено на счет индивидуально-психологических особенностей отдельных учащихся, однако существуют основания для утверждения о том, что на протяжении последних десятилетий происходят серьезные изменения в способах осуществления учащимися образовательного процесса, связанные с модификацией самой культуры взаимодействия с получаемой информацией, и, как следствие, отношение к знанию и способы восприятия его источников подлежат коренному изменению.

Существенное влияние на осмысление кризисных тенденций в сфере образования оказали работы таких авторов, как В. Е. Никитин [11], Г. А. Бордовский [2]. В статье С. И. Дудника и Б. В. Маркова [4] дается развернутый анализ влияния современных информационных процессов на образовательные отношения. Разработка проблемы изменения условий образовательной деятельности осуществляется также в работе М. И. Даниловой и Н. В. Плотникова [3]. Рассматривая значение данных исследований для понимания поставленной проблемы, отметим, что в целом им свойственно фрагментарное, мозаичное ее освещение, при этом ценностный аспект восприятия информации как фактор образовательной деятельности не получает в перечисленных работах достаточного раскрытия.

Таким образом, корпус современной исследовательской литературы демонстрирует фрагментарность рассмотрения проблемы влияния отношения к информации на образовательный процесс, что объясняется тем, что этот вопрос не становился предметом отдельного изучения. В перечисленных выше работах нашли свое отражение проблемы, связанные с ценностным восприятием зна-

ния и кризисными тенденциями в образовательной системе, обусловленными ее обширными трансформациями, однако для углубленного понимания заявленной проблемы необходимо сопоставление различных ее аспектов.

В данном исследовании рассматривается главным образом вопрос о возникновении и закреплении на уровне культуры новых способов отношения к информации как факторе образовательной деятельности. Основная проблема, которую заключает в себе данный процесс, связана с возникновением противоречия между классическим подходом к образовательной деятельности, реализуемым педагогами, и распространившимся в последние десятилетия отношением учащихся к знаниям, предоставляемым учебными заведениями. Это противоречие порождает целый ряд затруднений, таких как: необходимость привлечения внимания к предмету изучения (даже если он является профильным), недостаточная вовлеченность учащихся в самостоятельное освоение учебных материалов, изменение отношения к преподавателям как носителям знания.

Таким образом, целью исследования является определение качественных характеристик наблюдаемого в настоящее время изменения культуры отношения учащихся к информации и влияния данной тенденции на образовательный процесс.

Методологическую базу работы составляют структурно-функциональный подход, способствующий осмыслению социокультурных и институциональных факторов образования, и системно-исторический подход, ориентированный на многоаспектное и целостное отражение динамики трансформации условий осуществления образовательной деятельности. Значимость структурно-функционального подхода связана с тем, что он позволяет рассмотреть образование, с одной стороны, как элемент общественной структуры, подверженный социальной динамике, с другой — как область действий и отношений, регулирующую на уровне культуры. Применение классической научной методологии обусловлено сложностью поставленной проблемы и необходимостью специального

рассмотрения отдельных ее аспектов. Значение системно-исторического подхода заключается в том, что осмысление динамики изменения образовательной сферы значительно более эффективно может быть осуществлено с учетом исторической ретроспективы.

Данное исследование представляет собой один из аспектов изучения проблемы влияния интенсификации информационного взаимодействия на образовательный процесс.

Один из фундаментальных факторов осуществления образовательной деятельности — отношение к знанию. В условиях, когда его уровень создает предпосылки для социального продвижения, а обладание эксклюзивными знаниями и компетенциями считается весьма престижным качеством личности, процесс приобретения знания определяет не только персональные компетенции, но и социальный статус субъекта, изменение его положения в системе общества. Это является мощным мотивирующим фактором осуществления образовательной деятельности, поскольку человек, приобщаясь к определенному роду знаниям и навыкам, повышает личный престиж. В процессе исторического развития подобного рода закономерность уже неоднократно актуализировалась: так, в эпоху Просвещения вовлеченность в научную и образовательную деятельность определяла высокий социальный статус работников высших учебных заведений и эксклюзивный характер представляемого ими знания. Одним из периодов развитого ценностного восприятия знания в истории нашей страны являлась советская эпоха, когда получение образования предоставляло серьезные возможности для личностного и профессионального развития. Примечательным в данном смысле является то, что знание тем более востребовано, чем менее оно распространено, и в данном отношении ограниченный характер доступа к информации представляет собой один из серьезных факторов развитого ценностного отношения к ней.

Если рассмотреть основной подход, присущий сознанию представителей старших возрастных групп, получавших образо-

вание еще в советский период, несложно заметить ориентацию на владение знанием, его углубленное осмысление. Это связано с тем, что для мировоззрения человека, формирование которого происходило в пространстве советской культуры, была характерна базовая установка на повышение личной компетентности за счет приобретения и запечатления знаний, относящихся к области личных и профессиональных интересов. Данная установка во многом связана с имеющимся опытом недоступности или малодоступности отдельных источников и теми объективными затруднениями, которые вызывал в то время поиск информации по интересующей теме (неавтоматизированный просмотр и анализ библиографических указателей, библиотечных каталогов, других справочных изданий, отсутствие необходимой литературы в провинциальных библиотеках, дефицит изданий на иностранных языках и т.д.). Реализовывавшееся накопление знаний оказывало определяющее влияние на кругозор специалиста и его возможности по их применению. При этом в XX в. человек, обладавший широкими познаниями и владевший в том числе редким знанием, представлял особую ценность как субъект коммуникации в условиях дефицита востребованной и значимой информации. Примечательно, что установка на накопление знаний в информационной культуре советской эпохи была связана не только с познавательной деятельностью, но также с поиском и приобретением редких изданий, которые пополняли личные библиотеки.

Изменение уровня доступности информации коренным образом трансформировало ситуацию в той ее части, которая связана с преобладающими в социокультурной среде представлениями о ценности знания. Возникновение и развитие средств коммуникации определило возможность доступа представителей широких слоев общества к глобальной информационной сети, в результате чего произошло чрезвычайно интенсивное увеличение плотности осуществляемого ими информационного взаимодействия. При этом одной из ключевых особенностей Интернет-коммуникации стало приобретение субъектами информационного взаимодействия

смешанного статуса, при котором они являются одновременно потенциальными потребителями информационной продукции и ее потенциальными авторами. Одновременно одной из доминирующих форм заработка в Интернете стала реклама, сопутствующая демонстрации востребованного информационного контента. В результате из процесса непосредственной коммуникации и способа культурного взаимодействия обмен информацией трансформировался, частично мигрировав в сферу коммерческой деятельности [1, с. 7]. Это определило лавинообразный рост числа информационных сервисов, предоставляющих пользователям доступ к различного рода контенту, как развлекательного, так и научного, образовательного характера.

Привнесение коммерческого фактора определило развитие мощной конкуренции в информационной среде, обусловившей резкое превышение возможного спроса над существующим предложением информационной продукции. В условиях, когда возможный доход определяется уровнем пользовательского внимания, именно его привлечение к публикуемой информационной продукции стало ключевым условием успеха. Вместе с тем, если посмотреть на ситуацию в ракурсе анализа ее влияния на потребителей информационной продукции, налицо тенденции перенасыщения соответствующего рынка и утраты потребителями способности самостоятельно концентрироваться на конкретном продукте. Иными словами, трансформация культуры информационного взаимодействия породила изменение потребностей и способностей членов общества, что особенно сильно проявилось в среде молодежи и у детей.

Данный процесс находит свое выражение прежде всего в кардинальном изменении самой культуры отношения к информации: ее востребованность в настоящее время приобрела ситуативный, во многом сиюминутный характер. Стремление к владению информацией уступило место идее доступа к ней. При этом ценность приобрели навыки формирования эффективных поисковых запросов в области текущих интересов, а также быстрая обработка полученной информации: «за единицу

времени необходимо получить информационный максимум» [6, с. 138]. Что примечательно, отказ от идеи владения знанием в пользу доступа к нему определил фактическое отсутствие у молодых людей стремления к запоминанию найденной информации — они применяют ее и забывают, рассчитывая на возможность повторного нахождения в случае необходимости.

Рассмотрим, как меняются образовательные практики в условиях изменения отношения молодежи к знанию. Частичная утрата стремления к овладению новым знанием в условиях, когда необходимую информацию можно получить за несколько секунд, является очень серьезной проблемой как в контексте целей и функций образовательной системы, так и для информационной культуры в целом. Негативную роль эта тенденция, безусловно, играет и для самих учащихся, поскольку «отсутствие у личности интереса к получению новых знаний в итоге обойдется дороже, чем отсутствие конкретно-предметных знаний» [10, с. 132]. Еще одним значимым следствием изменения отношения к информации стала трансформация статуса специалиста, владеющего знанием. Преподаватель уже не рассматривается как единственный возможный источник высококачественного знания (хотя зачастую именно он «обучает студента методике самообразования посредством Интернета» [5, с. 28]), в результате — уровень внимания к его деятельности падает. Здесь коренится существенный риск, связанный с тем, что представление о доступности любой информации во многом является социальным мифом, который заставляет учащихся упускать возможность приобретения действительно ценного знания. Рассмотрим данный аспект подробнее.

Представленная в сетевом пространстве образовательная информация в значительной степени различается по своему качеству. В настоящее время наиболее распространены учебными материалами являются студенческие работы — рефераты, курсовые работы, эссе на различные темы. На втором месте находятся учебные материалы, скопированные из существующих учеб-

ных пособий, курсов лекций и т.д. Однако в условиях доминирования «клипового сознания» объемные учебные материалы зачастую не являются привлекательными для молодых людей, в силу чего предпочтение отдается компактным статьям и рефератам, обеспечивающим лишь базовый уровень понимания раскрываемых вопросов. Нередко видимое обилие учебных материалов скрывает, по сути, всего несколько работ, размещенных на множестве Интернет-сайтов. При этом серьезная учебная литература зачастую остается за рамками формируемых поисковых запросов либо присутствует в сетевом пространстве на платной основе. Поэтому, обращаясь к информационным ресурсам Интернета в ходе самостоятельной учебной работы, учащиеся сталкиваются с материалами, преимущественно подготовленными непрофессионалами, в то время как качественные учебные материалы остаются за рамками рассмотрения [13, с. 188]. Нередкими стали случаи использования учащимися готовых ответов и решений, представленных на различных сайтах [12, с. 276]. Исследователи подчеркивают, что «засоренность информации» в Интернете существенно снижает качество самостоятельной работы студентов, которые стремятся «скачать» любую информацию по теме обучения без попытки проанализировать ее» [9, с. 52]. Отсюда — редуцированный характер освещения изучаемых вопросов и проблем, в связи с чем учащиеся осваивают учебную программу лишь на базовом уровне. Таким образом, некоторые студенты упускают возможность получить высококачественное, квалифицированное знание, рассчитывая на то, что они в любой момент могут приобрести его в Интернете.

Помимо обозначенных выше проблем следует отметить, что слабо развитая способность к концентрации внимания на информации порождает необходимость реализации дополнительных усилий по привлечению внимания учащихся к изучаемому материалу со стороны преподавателя, которому нередко рекомендуют «приносить позитивный заряд в учебную аудиторию, мотивировать творчество и самоактуализацию обучающихся»

[8, с. 87]. По сути, это является прямым следствием привычки молодых людей к потреблению такой информационной продукции, которая насыщена элементами, нацеленными исключительно на привлечение внимания и сохранение его на достаточном уровне. В результате, практики, реализуемые в сетевом пространстве, отчасти проникают и в образовательную сферу, повышая нагрузку на преподавателей и одновременно снижая качество образовательного процесса.

Осмысление отношения учащихся к информации является одним из ключевых аспектов понимания современных условий организации учебно-воспитательного процесса. Постепенная трансформация данного отношения представляет собой процесс, достаточно закономерный для современной культуры и являющийся естественным проявлением реакции учащихся на переизбыток информации в коммуникативной среде. Данная трансформация влечет за собой системное изменение условий реализации образовательного процесса, что связано в том числе и с неспособностью значительной доли учащихся осуществлять качественную самостоятельную подготовку, недостаточно внимательным отношением к лекционным материалам и с наличием социальных мифов о доступности знания. В свою очередь, высшие учебные заведения на практике представляют собой среду, не утратившую эксклюзивный характер информации, передаваемой в ходе учебного процесса. При этом одним из основных факторов риска является непонимание учащимися качественного различия между поверхностной, во многом абстрактно-редуцированной информацией, предлагаемой в сетевом пространстве, и экспертным знанием, которое транслируется преподавателями. В данном контексте одним из путей снижения рисков, связанных с изменением отношения к знанию, является преодоление сложившихся у учащихся ложных представлений о возможности легкого и быстрого нахождения необходимой информации в сетевом пространстве, а также формирование в молодежной среде культуры оценки качества знаний.

Natalia V. ISAKOVA

Cand. Sci. (History of Philosophy),
 Kuban State Agrarian University,
 Krasnodar, Russian Federation
natalya-isakova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0029-442X

Napoleon V. PLOTNIKOV

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),
 Kuban State Agrarian University,
 Krasnodar, Russian Federation
dartana@bk.ru

Elena V. YAKOVLEVA

Cand. Sci. (History of Philosophy),
 Kuban State Agrarian University,
 Krasnodar, Russian Federation
concordia2005@mail.ru

***Attitude to Information in Educational Activities
 as a Sociocultural Problem: Historical Aspects and Modern Features***

Abstract. The educational process largely depends on cultural factors, one of which is students' attitude to information. In recent decades, tremendous changes have taken place in the conditions for the implementation of information interaction, which is associated with the development of Internet communication and the emergence of wireless communication technologies. The World Wide Web was filled with diverse content, which eventually led to its oversaturation with information products. Under these conditions, there is a fundamental change in the attitude of society to information, which also affects the conditions for the educational process. The aim of the study is to determine the qualitative characteristics of the currently observed change in the culture of students' attitude to information, and the impact of this trend on the educational process. The authors rely on the materials of modern studies of culturologists, philosophers and theorists of education. In the course of the study, structural-functional and system-historical approaches were applied. The change in the value factors of cognitive activity from ideas that are an attribute of the heritage of Soviet educational models to trends that determine the culture of the attitude of modern students to the process of obtaining knowledge is considered. The authors note that if earlier one of the most important results of educational activity was the accumulation of knowledge, then access to information and the ability to carry out its effective search are now important. The quality of educational materials presented on the Internet is characterized. A number of signs of a change in the information culture of modern students have been identified: (1) the focus on knowledge possession among students has given way to an orientation toward a quick search and operation of information from Internet sources; (2) the qualitative characteristics of independent work of students and their underestimation of the available lecture materials deteriorated; (3) there is no desire among young people to memorize the information found; (4) there is a widespread misconception among students about the availability of any knowledge and the possibility of easily acquiring it online. The authors prove that a change in attitude to information entails a systemic impact on the institution of education, associated with a decrease in the prestige of the teaching profession, a drop in the effectiveness of self-training of students, and an underestimation of lecture material.

Keywords: personal information culture, information availability, information exchange, information influence excess, cognitive attitudes, independent learning, learning culture, attitude to information, value perception of knowledge.

Использованная литература:

1. Багдасарьян Н. Г., Силаева В. Л. Коммерческий потенциал сетевого пространства: социокультурный контекст // Гуманитарный вестник. 2014. № 2 (16). С. 6–31.
2. Бордовский Г. А. Образование и выход из кризиса // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2009. № 5. С. 11–12.
3. Данилова М. И., Плотников Н. В. Трансформация образования в условиях современного развития информационных технологий // *Высшее образование в современном мире: история и перспективы*. 2-е изд., доп. / сост., ред. М. Ле Шансо, И. Э. Соколовская. М.: Энциклопедист-максимум, 2020. С. 130–144.
4. Дудник С. И., Марков Б. В. Кризис образования в цифровую эпоху // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2020. № 2. С. 214–226.
5. Дунаева Т. Ю. Самостоятельная работа студентов с использованием Интернет технологий // *Вестник современной науки*. 2017. № 3–2 (27). С. 27–29.
6. Елисеев В. Н. Информационный поиск в интернет-среде как фактор развития познавательной самостоятельности студентов вуза // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. С. 138.
7. Каменецкий С. Е. Самостоятельная работа студентов и ее роль в их обучении в настоящее время // *Наука и школа*. 2007. № 6. С. 22–24.
8. Ларионова Е. В. Самостоятельная работа по иностранному языку как способ активизации творческого потенциала студентов // *Организация самостоятельной работы студентов: материалы докладов V Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. «Организация самостоятельной работы студентов»* (Саратов, 29 апреля 2016 г.). Саратов: Техно-Декор, 2016. С. 85–89.
9. Матвеева Е. П., Кошечева Е. С. Проблемы поиска достоверной информации студентами в сети Интернет // *Педагогическое образование в России*. 2021. № 4. С. 51–58.
10. Мацефук Е. А., Разбегаев П. В. Информация как ценность в образовательном процессе // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2(75). С. 131–134.
11. Никитин В. Е. Кризис образования и университет // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2003. № 7. С. 150–155.
12. Обозов А. А. Самостоятельная работа студентов и Интернет // *Современные проблемы высшего профессионального образования: материалы науч.-метод. конф.* (Брянск, 01 апреля – 31 мая 2010 г.) / под ред. С. А. Симонова, В. П. Шелухо. Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2010. С. 276–278.
13. Шитова И. Ю. Самообразование студента в сети интернет: проблема достоверности источников // *Современное педагогическое образование*. 2022. № 7. С. 187–191.

References:

1. Bagdasar'yan, N.G. & Silaeva, V.L. (2014) Kommercheskiy potentsial setevogo prostranstva: sotsiokul'turnyy kontekst [Commercial Potential of the Network Space: Socio-Cultural Context]. *Gumanitarnyy vestnik*. 2 (16). pp. 6–31.
2. Bordovskiy, G.A. (2009) Obrazovanie i vykhod iz krizisa [Education and a Way Out of the Crisis]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 5. pp. 11–12.
3. Danilova, M.I. & Plotnikov, N.V. (2020) Transformatsiya obrazovaniya v usloviyakh sovremennogo razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Transformation of Education in the Conditions of Modern Development of Information Technologies]. In: Le Shanso, M. & Sokolovskaya, I.E. (eds) *Vysshee obrazovanie v sovremennom mire: istoriya i perspektivy* [Higher Education in the Modern World: History and Prospects]. 2nd edition. Moscow: Entsiklopedist-maksimum. pp. 130–144.
4. Dudnik, S.I. & Markov, B.V. (2020) The Crisis of Education in the Digital Era. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*. 2. pp. 214–226 (In Russian).
5. Dunaeva, T.Yu. (2017) Samostoyatel'naya rabota studentov s ispol'zovaniem Internet tekhnologiy [Independent Work of Students Using Internet Technologies]. *Vestnik sovremennoy nauki*. 3–2 (27). pp. 27–29.
6. Eliseev, V.N. (2014) Informatsionnyy poisk v internet-srede kak faktor razvitiya poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov vuza [Information Search in the Internet as a Factor in the Development of Cognitive Independence of University Students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. p. 138.
7. Kamenetskiy, S.E. (2007) Samostoyatel'naya rabota studentov i ee rol' v ikh obuchenii v nastoyashee vremya [Independent Work of Students and Its Role in Their Education at the Present Time]. *Nauka i shkola*. 6. pp. 22–24.
8. Larionova, E.V. (2016) [Independent Work in a Foreign Language as a Way to Activate the Creative Potential of Students]. *Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov* [Organization of Independent Work of Students]. Conference Proceedings. Saratov. 29 April 2016. Saratov: Tekhno-Dekor. pp. 85–89. (In Russian).
9. Matveeva, E.P. & Koshcheeva, E.S. (2021) Problems of Finding Reliable Information by Students on the Internet. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 51–58. (In Russian).
10. Matsefuk, E.A. & Razbegaev, P.V. (2019) Information as a Value in the Educational Process. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (75). pp. 131–134. (In Russian).
11. Nikitin, V.E. (2003) Krizis obrazovaniya i universitet [The Crisis of Education and the University]. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki*. 7. pp. 150–155
12. Obozov, A.A. (2010) [Independent Work of Students and the Internet]. *Sovremennye problemy vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Modern Problems of Higher Professional Education]. Conference Proceedings. Bryansk. 01 April – 31 May 2010. Bryansk: Bryansk

State Engineering and Technology Academy. pp. 276–278. (In Russian).

13. Shitova, I.Yu. (2022) Student Self-Education on the Internet: The Problem of Sources' Reliability. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 7. pp. 187–191. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Исакова, Н. В. Отношение к информации в образовательной деятельности как социокультурная проблема: исторические аспекты и современные особенности / Н. В. Исакова, Н. В. Плотников, Е. В. Яковлева. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.005 // Наследие веков. – 2023. – № 1. – С. 58–66. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/article/view/538/449> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Isakova, A.V., Plotnikov, N.V. & Yakovleva, E.V (2023) Attitude to Information in Educational Activities as a Sociocultural Problem: Historical Aspects and Modern Features. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 58–66. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.005

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЦРАЕВА Фатимат Владимировна

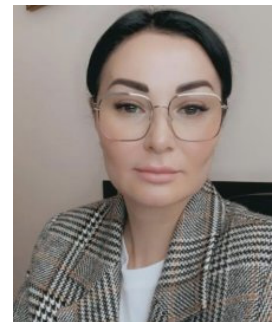
заслуженный работник культуры Республики Южная Осетия,
проректор по творческой и воспитательной работе
Северо-Кавказского государственного института искусств
Нальчик, Российская Федерация

Fatimat V. TSRAYEVA

Vice-Rector for Creative and Educational Work,
North Caucasus State Institute of Arts,
Nalchik, Russian Federation

fatimacraeva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7680-3016

УДК: [17.022.1-057.875:323.212]:316.73

ГРНТИ: 13.11.27

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.31.1.006

Жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры

The Life World of a Student Volunteer in the Mechanisms of Culture Reproduction

Автор определяет значение, которым обладает жизненный мир студента-волонтера в процессах воспроизводства культуры. Материалами послужили данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного среди студентов Кабардино-Балкарской Республики (КБР), интерпретация которых осуществлена с помощью культурологической атрибуции в трех системах культурных порядков – в трех различных теоретических моделях культуры. В *персоноцентричной* модели полученные результаты подтверждают положение о противостоянии жизненного мира индивида влиянию социума. В *социоцентричной* – свидетельствуют о низкой организационно-методической обеспеченности студенческого волонтерского движения в КБР. В *бицентричной* – определяют направление тренда процесса символизации успеха (персоноцентризм). Установлено, что укрепление персоноцентричных ценностей в жизненном мире индивида ведет к снижению роли волонтерского движения в механизмах воспроизводства культуры, а противоположная тенденция (социоцентризм) ее усиливает.

Ключевые слова: жизненный мир, воспроизводство культуры, культурные ценности, культурное наследие, наследование, молодежь, волонтерское движение, модели культуры, культурологическая атрибуция.

Введение. Актуальность культурологического рассмотрения проблемы определения места жизненного мира студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры про-

диктована особым вниманием к потенциалу молодежного волонтерства во всем мире. С одной стороны, добровольный труд, составляющий экономическую базу влияния волонтер-

ства на социальные процессы, находится под пристальным вниманием экономистов и социологов, отмечающих возрастающую роль третьего сектора экономики в общественном развитии [19] [30] [36]. С другой, педагоги и психологи, наблюдая эффективность формирования социально значимых качеств личности студентов путем вовлечения их в молодежное волонтерское движение, исследуют студенческое волонтерство как педагогический инструмент социокультурного проектирования [13] [17] [20] [32]. В этой связи вполне оправдано обращение ряда культурологов к историческому ракурсу развития волонтерства в контексте культуры определенного общества, в социокультурных процессах отдельной исторической эпохи [7] [8].

В современном отечественном теоретическом дискурсе о воспроизводстве культуры достаточно устоявшимся является структурно-функциональный подход, в котором структурные элементы культурной системы (язык, воспитание, образование, религия, искусство, философия, гуманитарная наука и т.п.) рассматриваются с позиции их функции в воспроизводстве культуры: в сохранении и развитии структурной сложности системы [23]. Акцентируя внимание на снижении роли русского языка как базового элемента воспроизводства отечественной культуры, ряд исследователей констатирует приметы «социолингвального кризиса, который является по сути своей социокультурным кризисом» [10]. Отдельным направлением исследований является изучение современных и исторических культурных практик, непосредственно участвующих в воспроизводстве культуры [9] [11] [12] [16] [18] [27].

За рубежом практикам воспроизводства культуры уделяется не меньшее внимание [28] [31] [34] [38]. Причем исследования современных практик порой приводит к конструктивной критике доминирующих теорий культурного воспроизводства [37]. Для нас же ценно зафиксировать, что практики воспроизводства культуры привлекают большое число волонтеров: они преимущественно базируются на безвозмездном добровольном участии людей в коллективной творческой деятельности.

Вместе с тем одним из слабо изученных аспектов остается жизненный мир волонтера, который формируется и переживает кризис в студенческой среде [24] [25]. В связи с чем исследование жизненного мира волонтера в процессах воспроизводства культуры приобретает теоретическую и научно-практическую ценность, восполняя сложившийся пробел.

Цель исследования состоит в уточнении смыслов и ценностей (значений), формирующих жизненный мир студента-волонтера в процессах воспроизводства культуры.

Материалами исследования послужили две основные группы источников:

1) эмпирические данные, полученные в ходе социологического опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии» среди студентов ведущих вузов Кабардино-Балкарской Республики (КБР): Северо-Кавказского государственного института искусств (СКГИИ), Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова (КБГУ) и Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова (КБГАУ);

2) научная и философская литература, раскрывающая с трех теоретических позиций сущность процессов воспроизводства культуры и место в них жизненного мира человека.

Предмет исследования — жизненный мир студента-волонтера, который рассматривается в сложной совокупности процессов воспроизводства культуры (в объекте исследования). Объект исследования, несмотря на внимание к нему ученых с давних пор (К. Маркс, Э. Тайлор, М. Вебер, А. ван Геннеп, Б. Малиновский и др.), остается достаточно сложной и острой проблемной областью. Сложность составляет как разнообразие существующих теоретических подходов, не позволяющее однозначно определять среду формирования и функционирования жизненного мира человека, так и отдельные политические установки (марксизм, феминизм, неолиберализм, традиционализм и пр.), зачастую диктующие ученым определенную исследовательскую оптику в изучении обозначенного предмета. Преодоление этого затруднения видится возможным благодаря предложенному Г.В. Бакуменко приему культурологической атрибуции

предмета исследования в нескольких теоретических традициях [1], то есть в нескольких теоретических ракурсах формирования научных представлений о сложной совокупности процессов воспроизводства культуры.

Не претендуя на исчерпывающий экскурс по всем существующим подходам в рамках одной статьи, ограничимся интерпретацией эмпирических данных, собранных в результате опроса, с трех теоретических позиций, формирующих, на наш взгляд, три базовые модели культуры: *персоноцентричную* (опирающуюся на феноменологический подход европейской социологической школы), *социоцентричную* (вытекающую из системно-деятельностного подхода отечественной культурологии) и *бицентричную* (основанную на оригинальной типологии социокультурного процесса символизации успеха (Г. В. Бакуменко)). Подробнее предложенную авторскую типологию рассмотрим в анализе теоретических оснований исследования. Здесь же отметим, что результат достигается путем культурологической атрибуции полученных эмпирических данных в трех системах культурных порядков, что позволяет определить место предмета исследования (жизненного мира студента-волонтера) в базовых для каждой модели культуры механизмах воспроизводства.

Научная значимость исследования состоит в том, что впервые эмпирические данные, полученные в ходе социологического опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии», интерпретированы параллельно в трех системах культурных порядков (в трех моделях культуры), по-разному характеризующих механизмы воспроизводства культуры.

Теоретические основания. Комплекс использованных методик можно разделить на (1) приемы сбора и обработки эмпирических данных и (2) методы их интерпретации.

Первенство и доминирование в теоретическом дискурсе зарубежных опросных разработок мониторинга мотивации к волонтерской деятельности с различными целями предопределило базовую структуру сбора данных в конкретной локации волонтеров на территории Кабардино-Балкарской Республики (КБР). Полученные данные автором уже

частично опубликованы и находятся в открытом доступе, поэтому в необходимых случаях будем ссылаться на них. Следует отметить, что структура опросной модели была авторизована, значительно модернизирована с ориентацией на предмет исследования и базовое системное понятие культуры В. С. Стёпина, предполагающее функционирование системы «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [22, с. 524].

Система надбиологических программ жизнедеятельности волонтеров понимается автором как совокупность смыслов и ценностных установок (мотиваций), стимулирующих к волонтерской работе. С ориентацией на это и собирались данные, для чего в структуру опросной модели были включены широко распространенные методики изучения мотивации к волонтерской деятельности Катарины Гаскин и Дэвиса Смита [29] [35] и модель кросс-культурных исследований третьего сектора экономики ученых Университета Дж. Хопкинса [33]. Авторитетность выбранных методик подтверждается использованием полученных с их помощью результатов в руководстве по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [19], основываются на них и исследования мотивации к волонтерской деятельности Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [См.: 15, с. 51–52].

Модернизация (авторизация) коснулась, прежде всего, методики мониторинга мотивации к волонтерской деятельности Гаскин–Смита, в которой учитываются внешние (социально-психологические) и внутренние (субъективные) мотивирующие факторы [35], но не учитывается одновременное влияние на мотивы деятельности положительных и отрицательных факторов. С целью преодоления этого недостатка в авторизованный опросник включены: 1) десятибалльное шкалирование ответов каждого из 18 вопросов, касающихся оценки студентами собственной мотива-

ции участия/неучастия в волонтерской деятельности (это позволяет отследить, какие из положительных/отрицательных факторов оказывают большее влияние); 2) разделение критериев оценки на 9 пар положительных и отрицательных мотиваций (соответственно аргументов в пользу волонтерской деятельности и контраргументов, что позволяет оценить эффективность мотиваторов участия/неучастия в деятельности в качестве формирующих волонтерское движение факторов); а также 3) дифференциация реципиентов по году обучения в вузе (см. Таблица 2, опубликованная в [26, с. 130]), позволяющая зафиксировать развитие жизненного мира студента-волонтера в институциональной среде вуза. Шкалирование оценок и дифференциация реципиентов по году обучения позволяет наблюдать предмет исследования в темпоральной перспективе. Он предстает как связанное с субъективацией индивидом социальных установок жизнедеятельности динамичное социально-психологическое явление, с одной стороны, испытывающее социальное давление при формировании, а с другой — предопределяющее социальное поведение индивида в дальнейшей жизни, а следовательно, и степень его участия в наследовании культурных ценностей.

Необходимость интерпретации полученных результатов с позиций различных подходов продиктована стремлением максимально учесть возможные риски социокультурного развития, связанные с ролью молодежного волонтерского движения в механизмах воспроизводства культуры. Мы выделяет три подхода:

1) концепцию кризиса жизненного мира Ф. Е. Василюка [4] [5], дополненную теорией предельных смыслов Д. А. Леонтьева [14], восходящую к феноменологической традиции европейской социологии (Э. Гуссерль, Ю. Хабермас и др.);

2) системно-деятельностный подход отечественной культурологии (В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.);

3) концепцию социокультурного процесса символизации успеха Г. В. Бакуменко [3].

Смыкающей эти три подхода позицией является признание символической или сим-

волически обусловленной реальности культуры, во многом определяющей социальные измерения действительности.

Между тем существуют и предельные теоретические расхождения, связанные с характеристикой социальной реальности.

Феноменологический подход европейской социологической школы акцентирует внимание на отсутствии оснований познания окружающего мира за пределами символических форм, являющихся базовыми исторически приобретенными культурными ценностями, реализация которых зависит от способности индивида к их постижению. В частности, переходя к герменевтике культуры, продолжателем этой традиции Г.-Г. Гадамер приходит к выводу, что доминирующая в западном обществе тенденция индивидуализации сознания сужает перспективу восприятия окружающего мира и культурных ценностей вплоть до неспособности индивида к общению с окружающими [6]. Эта тенденция свидетельствует не о прогрессе, а о регрессе культуры, что и побуждает ориентироваться исключительно на принципиальный выбор индивида противостоять социуму путем актуализации прекрасного и эстетической самореализации (самоактуализации) посредством художественного творчества и созидания себя.

Сторонники системно-деятельностного подхода, реализованного в отечественной культурологии, напротив видят эволюцию социума в нарастающей сложности форм коллективной деятельности, обуславливающей культурогенез. Поскольку базовым субъектом коллективной деятельности рассматривается не индивид, а личность (социальное проявление индивида), являющаяся продуктом культуры, именно усложнение форм коллективной деятельности составляет содержательную часть исторического процесса. Наблюдаемая западными теоретиками индивидуализация сознания, соответственно, трактуется как расширение способности индивида к социализации и инкультурации. Конфликт индивидуализации сознания и культуры, отмеченный Г.-Г. Гадамером, снимается путем социальной детерминации личности, путем подчинения жизненного мира индивида просоциальным установкам.

Таким образом, имеющие общую точку пересечения, два приведенных выше теоретических подхода трактуют эволюцию социального бытия различным образом, формируя диаметрально противоположные представления об эволюционных процессах и доминирующих тенденциях воспроизводства культуры. Обозначенные подходы складываются в схожие по линейному развитию (эволюции), но не тождественные модели культуры. И отличаются они друг от друга, прежде всего, трактовкой базового механизма культурного воспроизводства:

- в первом случае это противостояние индивида обществу в процессе формирования и сохранения жизненного мира (адаптация социальной среды под запрос индивида);
- во втором, напротив, адаптация индивида к социальным установкам в том же процессе.

Существует и третья позиция, распространенная в отечественном теоретическом дискурсе. В частности, оттолкнувшись от системно-деятельностного, структурно-функционального и семиотического подходов, Г. В. Бакуменко уделяет большое внимание поиску оснований для сближения позиций описанных выше двух традиций [3]. Попытка выстроить теоретическую модель наблюдения ценностной динамики символов успеха индивидуального действия и коллективного взаимодействия включает в орбиту его внимания и игровую (Й. Хейзинга и др.), и диалогическую (М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. С. Ахиезер и др.) концепции культуры. Обобщение накопленного в России и за рубежом опыта наталкивает исследователя на мысль, что теоретическая рефлексия тоже подчинена закономерностям социокультурного процесса символизации успеха, играющего в культурогенезе важную роль: «...можно предполагать и тенденции теоретической рефлексии, т.е. развития науки и философии, определив закономерности социокультурного процесса символизации успеха» [3, с. 42].

Стремясь преодолеть идеологическую обусловленность символов коллективного (социального) и индивидуального (персонального) успеха, Г. В. Бакуменко использует авторские маркеры социокультурного процес-

са символизации успеха: «От того, какой ценностный приоритет господствует в нормативной парадигме общественного развития, что поставлено на вершину ценностной шкалы, а следовательно, и в центр организации семиотических связей, зависит вектор социокультурного процесса символизации успеха: к ценности общества (*социоцентризм*) или индивида (*персоноцентризм*)» (курсив источника) [3, с. 45]. Для выяснения доминирующей тенденции социокультурного процесса символизации успеха в кинокоммуникации (*социоцентризм* или *персоноцентризм*) Г. В. Бакуменко анализирует распространенность символов успеха двух порядков в фабулах фильмов, вошедших в десятку лидеров кассовых сборов мирового и региональных прокатов (то есть осуществляет культурологическую атрибуцию маркированных свойств в системах культурных порядков), обнаруживая их взаимную сменяемость на вершине популярности даже в локусе культуры США, многократно растиражировавшей приоритет индивидуализма [2].

Эксплицируя в область исследования жизненного мира волонтера полученные Г. В. Бакуменко результаты, можно полагать, что таким тенденциям воспроизводства культуры, как *персоноцентризм* и *социоцентризм*, свойственно параллельное развитие, сопровождающееся периодической сменой ценностной доминанты.

Воспользовавшись предложенной Г. В. Бакуменко терминологией, линейные модели развития и наследования культуры охарактеризуем как *персоноцентричную* и *социоцентричную* соответственно. Модель же социокультурного процесса символизации успеха выходит за их рамки. Она характеризуется периодической сменой на ценностной шкале «центров притяжения», то есть является *бицентричной*. Она предполагает «пластичность» культуры, способность быть системой и одновременно не являться ею без усилий человека» [3, с. 93]. Социоцентризм и персоноцентризм в ней рассматриваются как ценностно противоположные тенденции одного социокультурного процесса — процесса символизации успеха.

Если персоноцентричная модель в качестве базового механизма наследования

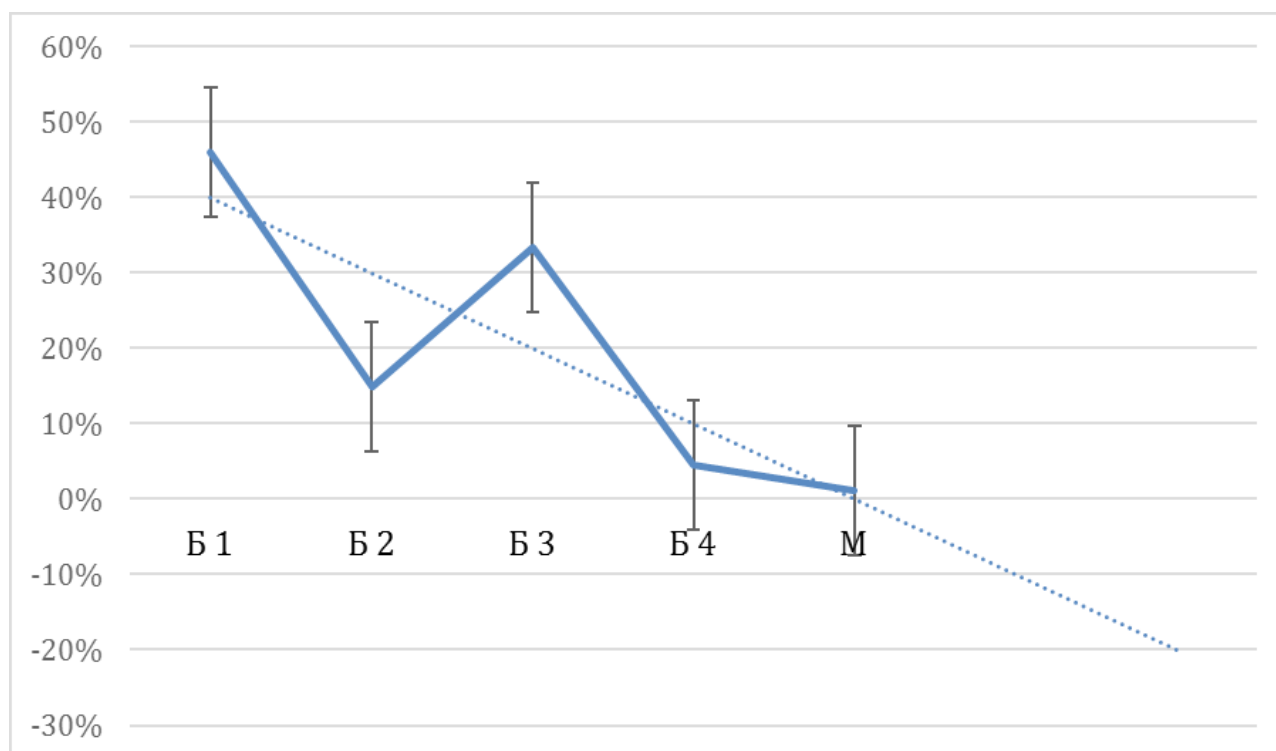

Рис. 1. Падение интереса студентов к опросу в зависимости от года обучения

Fig. 1. Students' falling interest in the survey, depending on the year of study

(воспроизводства) культуры предполагает противостояние индивида колонизации жизненного мира социумом, а социоцентричная модель, напротив,— адаптацию индивида к социальным установкам, то бицентричная модель предполагает выбор индивидом стратегии жизненного мира: либо коллективистскую коллаборацию, ведущую к выработке просоциальных ценностных установок, либо индивидуализм, ведущий к стратегии защиты границ жизненного мира от социального доминирования, либо более гибкую третью — стратегию выработки сложной системы условностей, при которых в одних условиях для достижения успеха будет востребован ценностный социоцентризм, а в других — персоноцентризм.

Рассмотрим в этих трех моделях результаты проведенного в 2021 г. опроса студентов-волонтеров ведущих вузов Кабардино-Балкарии (КБР).

Результаты. Кратко обозначим основные характеристики жизненного мира студента-волонтера КБР, зафиксированные в результате анализа эмпирических данных

опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии».

Студентам трех ведущих вузов КБР [24–26] было предложено добровольно принять участие в опросе с использованием электронных средств коммуникации или путем заполнения бумажной анкеты: 46% принявших участие в опросе реципиентов составили студенты первого курса бакалавриата (Б 1 на рисунке 1); 33,3% — студенты третьего курса бакалавриата (Б 3 на рисунке 1); 14,9% — студенты второго курса бакалавриата (Б 2 на рисунке 1); 4,6% — студенты четвертого курса бакалавриата (Б 4 на рисунке 1); лишь 1,1% опрошенных составили студенты магистратуры (М на рисунке 1). На эти показатели, конечно же, повлияло уменьшение числа студентов старших курсов. Однако это обстоятельство не объясняет снижение активности второкурсников. Приходится констатировать эпизодическое (2-й курс бакалавриата) и общее (общий тренд на рисунке 1 обозначен пунктиром) падение интереса к добровольному участию в мониторинге.

На рисунке 1, помимо процентного соотношения участников опроса, вертикальными отрезками представлены параметры стандартной статистической погрешности и прогноз доминирующего тренда падения интереса к добровольному участию в научном исследовании. Нетрудно предугадать отрицательное отношение выпускников вузов КБР к добровольному участию в социологических опросах (отрицательные показатели шкалы ординат).

С позиций теории предельных смыслов Д. А. Леонтьева [14] интерес представляют оценки студентами аргументов и контраргументов в пользу участия/неучастия в волонтерской деятельности.

Для наглядности анализа мы выделили этот элемент опроса в отдельную таблицу (см. таблица 1): аргументы (аргумент (А)) представляют собой предварительно сформулированные варианты ответа на вопрос «Я волонтер потому, что...», количественные

параметры каждого аргумента в пользу волонтерской деятельности приведены в процентном отношении количества респондентов, выбравших данный аргумент, к общему числу опрошенных (показатель (А)); контраргументы (контраргумент (В)) представляют собой предварительно сформулированные варианты ответа на вопрос «Я не волонтер потому, что...», и их количественные параметры в той же логике процентного отношения приведены в столбце «Показатель (В)». Парные аргументы и контраргументы расположены на одной строке, поскольку представляют собой, как было обозначено выше, 9 пар положительных и отрицательных мотиваций (аргументов в пользу волонтерской деятельности и контраргументов соответственно, что позволяет оценить эффективность мотиваторов участия/неучастия в деятельности в качестве формирующих волонтерское движение факторов). Показатели «А» (аргументы) и «В» (контраргументы) приведены в таблице 1 между

Таблица 1

**Сопоставление показателей аргументов и контраргументов
в пользу волонтерской деятельности студентов КБР**

Table 1

**Comparison of indicators of arguments and counterarguments in favor of volunteer activities
of students of the Kabardino-Balkarian Republic**

№	Аргумент (А)	Показатель (А)	Показатель (В)	Контраргумент (В)
1	Хочу быть полезным и помочь нуждающимся	80,30%	37,00%	Никто не обращался ко мне с таким предложением
2	Получаю удовольствие	69,00%	65,30%	Не вижу необходимости
3	Хочу бороться с определенной проблемой	50,00%	46,90%	Никогда не задумывался об этом
4	У меня достаточно свободного времени	26,90%	24,00%	Нет свободного времени
5	Хочу платить людям добром за добро	58,60%	77,10%	Мне безразличны другие люди
6	Сам сталкивался с подобной проблемой	27,90%	68,80%	Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы
7	Хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,40%	54,20%	Волонтерская деятельность мешает учебе
8	Хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,10%	58,30%	Сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает
9	Это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,30%	77,10%	Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям

выражениями парных аргументов и контраргументов для удобства сравнения. Разница показателей «А» и «В», таким образом, позволяет установить доминирование того или иного мотивирующего фактора в студенческой среде и степень его доминирования над противоположным парным фактором.

Как показано в таблице 1, значительно влияют на отказ студентов от волонтерской деятельности следующие факторы:

- несоответствие задач волонтеров религиозным (или политическим) убеждениям студентов (77,1–35,3 = 41,8);

- сомнение, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы (68,8–27,9 = 40,9);

- безразличие к другим людям (77,1–58,6 = 18,5);

незначительно влияет:

- замкнутость от новых знакомств и стороннего внимания (58,3–47,1 = 1,2).

Кроме того, респонденты не просто выбирали наиболее близкие им аргументы и контраргументы, но и оценивали их справедливость, то есть приближенность к собственному суждению респондента по десятибалльной шкале, где «0» — минимальный уровень соответствия истине, а «10» — максимальный.

Благодаря дифференциации респондентов по годам обучения и шкалированию ответов можно наблюдать, что первокурсники на 10 баллов (по десятибалльной шкале) оценивают контраргументы: «Никто не обращался ко мне с таким предложением», «Не вижу необходимости», «Никогда не задумывался об этом»; 76,92% студентов второго курса проигнорировали большинство контраргументов (оценка 0 баллов), хотя 7,69% из их числа оценили контраргумент «Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям» на 10 баллов; из числа студентов третьего курса на 10 баллов 6,67% респондентов оценили контраргумент «Никто не обращался ко мне с таким предложением» и 10% — «Нет свободного времени»; среди четверокурсников 50% респондентов на 10 баллов оценили контраргументы «Нет свободного времени» и «Волонтерская деятельность мешает учебе», а 25% — на 10 баллов оценили контраргументы «Мне безразличны другие люди» и «Не считаю, что

волонтеры реально решают какие-либо проблемы».

Таким образом:

- первокурсники далеко не все вовлечены в волонтерскую деятельность ввиду слабой осведомленности;

- некоторые второкурсники считают, что волонтерская деятельность не соответствует их религиозным (или политическим) убеждениям;

- среди третьекурсников есть студенты, к которым никто не обращался за помощью или которым некогда заниматься волонтерской деятельностью;

- половина же четверокурсников не находит времени для волонтерской деятельности, считая, что она мешает учебе, а четверть — серьезно разочарованы в ее рациональности.

Напрашивается вывод, что усиление социального влияния на жизненный мир студента снижает потенциал добровольной деятельности, то есть вовлеченность студентов в молодежное волонтерское движение.

Благодаря авторизации методики выявлен кризис жизненного мира студента, который выражается в смене ценностных приоритетов волонтерской деятельности на третьем году обучения в вузе [24] [25]. Если второкурсники много времени тратят на добровольный труд в разных направлениях (то есть открыты обществу практически во всех значимых сферах волонтерской деятельности), то студенты третьего курса более избирательны. Они явно предпочитают область образования и науки (50,0% опрошенных третьекурсников отводят этому направлению до 10 ч/м, 28,6% — до 30 ч/м и 21,4% — более 30 ч/м). У старшекурсников снижается интерес к добровольному труду в сферах охраны окружающей среды и социальной работы [24, с. 49–50], но волонтерство в сфере культуры продолжает интересовать студентов, несмотря на кризис жизненного мира, обусловленный, с одной стороны, возрастными факторами, с другой — фактором усиления влияния общества на субъективную сферу культуры индивида.

Очевидно, что, несмотря на доминирующую тенденцию к снижению волонтерской активности студентов старших курсов, их

вовлеченность в воспроизводство культуры не снижается.

Интерпретируем полученные результаты в трех обозначенных выше моделях культуры и культурного воспроизводства.

В *персоноцентричной модели культуры* полученные результаты подтверждают положение о противостоянии жизненного мира индивида социальному влиянию. Кризис жизненного мира студента-волонтера свидетельствует об усилении колонизации социумом пространства личностной культуры, провоцируя ответную реакцию. В результате волонтерская деятельность, понимаемая как обязательства перед обществом, меньше соответствует религиозным или политическим убеждениям обучающихся, усиливается нежелание студентов тратить на нее свободное время, такая жизненная позиция объясняется разочарованием в результативности волонтерской деятельности.

Вполне очевидно, что в сложившейся ситуации наиболее продуктивным каналом воспроизводства культуры является самостоятельное ее освоение и интерпретация индивидом посредством художественного творчества и созидания себя в практиках самосовершенствования. Волонтерское молодежное движение в этой связи не может рассматриваться значительным коллективным субъектом воспроизводства культуры, что в некоторой степени противоречит обнаруженному стабильному интересу волонтеров к культуре, несмотря на кризис жизненного мира.

В *социоцентричной модели* полученные результаты свидетельствуют о низкой организационно-методической обеспеченности студенческого волонтерского движения в КБР. Полученные результаты высвечивают нерешенные проблемы культурной, молодежной и просветительской политики региона, диктуют необходимость разработок методического обеспечения в этих направлениях региональной политики и повышения квалификации ее организаторов и исполнителей.

Следует отметить, что семья и школа как социальные институты в КБР продолжают формировать социоцентричные (просоциальные) установки жизненного мира. Это отражается, прежде всего, на волонтерской актив-

ности студентов младших курсов. Культурную особенность волонтеров КБР, в частности, подчеркивает включение ими в направления волонтерской деятельности такой категории, как «Дом» [26, с. 129]. Ведь «дом», «семья» в регионе традиционно понимается достаточно широко: в нее включаются и самые дальние кровные родственники, в силу матримониальных отношений имеющие иную фамилию, и однофамильцы. Помощь родственникам масштабируется до уровня помощи по линиям этнической и общегражданской принадлежности, что составляет особый культурный код народов Северного Кавказа.

Коренное расширение жизненного мира студента в образовательной среде вуза провоцирует его кризис и ответную реакцию переориентации молодежи на персоноцентричные ценностные установки, которые в большей степени соответствуют религиозным и политическим убеждениям, среди которых ценность семьи представляет собой важнейший элемент этнокультурной региональной идентичности. Вполне логично предположить, что слабая отраженность в приоритетах волонтерской деятельности ценности семьи провоцирует неудовлетворенность и разочарование молодежи КБР в ценностях волонтерского движения в целом.

Очевидна необходимость корректировки региональной политики в отношении молодежного волонтерского движения и дополнительных исследований в этой области для модернизации методического обеспечения, что не исключает потенциал воспроизводства культуры по каналу самостоятельного ее освоения и интерпретации индивидом посредством художественного творчества и самосозидания.

С позиций *бицентричной модели* получены свидетельства текущего тренда процесса символизации успеха (персоноцентризм). На примере популярных кинофильмов Г. В. Бакуменко зафиксировал падение потребления персоноцентричных символов успеха с 1980 г. по 2016 г., а затем рост их популярности. По его мысли, риск представляют не сами направления доминирующих тенденций, а их затяжной характер. К определенному сроку можно ожидать рост потребления социocen-

тричных символов успеха: тогда коренным образом изменятся и мотивирующие факторы участия/неучастия в волонтерской деятельности молодежи.

Вполне очевидно, что пока персоноцентричные (индивидуальные) практики достижения успеха будут оставаться эффективнее коллективных коллабораций, доминирующий тренд социокультурного процесса символизации успеха даже при помощи самых современных методических разработок преодолеть будет затруднительно. Но это не означает, что разработка последних не имеет смысла. Напротив, критическая масса форм коллективных коллабораций с целью достижения социального и личностного успеха индивида к определенному сроку должна перевесить эффективность персоноцентричных (индивидуальных) стратегий. Что и обусловит смену парадигмы социокультурного развития в целом.

Выводы и обсуждение. Напрашивается вывод, что три рассмотренные модели культуры одновременно воспроизводятся посредством влияния на формирование жизненного мира индивида и реализуются в различных стратегиях социального поведения. Потенциал молодежного волонтерского движения, поскольку подразумевает коллективные коллаборации, непосредственно зависит от доминирования в пространстве смыслов и ценностей жизненного мира индивида просоциальных (социоцентричных) ценностных установок. Эта зависимость стимулирует интерес волонтеров к участию в воспроизводстве культуры, который, в свою очередь, может реализовываться в зависимости от характера жизненного мира:

— в модернизации сложившихся механизмов, смыслов и ценностей культуры в случае доминирования персоноцентризма;

— в трансляции сложившихся механизмов, смыслов и ценностей культуры в случае доминирования социоцентризма;

— в выборочной модернизации отдельных механизмов, смыслов и ценностей культуры при сохранении и трансляции других в случае выработки бицентричной модели личностной культуры индивида (жизненного мира).

Жизненный мир студента-волонтера, таким образом, в механизмах воспроизводства культуры играет значительную роль, поскольку предопределяет характер перспективных тенденций социокультурного развития.

Необходимо отметить, что отдельные исследования механизмов воспроизводства современной культуры подтверждают разнообразие транслируемых в пространство жизненного мира индивида ценностных установок, которые, в свою очередь, не хаотично накапливаются, а структурируются в определенной закономерности.

Так, европейские психологи Энтони Лайонс и Ёсихиса Касима отмечают зависимость масштабирования культурных стереотипов «историй» в социальной коммуникации от соответствия «историй» индивидуальным стереотипам и массовости индивидуальных стереотипов [31]. Получается, что информация, не соответствующая установкам жизненного мира индивида, индивидом не распространяется: то есть индивид не участвует в воспроизводстве чуждой ему культуры или интерпретирует (модернизирует) инородный элемент исключительно со своих позиций, расширяя пространство исключительно собственного жизненного мира (персоноцентризм).

Учитывая отмеченную Э. Лайонс и Ё. Касима тенденцию к самоограничению персоноцентричного жизненного мира, нельзя не отметить в «позднесовременном обществе» формирование феномена «ведущих эмоциональных норм, или “эмоциональных императивов”» [21]. В частности, обобщая опыт западной социологии, психологии и антропологии, О. А. Симонова выделяет ряд доминирующих в современной культуре норм эмоционального поведения индивида, позволяющих охарактеризовать его жизненный мир и наблюдать тенденцию культивирования «эмоций, которые направлены на индивидуальные переживания, а не на коллективный опыт» [21, с. 38]. Замкнутость персоноцентричного жизненного мира индивида исключительно на собственном опыте серьезно ограничивает его способность к воспроизводству и модернизации (интерпретации) культуры, к наследованию богатства и разнообразия культуры. Эта позиция прямо вытекает

из персонцентричной теоретической модели культуры.

С другой стороны, глобальное распространение определенного рода эмоциональных императивов с позиции социоцентричной модели характеризует усиление идеологии отдельных социальных институтов в контексте снижения других. И здесь, опять же, следует подчеркнуть резкое снижение ценности семьи, ведущее к снижению ценности культуры локальных сообществ и их общенациональных коллабораций.

К примеру, китайские исследователи практик сохранения и продвижения нематериального культурного наследия Юцзе Чжу и Джунмин Лю акцентируют внимание на конфликте «прав на наследие» в условиях коммерциализации фестивального движения, исходя из принципа неотчуждаемости права местных сообществ на собственную культуру, которая, по их мысли, является результатом безвозмездного труда многих поколений на протяжении длительного исторического времени [38]. Действительно, наследие, создававшееся и сохранявшееся длительное время исключительно силами местных сообществ в условиях коммодификации, обретает коммерческую стоимость для крупных предприятий туристической и event-индустрии. Подмена ценности наследия стоимостью порою приводит не к его сохранению, а напротив, к исключению его из волонтерских практик и, как следствие, к противоположному экономическому эффекту — к многократному удорожанию практик сохранения. Отсюда и постановка правового вопроса: имеют ли право

на финансовые или политические дивиденды от нематериального культурного наследия государственные организации и коммерческие предприятия, если их политика в отношении наследия ведет к снижению его культурной ценности в локальных сообществах, подрывая экономику символического капитала этих сообществ?

Таким образом, жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры играет если не ведущую (с позиций отдельных подходов), то весьма значительную роль. Изученный нами сегмент молодежного волонтерского движения (жизненный мир студента-волонтера) позволяет эксплицировать общий вывод на все молодежное движение. Усиление персонцентричных ценностей в формировании жизненного мира индивида ведет к снижению роли волонтерского движения в механизмах культурного воспроизводства, в то время как противоположная тенденция (социоцентризм) — усиливает его роль.

Одновременно хотелось бы отметить необходимость дальнейшего изучения роли волонтерского движения в воспроизводстве культуры, поскольку отдельные наблюдения позволяют предполагать, что вне добровольного безвозмездного (волонтерского) труда созидание культурных ценностей и наделение их глубоким социально-значимым смыслом невозможно. Соответственно, дальнейшие исследования могут либо подтвердить этот особый статус жизненного мира волонтера в механизмах воспроизводства культуры, либо опровергнуть.

Fatimat V. TSRAYEVA

Vice-Rector for Creative and Educational Work,
North Caucasus State Institute of Arts,
Nalchik, Russian Federation,
fatimatcraeva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7680-3016

The Life World of a Student Volunteer in the Mechanisms of Culture Reproduction

Abstract. The aim of the study is to reveal the significance of the student-volunteer's life world in culture reproduction. The life world is understood as a special microspace of personal culture, which is saturated with its own meanings and values. The study is based on data obtained in the course of

a sociological survey conducted among students of the Kabardino-Balkaria Republic, Potential of the Volunteer Movement of Students of Universities in Kabardino-Balkaria, as a theoretical basis. Results of studies on the mechanisms of culture reproduction were also used. The methodology consists of methods for collecting and processing empirical data, as well as a methodology for their interpretation developed by the author, based on three concepts: person-centric (based on the phenomenological approach of the European sociological school), socio-centric (using a system-activity approach implemented in domestic cultural studies), and bi-centric (typologies of the socio-cultural process of success symbolization (Gennady Bakumenko)). The theoretical foundations of the conducted sociological survey, based on the methods for studying the motivation for volunteering by Katharina Gaskin and Davis Smith and the model of cross-cultural studies of the third sector of the economy at Hopkins University, are considered in detail, the changes the author made to these methods are described. Three concepts that are the basis for interpreting the results of the study are characterized, differences between them in the interpretation of social reality and the basic mechanisms of cultural reproduction are shown; the author points out that they are, in fact, models of the reproduction of culture. The results of the conducted sociological survey are commented, the significance of the factors influencing the refusal of volunteer activity is determined. The content of the crisis of the inner world of a student volunteer, which is expressed in a change in the value priorities of volunteering in the third year of study at a university, is revealed. The obtained results were interpreted in line with the three models of culture reproduction identified by the author. The life world of a student volunteer is of great importance among the mechanisms of cultural reproduction, since it predetermines the nature of promising trends in sociocultural development. The conclusions of the study were evaluated in the context of the works of scientists analyzing the mechanisms of reproduction of modern culture (Anthony Lyons and Yoshihisa Kashima, Yuuze Zhu and Junmin Liu).

Keywords: life world, culture reproduction, cultural values, cultural heritage, inheritance, youth, volunteer movement, culture models, cultural attribution.

Использованная литература:

1. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ (г. Москва, МПГУ, 25–26 ноября 2021 г.). М.: МПГУ, 2022. С. 50–61.
2. Бакуменко Г. В. Персоноцентризм и социоцентризм как маркеры символизации успеха в художественной реальности фильмов кинопроката США // Культура и искусство. 2019. № 4. С. 1–8.
3. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: Сам Полиграфист, 2021.
4. Васильюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
5. Васильюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
6. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
7. Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). С. 101–108.

References:

1. Bakumenko, G.V. (2022) [Interdisciplinary Potential of Culturological Attribution]. In: *Kul'turologiya v teoriyakh i praktikakh: k 30-letiyu kafedry kul'turologii MPGU* [Culturology in Theories and Practices: On the 30th Anniversary of the Department of Cultural Studies of the Moscow Pedagogical State University]. Conference Proceedings. Moscow. 25–26 November 2021. Moscow: MPSU. pp. 50–61. (In Russian).
2. Bakumenko, G.V. (2019) Personocentrism and Sociocentrism as Markers of Success Symbolization in Artistic Reality of USA Film Distribution. *Kul'tura i iskusstvo*. 4. pp. 1–8. (In Russian).
3. Bakumenko, G.V. (2021) *Tsenmostnaya dinamika simvolov uspekha: na materiale statistiki kinoprokata* [Dynamics of Values of Symbols of Success: Based on Film Distribution Statistics]. Moscow: Sam Poligrafist,
4. Vasilyuk, F.E. (1995) Zhiznennyy mir i krizis: tipologicheskii analiz kriticheskikh situatsiy [Life World and Crisis: Typological Analysis of Critical Situations]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza*. 16 (3). pp. 90–101.
5. Vasilyuk, F.E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of Experience]. Moscow: Moscow State University.
6. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of Beautiful]. Moscow: Iskusstvo.

8. Горлова Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204
9. Ивлиев Г. П. Сохранение и воспроизводство ресурсов культуры в XXI веке // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2011. №1 (9). С. 21–23.
10. Карпукhin О. И., Комиссаров С. Н. Язык в структуре воспроизводства культуры // Социально-гуманитарные знания. 2022. №6. С. 11–18.
11. Константинов Ю., Рыжкова И. В. «Пустое пространство» и «Заполненное место»: гендерная асимметрия как проявление «Народного бинаризма» в оленеводческой части кольского полуострова // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 87–114.
12. Копцева Н. П., Березюк С. В., Хребтов М. Я. Этнопедагогические практики сохранения и воспроизводства традиционной культуры коренных малочисленных народов севера и Сибири (на примере Красноярского края) // Перспективы науки и образования. 2021. №2 (50). С. 293–310.
13. Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. № 7. С. 128–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-128-146
14. Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М.: Смысл, 1999.
15. Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.
16. Олешкова А. М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 164–166.
17. Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.
18. Примеров Н. А. Роль конкурсов и фестивалей в воспроизводстве народной музыкальной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. №21. С. 74–85.
19. Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам. Нью-Йорк: ООН, 2006.
20. Семенова О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2 (87). С. 24–27. DOI: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030
21. Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8084>
22. Стёпин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.
7. Gorlova, N.I. (2016) Istoricheskie aspekty razvitiya kul'turnogo volonterstva v Rossii [Historical Aspects of the Development of Cultural Volunteering in Russia]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (39). pp. 101–108.
8. Gorlova, N.I. (2021) Volunteering in Preservation of Material Patrimony in Soviet Russia: Pages of History: Materials From the State Archive of the Russian Federation. *Vestnik arkhivista – Herald of an Activist*. 1. pp. 193–204. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-0101-2021-1-193-204
9. Ivliev, G.P. (2011) Sokhranenie i vosproizvodstvo resursov kul'tury v XXI veke [Preservation and Reproduction of Cultural Resources in the 21st Century]. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*. 1 (9). pp. 21–23.
10. Karpukhin, O.I. & Komissarov, S.N. (2022) Language in the Structure of Culture Reproduction. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 6. pp. 11–18. (In Russian).
11. Konstantinov, Yu. & Ryzhkova, I.V. (2019) "Empty Space" vs. "Full Place": Gender Asymmetry as an Expression of "Folk Binarism" in the Reindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula (Northwest Russia). *Antropologicheskii forum*. 40. pp. 87–114. (In Russian).
12. Koptseva, N.P., Berezyuk, S.V. & Khrebtov, M.Ya. (2021) Ethnopedagogical Practices of Preservation and Reproduction of the Traditional Culture of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North and Siberia (The Case of Krasnoyarsk Region). *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 2 (50). pp. 293–310. (In Russian).
13. Kuznetsova, A.A. & Solov'eva, N.A. (2018) Dynamics of Psychological Characteristics of a Student-Volunteer in the Process of Professionally-Oriented Volunteering Activity. *Obrazovanie i nauka – Education and Science Journal*. 7. pp. 128–146. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-128-146
14. Leont'ev, D.A. (1999) *Metodika predel'nykh smyslov (MPS): Metodicheskoe rukovodstvo* [Methods of Limiting Meanings: Methodological Guide]. Moscow: Smysl.
15. Nezhina, T.G. et al. (2014) Motivatsiya uchastiya molodezhi v volonterskom dvizhenii [Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 3. pp. 49–71.
16. Oleshkova, A.M. (2017) Internet Meme as a Means of Cultural Reproduction. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8. pp. 164–166. (In Russian).
17. Pevnaya, M.V. & Kuz'minchuk, A.A. (2016) Dinamika studencheskogo volonterstva v Sverdlovskoy oblasti [Dynamics of Student Volunteering in Sverdlovsk Oblast]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 4. pp. 135–148.
18. Primerov, N.A. (2012) Rol' konkursov i festivaley v vosproizvodstve narodnoy muzykal'noy kul'tury [The Role of Competitions and Festivals in the Reproduction of Folk Musical Culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 21. pp. 74–85.
19. UN Statistics Division. (2006) *Handbook on Non-profit Institutions in the System of National Accounts*. New York: United Nations. (In Russian).
20. Semenova, O.A. (2019) Features of Volunteer Activity at Medical University. *Mezhdunarodnyy nauchno-*

23. Флиер А. Я. Системообразующие свойства культуры // *Культура культуры*. 2022. № 2. С. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-cult.ru/system-forming-properties-of-culture/> (дата обращения 07.01.2023).
24. Цраева Ф. В. Диагностика культуры студента-волонтера // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 9 (101). С. 46–52.
25. Цраева Ф. В., Кондратьева Л. Н. Проблема кризиса жизненного мира студента-волонтера [Электронный ресурс] // *Культура и время перемен*. 2022. № 1(36). URL: <http://timekguki.esrae.ru/52-728> (дата обращения: 03.12.2022).
26. Цраева Ф. В., Рахаев А. И. Приоритеты студента-волонтера в культуре региона: на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии // *Культурная жизнь Юга России*. 2021. № 2 (81). С. 125–143.
27. Шошина С. И. Воспроизводство культуры в сфере клубной деятельности // *Культурологический журнал*. 2020. № 3 (41). С. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://readera.org/vosproizvodstvo-kultury-v-sfere-klubnoj-deyatelnosti-170173696> (дата обращения 07.01.2023).
28. Burgess C., Bishop M., Lowe K. Decolonising Indigenous Education: The Case for Cultural Mentoring in Supporting Indigenous Knowledge Reproduction // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 2022. Vol. 43, Is. 1. P. 1–14.
29. Gaskin K., Smith J. D. *A new civic Europe?* London: The Volunteer Centre, 1997. XI.
30. Holmes K. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal [and etc.] // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43, Is. 3. P. 281–297. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1804658.
31. Lyons A., Kashima Y. The Reproduction of Culture: Communication Processes Tend to Maintain Cultural Stereotypes // *Social Cognition*. 2001. Vol. 19, Is. 3. P. 372–394.
32. Russi A. E. Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic / A. E. Russi, S. Bhaumik, J. J. Herzog [and etc.] // *Medical Education Online*. 2018. Vol. 23, Is. 1. Article 1505401. DOI: 10.1080/10872981.2018.1505401
33. Salamon L. M., Anheier H. K. *The Emerging Nonprofit Sector: An Overview* (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester: Manchester University Press, 1996.
34. Semnisky A., Johnson D. Transgenerational Media Industries: Adults, Children, and the Reproduction of Culture // *J Youth Adolescence*. 2021. Is. 50. P. 205–207. DOI: 10.1007/s10964-020-01351-6
35. Smith J. D. *Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes* / J. D. Smith, A. Ellis, K. Gaskin [and etc.]. London: NCVO, 2015. 60 p.
36. Sut J. *The Political Economy of Culture* // *Cultural Politics in Contemporary America*. Routledge, 2022. 65–81.
37. Yongxiang X., He J. Re-Examining Cultural Reproduction Theory: Cultural Capital and Adolescent Academic Achievement in China // *Asia Pacific Education Review*. 2023. P. 1–15.
- issledovatel'skiy zhurnal. 9–2 (87). pp. 24–27. (In Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030
21. Simonova, O.A. (2021) Emotional Imperatives of Late Modern Society and Their Possible Social Consequences. *Sotsiologicheskij zhurnal – Sociological Journal*. 27 (2). pp. 25–45. (In Russian). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084
22. Stepin, V.S. (2001) Kul'tura [Culture]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, Sovremennyy literator. pp. 524–526.
23. Flier, A.Ya. (2022) System-Forming Properties of Culture. *Kul'tura kul'tury – Culture of Culture*. 2. pp. 1 [Online] Available from: <http://cult-cult.ru/system-forming-properties-of-culture/> (Accessed: 07.01.2023). (In Russian).
24. Tsraeva, F.V. (2022) Diagnostics of Student Volunteer Culture. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 9 (101). pp. 46–52. (In Russian).
25. Tsraeva, F.V. & Kondrat'eva, L.N. (2022) Problema krizisa zhiznennogo mira studenta-volontera [The Problem of the Crisis of the Student Volunteer's Life World]. *Kul'tura i vremya peremen*. 1 (36). [Online] Available from: <http://timekguki.esrae.ru/52-728> (Accessed: 03.12.2022).
26. Tsraeva, F.V. & Rakhaev, A.I. (2021) Priorities of Student Volunteers in the Culture of the Region: On the Example of a Survey of Students of Kabardino-Balkaria. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2 (81). pp. 125–143. (In Russian). DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-125-143
27. Shoshina, S.I. (2020) Reproduction of Culture in Club Activities. *Kul'turologicheskij zhurnal*. 3 (41). p. 2 [Online] Available from: <https://readera.org/vosproizvodstvo-kultury-v-sfere-klubnoj-deyatelnosti-170173696> (Accessed: 07.01.2023). (In Russian).
28. Burgess, C., Bishop, M. & Lowe, K. (2022) Decolonising Indigenous Education: The Case for Cultural Mentoring in Supporting Indigenous Knowledge Reproduction. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 43 (1). pp. 1–14.
29. Gaskin, K. & Smith, J.D. (1997) *A new civic Europe?* London: The Volunteer Centre.
30. Holmes, K. (2021) A Continuum of University Student Volunteer Programme Models. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 43 (3). pp. 281–297. DOI: 10.1080/1360080X.2020.1804658
31. Lyons, A. & Kashima, Y. (2001) The Reproduction of Culture: Communication Processes Tend to Maintain Cultural Stereotypes. *Social Cognition*. 19 (3). pp. 372–394.
32. Russi, A.E. (2018) Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic. *Medical Education Online*. 23 (1). Article 1505401. DOI: 10.1080/10872981.2018.1505401
33. Salamon, L.M. & Anheier, H.K. (1996) *The Emerging Nonprofit Sector: An Overview* (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester: Manchester University Press.
34. Semnisky, A. & Johnson, D. (2021) Transgenerational Media Industries: Adults, Children, and the Reproduction of Culture. *J Youth Adolescence*. 50. pp. 205–207. DOI: 10.1007/s10964-020-01351-6
35. Smith, J.D. (2015) *Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes*. London: NCVO.

38. Zhu Y., Liu J. Cultural Reproduction: ethnic Festivals as Intangible cultural Heritage in China // *Loisir et Société*. 2021. Vol. 44, Is. 3. P. 415–428. DOI: 10.1080/07053436.2021.1999090

36. Sut, J. (2022) *The Political Economy of Culture // Cultural Politics in Contemporary America*. Routledge. pp. 65–81.

37. Yongxiang, X. & He, J. (2023) Re-Examining Cultural Reproduction Theory: Cultural Capital and Adolescent Academic Achievement in China. *Asia Pacific Education Review*. pp. 1–15.

38. Zhu, Y. & Liu, J. (2021) Cultural Reproduction: ethnic Festivals as Intangible cultural Heritage in China. *Loisir et Société*. 44 (3). pp. 415–428. DOI: 10.1080/07053436.2021.1999090

Полная библиографическая ссылка на статью:

Цраева, Ф. В. Жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры / Ф. В. Цраева. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.006. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 67–81. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/535/448> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Tsrayeva, F.V. (2023) The Life World of a Student Volunteer in the Mechanisms of Culture Reproduction. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 67–81. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.006

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

СУНЬ На

аспирант департамента искусств и дизайна
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Российская Федерация;
старший преподаватель Хэйхэского университета,
Хэйхэ, Китайская Народная Республика

Na SUN

Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation;
Senior Lecturer, Heihe University,
Heihe, People's Republic of China
909389521@qq.com

УДК: [687.1:597.2/.5-035.51]:7.048.3:[7.012+398.54](=512.221)
ГРНТИ: 03.61.91
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.007

**Облаковидные узоры в одежде
из рыбьей кожи народа хэчжэ
(нанайцев): происхождение,
композиционные особенности,
семантика образов**

**Cloud-like Patterns in Fish Skin
Clothing of the Hezhe People (Nanai):
Origin, Compositional Features,
Semantics of Images**

В статье рассматриваются облаковидные узоры в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ (нанайцев), проживающего в России и Китае. Исследование призвано определить происхождение облаковидных узоров, выявить их разновидности, композиционные особенности и сюжетное разнообразие. Источниками стали экспонаты коллекций музеев Китая и России, научные статьи и публикации периодической печати на русском и китайском языках. Выявлено, что облаковидные узоры имеют важное значение в культуре народа хэчже. Выступая в качестве традиционного декора одежды, они часто распределены по краям костюмов, иногда размещаются в центре в виде обособленного рисунка. С точки зрения композиционных особенностей выделены два типа облаковидных узоров: «S-тип» и «С-тип». Установлено, что в процессе исто-

рической эволюции и межэтнического обмена богатые культурные традиции, заложенные в глубинную концепцию китайского облаковидного узора, оказали определенное влияние на элементы облаковидного узора народа хэчжэ.

Ключевые слова: облаковидные узоры, хэчжэ, нанайцы, одежда из рыбьей кожи, Китай, Приамурье, декоративная композиция, символика орнамента.

Введение. У хэчжэ — одного из самых малочисленных народов КНР, в России известного как нанайцы, — традиционно развито декоративно-прикладное искусство. Облаковидный узор как важный мотив нанайского орнамента получил большое распространение, однако, несмотря на это, не привлек особого внимания исследователей. Изучение облаковидных узоров в одежде из рыбьей кожи хэчжэ поможет выявить их скрытый символический смысл, что углубит представления об этой народности у историков, культурологов, искусствоведов, этнологов, а также станет источником вдохновения для практической работы дизайнеров.

Изучение истории и культуры нанайского народа осуществлялось русскими и китайскими исследователями довольно долгое время, при этом проблематика, связанная с традиционным орнаментом, всегда занимала в этих изысканиях значительное место. Систематическое и планомерное изучение этого вопроса в Китае началось лишь в первом десятилетии XX в., когда этнограф Лин Чуньшень в работе «Хэчжэ низовий Сунгари» впервые обратил внимание на традиционную орнаменталистику: «Особенно развито декоративное искусство у хэчжэ... На их одежде, обуви, головных уборах и предметах, везде можно увидеть орнамент» [5, с. 206].

В период после провозглашения политики реформ и открытости до настоящего времени изучение культуры хэчжэ достигло своего расцвета. В частности, Ван Инхай в «Сборнике традиционных орнаментов хэчжэ» (2010) приводит иллюстрации традиционной одежды с облаковидными узорами [1, с. 87, 88, 89, 91, 92, 114, 116]. Исследуемая проблематика затрагивалась в работах Ван Ичжана и Хуан Жэньюаня [2], Цзи Миня [11], Чжан Миньцзе [12] и Лю Теляна [6]. Последний, в частности,

утверждал, что «костюмный орнамент хэчжэ в основном принял за основу облаковидный и водяной узоры» [6, с. 141]. Цзи Минь обращал особое внимание на специфику процесса создания орнаментов: «Облаковидные узоры из рыбьей кожи, вышитые на одежде, сделаны из излишка материала после ее кройки... количество их не определено, это зависит от желания мастерицы» [11, с. 19, 20]. Ван Ичжан и Хуан Жэньюань в работе о жанровой живописи хэчжэ указывал: «На полах, обшлагах, круглом воротнике, груди и спине размещается облаковидный узор и зооморфный орнамент, которые вырезаны из шкуры оленя, окрашенной в красный, синий и черный цвет и т.д.» [2, с. 206]. Чжан Миньцзе подчеркивала: «Сегодня некому носить одежду из рыбьей кожи, большинство орнаментов уже уничтожено волнами истории, но облаковидный и спиралевидный узоры, символизирующие небо и реку, остаются атрибутом современной национальной одежды хэчжэ (нанайцев)» [12, с. 116].

В приведенных трудах китайских исследователей облаковидные узоры упоминаются в тесной связи с орнаментальным искусством, при этом характеризуется их композиция, образы, цветовая гамма, типы и т.д. Большинство китайских авторов указывает, что облаковидный узор, имея важное значение для народа хэчжэ, часто располагается на краях одежды, однако анализ культурной функции этого орнамента в упомянутых работах отсутствует. Более подробное исследование разновидностей облачного орнамента приводится у С. В. Иванова (1966) [3], который перечислил его мотивы и поставил проблему фактической неизученности этого узора в районах Приамурья, где он, как считалось, появился в готовой форме — происхождение и основные вехи развития орнамента оставались неясными.

Чтобы выявить происхождение облаковидного узора народа хэчжэ, необходимо обратиться к анализу литературы, посвященной изучению подобных орнаментов, существовавших и в традиционной китайской культуре, а также исследовать музейные коллекции одежды, хронологически относящейся к древним династиям Китая. Работы Сунь Лэя [9] и Лан Фан [4] содержат упоминания об облаковидных узорах, которые, являясь лишь частью исторических, культурных или иных исследований, либо кратко описывают облаковидный узор, либо ограничиваются характеристикой одной из его разновидностей, не создавая целостного представления об этой традиции. В работах как китайских, так и российских авторов не рассматривается вопрос о взаимовлиянии культур народов Китая и России, проживающих по течению одной реки, оказавшей, в частности, свое воздействие и на формы традиционного орнамента.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить происхождение облаковидных узоров народа хэчжэ (нанайцев) посредством анализа типов этих орнаментов, их композиционных характеристик и сюжетных особенностей. Основной гипотезой стало предположение о том, что тип облаковидного узора был заимствован хэчжэ из китайской культуры. Конечно, нанайцы не пассивно восприняли эту традицию. В процессе исторической эволюции и межэтнического обмена их уникальная культура, основанная на рыболовстве, впитала в себя вдохновение традиции и воплотила его в многочисленные художественные формы, что способствовало ее обогащению. В результате облаковидный узор в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ получил свои отличительные этнорегиональные художественные особенности.

Основными источниками для данного исследования послужили:

— экспонаты из коллекций Музея хэчжэ в городе Тунцзян, Музея национального костюма при Пекинском университете одежды (г. Пекин), Хэйлунцзянского этнографического музея (г. Харбин), Музея в городе Цзямусы, Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова;

— полевые материалы автора, собранные в научных экспедициях, проведенных

в районах проживания хэчжэ — волости Цзецзинькоу в городе Тунцзян и поселке Аочии в городе Цзямусы;

— научные статьи и публикации периодической печати на русском и китайском языках.

Методология исследования опирается на комплексный подход, в основу которого положены иконографический анализ, предполагающий рассмотрение облаковидных узоров как изображений с точки зрения конструкции и образа; семиотический анализ, предусматривающий характеристику облаковидных узоров как символов; социологический подход, опирающийся на прикладную, семантическую и эстетическую функцию узоров. Изучение происхождения, основных этапов эволюции и особенностей облаковидного орнамента хэчжэ позволит расширить имеющиеся знания о характере и специфике этнокультурного взаимодействия между Китаем и народами Приамурья, развивавшегося на протяжении многих веков.

Научная новизна исследования заключается в том, что его автор анализирует особенности форм традиционного орнамента народов, проживающих по течению одной реки в разных государствах — Китае и России, что дает основания для изучения взаимовлияния культур двух стран.

Есть все основания полагать, что облаковидный узор существовал на протяжении тысяч лет. Он, выступая в качестве китайского декоративного символа благоприствования, получил широкое распространение и стал одним из самых любимых узоров народов Китая, включая хэчжэ. Существуют свидетельства о его существовании уже в догосударственный период. Так, Лэй Гуйюань утверждает: «Облаковидный узор впервые появился на крашеной керамике, относящейся к периоду первобытного общества» (цит. по [13, с. 216]) (Рис. 1). Размещенный на рисунке 1 облаковидный узор в значительной степени подобен «водоворотному» орнаменту на фаянсе первобытного периода. Некоторые структурные стили первобытного спирального узора сохранились в более позднем облаковидном узоре, и его форма очень близка

к «орнаменту перистых облаков» (китайск. 卷云纹 — juan yun wen — цзюань юнь вэнь), получившему распространение в последующих веках [10, с. 44–46]. В период династии Шан (1554–1046 гг. до н.э.) облаковидный узор получил известность как «орнамент облака и молнии» (китайск. 云雷纹 — yun lei wen — юнь лэй вэнь) [13, с. 216]. В этом узоре, который считается основной формой в начальный период развития данного орнамента, овальные линии символизировали облака, прямые — молнии.

Изначально облаковидный узор хэчжэ использовался в простой и пиктографической S-образной форме. С течением времени в процессе исторической эволюции и межэтнического обмена этот орнамент впитал в себя многочисленные художественные варианты, что привело к появлению его разновидностей: парные спирали, парные завитки, пальметты.

Форма крючка и завитка (☉) в качестве основного элемента структуры китайского облаковидного узора создала две постоянные модели — «S-тип» (∞) и «C-тип» (∞). Как бы ни изменялся орнамент, будучи либо простым, либо сложным, «почти все облаковидные узоры в качестве единичного элемента используют формы крючка и завитка, их симметричное построение образует орнаментальную форму с относительной независимостью и целостностью» [10, с. 38]. В целом, существует единичный основной элемент структуры — крючок и завиток, две структурные модели — «S-тип» или «C-тип», многообразные формы — «орнамент перистых облаков» (китайск. 卷云纹 — juan yun wen — цзюань юнь вэнь), «орнамент легкой облачной дымки» (китайск. 云气纹 — yun qi wen — юнь чи вэнь), «орнамент одинокого облака» (китайск. 朵云纹 — duo yun wen — до юнь вэнь), «орнамент облака в виде жезлов жуи» (如意云纹 — ru yi yun wen — жуи юньвэнь) и др.

Существует несколько предположений о возникновении облаковидных узоров. Одно из них строится на том, что в древние времена предки изображали облака на основе текстур природных объектов, таких как раковина улитки, лоза растения, водоворот в реке, расположение соцветий и листьев, изогнутая радуга или архетипические образы рогов жи-

Рис. 1: Расписная керамическая амфора с традиционным китайским орнаментом в виде водоворота (彩陶漩涡纹双耳罐). Китай, культура Мацзяяо (3100–2700 гг. до н. э.) неолитической эпохи.

Из фондов Пекинского музея Гугун (регистрационный номер 1101012180003511610936)

Fig.1: An amphora of painted ceramics with a traditional Chinese ornament in the form of a whirlpool. China, the Majiayao culture (3100–2700 BCE) of the Neolithic era. From the collections of the Beijing Gugong Museum (registration number 1101012180003511610936)

вотных и птичьих клювов. Это вдохновляло мастеров на изображение спиральной формы облаковидного узора. Спираль в разных вариантах в культуре и искусстве большинства народов мира связана с закономерностью ее происхождения и существования как вневременного открытого колеса. Это наиболее распространенный визуальный знак и один из самых древних символов [7, с. 12]. Второе предположение об источнике происхождения облаковидных узоров — благоговение перед силами природы. В глубокой древности люди испытывали ужас перед стихийными бедствиями и поэтому поклонялись таинственным явлениям природы, таким как солнце, луна, звезды, ветер, дождь, гром, вода, огонь и т.д. Облака считались причиной появления дождя, который возрождает и питает все сущее, иногда их называли «божественными». В определенном смысле облаковидный узор символизирует почитание этого природного явления.

Облаковидный узор широко применялся в одежде из рыбьей кожи хэчжэ: мастера гармонично размещали на ней такой орнамент,

Рис. 2: Мужской костюм из кожи сазана (鲤鱼皮男套装). Китай, 90-е гг. XX в. Из фондов Музея Хэчжэ в городе Тунцзян (регистрационный номер 2308812180000100002383)

Fig. 2: Men's suit made of carp leather. China, 1990s. From the collections of the Hezhe Museum in Tongjiang City (registration number 2308812180000100002383)

создавая декоративный эффект. В целом эти узоры в большом количестве были распределены по краям одежды, часто встречались на воротнике, полах, рукавах, подоле и разрезах. Они не только играли декоративную роль, но и выполняли практические функции, подчеркивая края одежды. Простота или сложность морфологии облаковидных узоров зависели от темы или потребностей владельца, и мастеру, чтобы сформировать подходящий узор, иногда необходимо было подстроиться к форме краев одежды.

Облаковидные узоры в одежде хэчжэ обычно выполнены в технике вырезания из бумаги: в зависимости от квалификации

или своего желания мастерицы могли использовать выкройку или вырезать прямо по материалу. Нередко использовалась двусторонняя симметрия, графика «инь» и «ян» и т.д. На мужском костюме из кожи сазана, изображенном на рисунке 2, лаконичным и естественным облаковидным узором в виде S-образной формы украшены воротник, полы, рукава и подол, что воплощало чистую красоту и простоту этой одежды. Кроме того, боковой разрез костюма украшен орнаментом пальметтоподобной формы, что еще больше усиливает декоративный эффект и прочность краев одежды.

Сравнивая облачные узоры с формой пальметты, следует отметить, что народ

Рис. 3: Женская верхняя одежда с широкой полкой с традиционным китайским орнаментом в виде стилизованных листьев и трав и облаковидным узором «Жуи» (赫哲族鱼皮饰如意卷草纹大襟衣). Китай, не ранее 50-х гг. XX в. Из фондов Музея национального костюма при Пекинском университете одежды (регистрационный номер MFB004999)
Fig. 3: Women's outerwear with a wide skirt with a traditional Chinese ornament in the form of stylized leaves and herbs and a "Rui" cloud-like pattern. China, 1950s and on. From the collections of the National Costume Museum at Beijing Clothing University (registration number MFB004999)

хэчжэ предпочитал облаковидные узоры в виде парных завитков (Рис. 3), этот узор относится к вышеуказанной структурной модели «С-типа». В Китае такой облаковидный узор носит специальное название — «орнамент облака в виде жезлов жуи» (китайск. 如意云纹 - *ru yi yun wen* — жуи юньвэнь). Жезл «жуи» (китайск. — 如意 - *ru yi* — жуи) первоначально был инструментом для чесания спины, изготавливавшимся из бамбука, нефрита, кости и т.д., конец его рукоятки имел форму пальца. В дальнейшем эта форма приобретает вид гриба линчжи¹ и благоприятствующих облаков, а жезл «жуи» становится своеобразным символом власти и богатства высшего класса. В конце периода правления династии Мин «жуи» стал объектом эстетического интереса для образованных людей, получив характери-

¹ Линчжи (пер. с китайск. — «гриб» / «трава бессмертия») — гриб вида *трутовик лакированный*, вырастающий на корнях либо на стволах деревьев, используется в медицинских целях; в китайской медицине называют «грибом бессмертия» (прим. ред.).

стики антиквариата. Орнамент облака подражает навершию жезла и имеет символические значения: «исполнение желаний и счастье», «во всех делах да будет так, как желаете», «все обстоит благополучно».

На женской верхней одежде (Рис. 3) «орнамент облака в виде жезлов жуи» сочетается с традиционным китайским орнаментом в виде стилизованных листьев и трав, они вместе украшают полы и подол. Эта комбинация богата динамикой, извилистые ветки и лозы впитали жизненную силу из облаков. Считалось, что их сочетание придавало женщине нежность и приветливость.

На двух вышеописанных костюмах цвет облаковидных узоров формирует контраст с общим тоном всей одежды, что делает четкими очертания и форму одеяний. «Орнамент облака в виде жезлов жуи» часто использовался на краях женской китайской традиционной одежды (Рис. 4). В эпоху Цин (1644–1911 гг.) эта разновидность облаковидного узора достигла своего расцвета под влиянием интенсивно-

Рис. 4: Магуа (куртка) из бледно-фиолетовой парчи с рисунком «залы заполнены золотом и нефритом» и каймой, украшенной вышивкой «Жуи» (粉紫色金玉满堂纹提花缎式刺绣如意镶边马褂). Китай, династия Цин. Из фондов Музея национального костюма при Пекинском университете одежды (регистрационный номер MFB009260)

Fig. 4: Magua (jacket) made of pale purple brocade fabrics with a pattern “halls filled with gold and jade” and a border decorated with “Rui” embroidery. China, the Qing Dynasty. From the collections of the National Costume Museum at Beijing Clothing University (registration number MFB009260)

Рис. 5: Сумка из рыбьей кожи (鱼皮包). Китай, конец XX в. Из фондов Музея национального костюма при Пекинском университете одежды (регистрационный номер MFB007292)

Fig. 5: Fish skin bag. China, late 20th century. From the collections of the National Costume Museum at Beijing Clothing University (registration number MFB007292)

го и тесного культурного обмена и торговой деятельности. Этот орнамент плотно вошел в жизнь хэчжэ, а нанайские мастерицы, заимствовав часть ханьской культуры, обогатили свою декоративно-прикладную традицию.

Иногда облаковидный орнамент размещался в центре в виде обособленного рисунка. В середине сумки (Рис. 5) сочетание двух узоров в виде парных спиралей создало либо бабочку, либо цветок. Мастерицы хэчжэ наблюдали природу и пытались изобразить ее фантастический мир.

Творчество нанайских женщин зачастую придавало облаковидным узорам уникальный характер. В коллекции одежды нанайцев, хранящейся в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова, облаковидные узоры являются достаточно яркими элементами (Рис. 6), причем здесь сохранены богатейшие старинные формы орнаментов, которые отсутствуют в Китае. Как пишет С. В. Иванов, характеризуя амурские узоры: «...очень близкие формы парных спиралей и пальметт широко представлены в вышивке и аппликации, в расписном орнаменте по коже... Эти мотивы удержива-

ются на одежде и в тех случаях, когда разрезы уже не делаются, а изображения располагаются на соответствующие места полосок ткани или рыбьей кожи» [3, с. 388]. Исследователь подчеркивает популярность облаковидных узоров, но подробно не анализирует их происхождение, ограничиваясь лишь общими предположениями: «Создается впечатление, что облаковидные узоры сложились и приняли устойчивые формы где-то на стороне и уже в готовом виде проникли на Амур... некоторые из перечисленных мотивов ведут нас к бурятам и монголам, другие — к манчжурам и китайцам» [3, с. 388].

Итак, обладая значительным разнообразием конкретных форм, облаковидный узор является довольно абстрактным и условным китайским традиционным декоративным орнаментом, тем не менее отражающим культурную идентичность и национальный дух. С исторической точки зрения, с момента своего появления облаковидный узор уже обладал собственными отличительными символическими характеристиками. Несмотря на то, что его форма и содержание изменялись в периоды правления различных династий, основные особенности всегда отличались определенным постоянством.

В первобытный период форма изучаемого орнамента приобрела вид «узора в виде спиралей» (китайск. 螺旋纹 — *luo xuan wen* — лосюань вэнь), который используется для простого украшения предметов. В период Чуньцю (770–476 гг. до н.э.) декоративность узора усилилась и появился «орнамент перистых облаков» (китайск. 卷云纹 — *juan yun wen* — цзюань юнь вэнь). «Орнамент легкой облачной дымки» (китайск. 云气纹 — *yun qi wen* — юнь чи вэнь), состоявший из округлых линий, оформившийся в период династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), считался счастливым орнаментом, который широко использовался и при императорском дворе, и в домах простых китайцев. Он встречается на различной утвари, шелковых тканях, костюмах и керамике: «Им передается самый типичный исторический символ династии Хань, подчеркивается текучесть в целом, это самый романтический и искусный образец облаковидного узора» [9, с. 149].

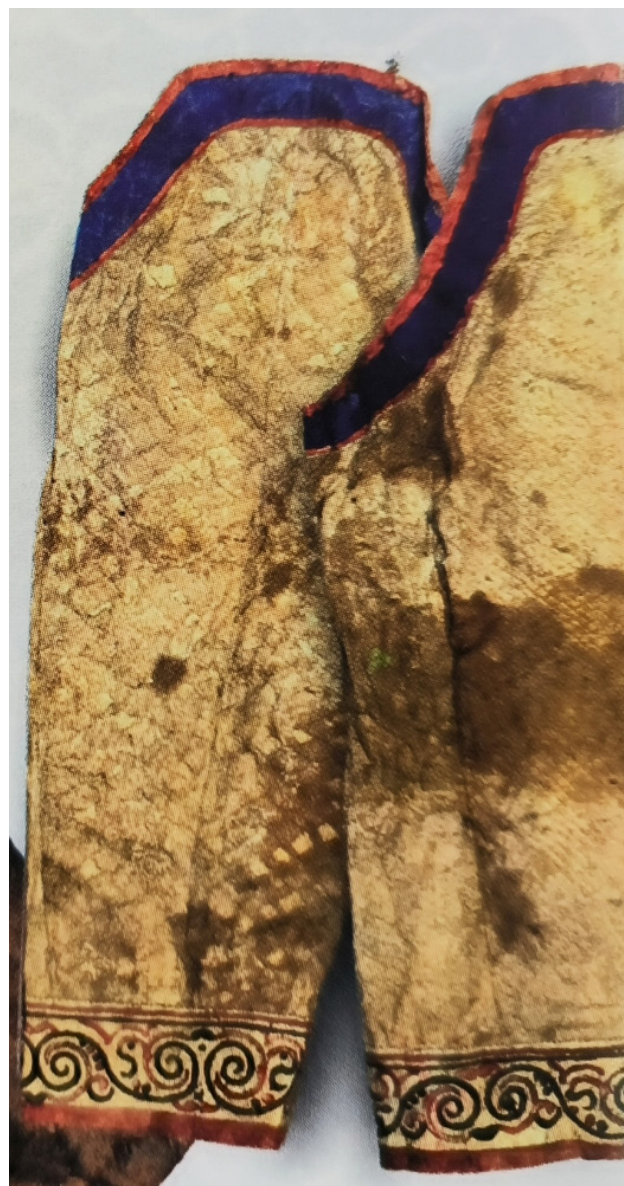

Рис. 6: Ноговицы мужские зимние «ои». Россия, вторая половина XIX в. Из фондов Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (номер по КП (ГИК): ХКМ КП662/а, 6/Э-275)

Fig. 6: Men's winter oi gaiters. Russia, second half of the 19th century. From the funds of the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov (CP number (GIK): НКМ КР 662/а, б/Э-275)

Во времена династий Суй (581–617 гг.) и Тан (618–907 гг.) общество развивалось, экономика процветала, культурный обмен между различными этносами, проживавшими в империи, усиливался. Все это придало облаковидному узору новый жизненный импульс: появился «орнамент одинокого облака» (китайск. 朵云纹 — *duo yun wen* — до юнь

вэнь), состоявший из кудрявых смыкающихся облачных голов и изящных облачных хвостов. Несколько таких орнаментов, примыкающих друг к другу, создают своеобразное «море облаков», обладающее высокой степенью визуального воздействия. Композиционное расположение узоров такого типа в основном используется при оформлении декоративных картин, изображающих появление благоприятствующих зверей и богов.

В дальнейшем в период династии Цин (1644–1911 гг.) возник популярный «орнамент облака в виде жезлов жуи», о котором было уже упомянуто. Сочетание «жуи» и облаковидного узора является отражением эстетического и идеологического сознания создателей орнамента. Испокон веков облако было излюбленным образом китайцев, в процессе его созерцания и изображения на протяжении тысячелетий в китайской культуре постепенно сформировалось уникальное сознательное восприятие и соответствующие формы художественно-эстетического выражения. Эти формы достигли наиболее концентрированного исполнения в китайском традиционном декоративном облаковидном узоре, носящем название «благоприятствующие облака» [10, с. 4], классическим примером которого является в том числе «орнамент облака в виде жезлов жуи». «Благоприятствующие облака» переводится на китайский язык как «祥云 — xiangyun — сянь юнь», здесь «祥 — xiang — сянь» имеет значение «доброе предзнаменование», «счастье», «благополучие». «Благоприятствующие облака» — уже не объективное описание «облака в небе», а некий образ, подразумевающий и содержащий эмоциональное отношение субъекта к природным явлениям, это своеобразное отражение «облака в сердце» китайцев. Таким образом, «祥 — xiang — сянь» отражает культурную концепцию и относится к сфере национальной эстетической психологии. Чжан Миньцзе, в частности, отмечает: «Облакообразные узоры хэчжэ — это символ неба... облако символизирует счастье, народ хэчжэ надеется, что каждое облако контролируется богом, что помогает вести спокойную жизнь и приносить хороший улов» [12, с. 116]. Узор словно воплощает социально-бытовой идеал: мужчины благополучно возвращаются

с промысла, их встречают женщины, красивые и ласковые, словно облако.

Народ хэчжэ создал облаковидный узор на основе первобытного искусства и своих представлений об окружающей природе, заимствовав из китайской культуры яркий элемент, который стал незаменимым компонентом в орнаменталистике и культуре одежды нанайцев. Пройдя путь от простого, скромного этапа изображения природы до стадии проектирования сложной композиции облаковидный узор превратился в оригинальный язык записи жизненного опыта, выражения эстетической концепции, а также занял свое место в исследовании истории и культуры хэчжэ, обогащении китайской культуры. Лан Фан отмечала: «Как устойчивый культурный мотив облаковидный узор охватывает большой период в длительной истории традиционного декоративного искусства, тем самым создав универсальный эстетический идеал и визуальную модель, что стало культурной схемой, характеризующей дух традиционного искусства. Все это исходит из источника происхождения смысла «祥 — xiang — сянь», содержащегося в природном облаке и его гуманитарном образе» [4, с. 97].

Длительное существование орнамента в районах Восточной Азии может быть, с точки зрения С. В. Иванова, объяснено двумя причинами: «стойкостью его семантики и законченностью формы, обладающей мягкими, плавными очертаниями и строгой симметрией» [3, с. 388]. По мнению древних людей, облако сотворено постигшим истину, по изменению его формы и цвета можно разграничить счастливые и зловещие приметы, а также предзнаменования, относящиеся к водной стихии и суше; после смерти можно вознестись на небо с помощью облаков; восхвалять императоров; общаться со святыми через легкую облачную дымку; выражать чувства, эмоции и заветные желания через явления и предметы, неотделимые от облака. Облако есть явление природы, и в то же время оно является символом счастья и высокого продвижения по службе. Например, в китайской литературе нередко используется фраза «легкими шагами подняться к синим облакам» (китайск. 平步青云 — ping bu qing yun — пин бу цин юнь),

то есть быстро достичь высокой должности, подняться по социальной лестнице. По мнению автора данной работы, используемые на протяжении долгого времени облаковидные узоры, с красотой формы и заложенными в них культурными концепциями и образным смыслом, являются классическим репрезентативным благоприятствующим узором, выражающим традиционные национальные ценности.

В наши дни усиливается актуальность теоретического и практического освоения традиционного искусства. Например, М. Е. Сидорова пишет: «Сегодня возрастает значимость духовного возрождения культурно-досуговой среды в стиле народных традиций, информационно-культурного, эмоционального и эстетического “потребления” как важных факторов, которые учитываются в программах создания данной культурной среды» [8, с. 683]. Мир, Порядок, Гармония, Совершенство, Иерархия, Знания, Семья, Социальная справедливость — главные ценности традиционного китайского общества — получают свое претворение в семиотике облачного узора и становятся понятными любому, кто пользуется одеждой из рыбьей кожи или знакомится с ней в пространстве музейной экспозиции как с уникальным артефактом прошлого. Именно поэтому важно сохранить значение орнаментальных сюжетов и историю их развития для современного мира, сопротивляющегося глобальному информационному потоку.

Итак, облаковидный узор является довольно абстрактным и условным китайским традиционным декоративным орнаментом, существующим на протяжении тысяч лет. Датировка экспонатов из коллекций китайских музеев подтверждает, что он впервые появился на крашеной керамике, относящейся к периоду первобытного общества. Со временем в периоды правления различных китайских династий форма и содержание облаковидного узора соответственно менялись: «орнамент облака и молнии» династии Шан (1554–1046 гг. до н.э.), «орнамент перистых облаков» периода Чуньцю (770–476 гг. до н.э.), «орнамент легкой облачной дымки» династии Хань (206 г. до н.э.— 220 г.н.э.), «орнамент одно-

кого облака» династий Суй (581–617 гг.) и Тан (618–907 гг.), а также «орнамент облака в виде жезлов жуи» династии Цин (1644–1911 гг.).

В данной работе на материалах музейных экспозиций Китая, России и результатах исследований российских и китайских авторов впервые представлена систематизация представлений об облачном узоре, характерном для орнаментов одежды нанайцев как в Китае, так и в российском Приамурье, определено значение этого узора в традиционной культуре как благоприятствующего человеку, его начинаниям и делам, связанного с природными стихиями и с представлениями о божественных силах.

Анализ научных и публицистических источников показывает, что с самого начала своего появления облаковидный узор стал эволюционировать в сторону обретения символического смысла китайского традиционного декоративного орнамента, ассоциировавшегося с хорошими приметами (предзнаменованиями). Как проявление природной энергии он отражал ожидания, благоговение и почитание древних. Его форма и композиция отвечала эстетическим потребностям людей в использовании символов счастья и благополучия.

Таким образом, можно заключить, что тип облаковидного узора был заимствован хэчжэ из китайской культуры. Семантика облачного узора у нанайцев, проживающих в Китае и России, имеет одну содержательную основу, но реализация цветовых решений характеризуется уникальностью национальных особенностей. Анализ типов этих орнаментов, их композиционных характеристик и сюжетных ходов с целью выяснения происхождения облаковидных узоров народа хэчжэ (нанайцев) позволяет определить, что их использование в творчестве нанайских мастеров декоративно-прикладного искусства обеих стран вовсе не ограничено только декоративным значением узоров — в национальной культуре они воспринимаются как несущие благо для человека, как связанные и с природными стихиями, и с божественными силами. При этом облаковидный узор в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ (нанайцев) получил свои отличительные этнорегиональные художественные особенности.

Na SUN

Postgraduate Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation;
Senior Lecturer, Heihe University,
Heihe, People's Republic of China
909389521@qq.com

***Cloud-like Patterns in Fish Skin Clothing of the Hezhe People (Nanai):
Origin, Compositional Features, Semantics of Images***

Abstract. The article discusses the cloud-like pattern, which is a common motif in the ornamental art of the Hezhe (Nanai) people, whose representatives live in Russia and China. The aim of the study is to identify the origin, varieties, compositional features and plot diversity of cloud-like ornaments on Hezhe clothing made from fish skin. Attention is also paid to the characterization of the symbolic meaning of ornamental images. The main hypothesis was the assumption that the Hezhe borrowed the type of cloud-like pattern from Chinese culture. The study was carried out based on materials from the collections of museums in China and Russia. The author's field materials, collected during scientific expeditions in the areas of Hezhe residence (Jiejinkou parish in Tongjiang city and Aochi village in Jiamusi city) were also used. A significant proportion of the materials were the results of research by Chinese and Russian scientists. The research methodology includes an integrated approach based on iconographic analysis, which involves considering cloud-like patterns as images from the point of view of construction and image; semiotic analysis, which involves the study of ornaments as symbols; and a sociological approach based on the applied, semantic and aesthetic functions of the ornament. In the course of the study, the author determined the origin of the Nanai cloud-like patterns decorating clothes made from fish skin and analyzed the varieties and features of the ornamental composition and the plot variety variety of patterns. Two sources that predetermined the appearance of the types of ornament under study have been identified: (1) the masters' imitation of natural (in this case, spiral) forms and (2) reverence for the forces of nature, which was one of the foundations of the ancient worldview. The author believes that the use of cloud-like patterns in the works of the Nanai masters of decorative and applied arts from China and Russia was by no means limited only by their decorative meaning – in the national culture, this type of ornament is perceived as bringing benefits to a person, as connected with natural elements and with divine powers. The author has established that the semantics of the cloud-like pattern among the peoples of China and Russia has one substantive basis, but the implementation of color solutions is characterized by the uniqueness of national characteristics. Cultural concepts and internal semantic content make traditional cloud-like patterns a classic representative ornament, broadcasting traditional national values; the sincere simplicity of these ornaments gives clothes a positively perceived harmony.

Keywords: cloud-like patterns, Hezhe, Nanai, fish skin clothing, China, Amur region, decorative composition, ornamental symbolism.

Использованная литература:

1. Ван Инхай. Сборник традиционных орнаментов хэчжэ. Харбин: Хэйлунцзянское изд-во образования, 2010. 王英海. 赫哲族传统图案集锦. 黑龙江教育出版社 (на китайском яз.).
2. Ван Ичжан, Хуан Жэньюань. Жанровая живопись хэчжэ. Харбин: Хэйлунцзянское худож. изд-во, 2006. 王益章, 黄任远. 赫哲族风俗画. 黑龙江美术出版社 (на китайском яз.).

References:

1. Wang Yinghai. (2010) *Collection of Traditional Hezhe Ornaments*. Harbin: Heilongjiang Education Publishing House. (In Chinese).
2. Wang Yizhang & Huang Renyuan. (2006) *Hezhe Genre Painting*. Harbin: Heilongjiang Art. Publishing House. (In Chinese).
3. Ivanov, S.V. (1966) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX vv.)*:

3. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.): Народы Севера и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1966.

4. Лан Фан. Образ облака: о концепции дизайна благоприятного украшения в династии Хань // Китайское художественное исследование. 2019. № 4. С. 97–102. 兰芳. 云的意象——论汉代祥瑞纹饰的设计理念. 中国美术研究 (на китайском яз.).

5. Лин Чуньшен. Хэчжэ низовий Сунгари. Пекин: Национальное изд-во, 2012. 凌纯声. 松花江下游的赫哲族. 民族出版社 (на китайском яз.).

6. Лю Телян. Сборник нематериального культурного наследия на Северо-Востоке. Том национальной одежды. Шэньян: Изд-во Северо-восточного университета, 2018. 刘铁梁. 东北非物质文化遗产丛书 - 民族服饰卷. 东北大学出版社 (на китайском яз.).

7. Покрова Е. Б., Алексеева Г. В. Орнамент коренных народов Приморского края: к проблеме историко-культурной герменевтики // The scientific heritage. 2020. № 48. С. 19–23.

8. Сидорова М. Е. Значение народных традиций и их сохранение в современных календарных обрядах и праздниках // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 682–684.

9. Сунь Лэй. Исследование источника традиционного «облаковидного узора» и художественное вдохновение // Культурная и музейная археология. 2015. № 5. С. 149–150. 孙磊. 传统纹饰“云纹”探源及其艺术性启示. 文博考古 (на китайском яз.).

10. Сюй Вэнь. Китайское украшение облаковидного узора. Наньнин: Художественное изд-во в Гуаньси, 2000. 徐雯. 中国云纹装饰. 广西美术出版社 (на китайском яз.).

11. Цзи Минь. Исследование костюмного искусства хэчжэ, орохонов, дауров. Харбин: Хэйлунцзянское худож. изд-во, 2006. 季敏. 赫哲、鄂伦春、达斡尔服饰艺术研究. 黑龙江美术出版社 (на китайском яз.).

12. Чжан Миньцзе. Рыбацкая парча – исследование культуры рыбьей кожи хэчжэ. Харбин: Хэйлунцзянское худож. изд-во, 2008. 张敏杰. 渔家天锦-赫哲族鱼皮文化研究. 黑龙江美术出版社 (на китайском яз.).

13. Ян Чэнъинь. Изложение Лэй Гуйюаня об искусстве орнаментов / ред. Линь Вэнься. Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянской академии художеств, 1992. 杨成寅, 林文霞 (记录整理). 雷圭元论图案艺术. 浙江美术学院出版社 (на китайском яз.).

Narody Severa i Dal'nego Vostoka [Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on the Materials of the 19th – Early 20th Centuries): Peoples of the North and the Far East]. Moscow: USSR Academy of Sciences.

4. Lan Fang. (2019) Image of a Cloud: On the Design Concept of Auspicious Decoration in the Han Dynasty. *Chinese Art Research*. 4. pp. 97–102. (In Chinese).

5. Ling Chunsheng. (2012) *Hezhe Lower Reaches of the Songhua River*. Beijing: National Publishing House. (In Chinese).

6. Liu Telian. (2018) *Collection of Intangible Cultural Heritage in the Northeast. National Clothes*. Shenyang: Northeastern University Press. (In Chinese).

7. Pokrova, E.B. & Alekseeva, G.V. (2020) Ornament of Indigenous Peoples of the Primorye Territory: To the Problem of Historical-Culture Hermeneutics. *The Scientific Heritage*. 48. pp. 19–23. (In Russian).

8. Sidorova, M.E. (2020) Znachenie narodnykh traditsiy i ikh sokhranenie v sovremennykh kalendarnykh obryadakh i prazdnikakh [The Meaning of Folk Traditions and Their Preservation in Modern Calendar Rituals and Holidays]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*. 23 (313). pp. 682–684.

9. Sun Lei. (2015) Investigation of the Source of the Traditional “Cloud-Like Pattern” and Artistic Inspiration. *Cultural and Museum Archeology*. 5. pp. 149–150. (In Chinese).

10. Xu Wen. (2000) *Chinese Ornament of a Cloud-Like Pattern*. Nanning: Guanxi Art Publishing House. (In Chinese).

11. Ji Min. (2006) *Study of Costume Art of Khechzhe, Orochons, Daur*. Harbin: Heilongjiang Art Publishing House. (In Chinese).

12. Zhang Minjie. (2008) *Fisherman's Brocade – A Study of the Hezhe Fish Skin Culture*. Harbin: Heilongjiang Art Publishing House. (In Chinese).

13. Yang Chengyin. (1992) *Lei Guiyuan's Presentation on the Art of Ornaments*. Hangzhou: Zhejiang Academy of Arts Press. (In Chinese).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сунь, Н. Облаковидные узоры в одежде из рыбьей кожи народа хэчжэ (нанайцев): происхождение, композиционные особенности, семантика образов / Н. Сунь. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.007. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 82–93. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/530/453> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Sun, N. (2023) Cloud-like Patterns in Fish Skin Clothing of the Hezhe People (Nanai): Origin, Compositional Features, Semantics of Images. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 82–93. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.007

ГИМБАТОВА Мадина Багавутдиновна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела этнографии
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
Махачкала, Российская Федерация

Madina B. GIMBATOVA

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute for History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation
gimbatova@list.ru

ORCID: 0000-0002-6767-4478

УДК: [637.6.03:39](470.67)"180/190"
ГРНТИ: 03.61.91
ВАК: 5.6.4.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.008

**Традиционные способы
обработки кожи у народов
Дагестана (XIX – начало XX в.):
технологические особенности
и основные центры промысла**

**Traditional Methods of Leather
Processing among the Peoples
of Dagestan (19th - Early 20th
Centuries): Technological Features
and Main Centers of Industry**

Целью обзора является анализ технологического процесса обработки кожи в Дагестане в XIX – начале XX вв., автором использованы труды по этнографии народов Дагестана. Рассмотрены технологические этапы обработки кожи, получение из нее сафьяна, описаны инструменты для снятия мездры и мягчения кожи, способы получения цветовой гаммы для окрашивания кожевенных изделий, определены центры по производству и сбыту кожевенной продукции. Анализ показал, что традиционная технология выделки кожи предусматривала несколько этапов обработки сырья: засаливание, просушивание, проветривание, очищение от жира, промывание, замачивание в растворе, расчистка от мездры, мягчение, отбеливание, окрашивание. Для обезжиривания и отбеливания использовали муку, соль, птичий помет, известь, сыворотку, квасцы, уксус. При окрашивании употреблялись железный купорос, кора и корни деревьев, произрастающих в данной местности.

Ключевые слова: Дагестан, народы Дагестана, нематериальное наследие, натуральное хозяйство, кожевенный промысел, кожа, сафьян, выделка кожи, обработка кожи, окрашивание кожи.

Промыслы и ремесла в традиционном хозяйстве народов Дагестана издавна занимали особое место. Наличие сырьевой базы и свободных рабочих рук в условиях господства натуральных и полунатуральных форм хозяйства, малоземелья, разбросанности и удаленности пахотных и сенокосных участков от постоянного места жительства, экстенсивного характера производства, примитивности орудий труда, натуральности и многоотраслевой направленности хозяйства создавали благоприятные условия для их развития в регионе.

В XIX — начале XX вв. в Дагестане насчитывалось свыше десяти видов промыслов и ремесел, большинство из которых в настоящее время находятся на грани исчезновения. Исследование традиционных промыслов и ремесел, составляющих нематериальное наследие народов Дагестана, весьма актуально в условиях глобализационных процессов, нивелирующих самобытные национальные культуры, возрождение и сохранение которых — одна из приоритетных задач государства, общества и ученых. Роль последних в этом вопросе заключается в проведении научных изысканий в области изучения исконных хозяйственных занятий народов Дагестана, что, безусловно, будет способствовать возрождению традиционных промыслов и ремесел, отчасти решит вопрос трудоустройства взрослого населения в горах, где всегда наблюдался переизбыток трудовых ресурсов, а также вызовет интерес у молодежи к хозяйственным занятиям своих предков, создаст условия для организации этнодомов и развития въездного и внутреннего туризма.

Актуальность работы заключается еще и в том, что, несмотря на достаточную изученность традиционных промыслов и ремесел народов Дагестана, в трудах этнографов-кавказоведов развитие кожевенного дела освещено довольно фрагментарно [2] [3] [5], и, по существу, отсутствует специальная монография, посвященная традиционным ремеслам Дагестана, в которой этот промысел был бы всесторонне изучен. Некоторым исключением является коллективная монография, посвященная материальной культуре аварцев, в которой отведено значительное место выделке кожи, рассмотрены некоторые

нюансы в ее выборе и обработке для изготовления верхней одежды и обуви, инструменты для выделки кожи, способы ее окрашивания [8], что нельзя сказать о других работах, в которых кожевенный промысел представлен слабо [1] [9]. Кроме того, обозначенная проблема не становилась предметом исследования больше сорока лет, а наиболее значимые работы по этой теме вышли в свет еще в прошлом столетии. Данный научный обзор призван помочь будущим исследователям при рассмотрении вопроса становления и развития кожевенного производства в Дагестане в прошлом и определить перспективы его возрождения. С этой целью проанализирована традиционная технология обработки кожи у народов Дагестана и выявлены этапы ее выделки, способы окрашивания, обозначены центры кожевенного производства в регионе в XIX — начале XX вв. Отмеченный хронологический период избран не случайно: именно в это время в горах шел процесс интенсивного развития кожевенного производства, а в равнинную часть Дагестана начала поступать кожевенная продукция из российских городов. Несмотря на это, кожа и кожаные изделия, произведенные местными мастерами, выдерживали конкуренцию на рынке и продолжали пользоваться спросом у населения. Обзор создан на основе изданных историко-этнографических трудов, посвященных народам Дагестана и включающих в числе других компонентов нематериального культурного наследия и исследование традиционных промыслов и ремесел, к которым относится и кожевенное дело.

Методологической и теоретической основой работы послужили функциональный подход, дополненный историко-генетическим и сравнительно-историческим методами и различными приемами, применяемыми при научной реконструкции нематериального наследия. Избранные методы помогут проанализировать непосредственно технологический процесс обработки кожи крупного и мелкого рогатого скота, сравнить способы выделки кож и проследить развитие кожевенного дела у народов Дагестана. В рамках данной работы автор впервые предпринял попытку сравнить и обобщить имеющиеся сведения о кожевен-

ном деле в Дагестане и представить наиболее полную картину развития кожевенного производства в регионе в прошлом.

Путешественники, чиновники, офицеры, оставившие свои записки о Дагестане, а также исследователи, изучавшие проблемы традиционного хозяйства горного края, указывали на высокое развитие художественного ремесла у горцев. По опубликованным данным, в начале XX в. промыслами занимались 132,5 тыс. человек (вместе с женщинами, обрабатывающими шерсть) — 40% трудоспособного производительного населения, и их доход составлял 6392,5 тыс. руб. (для сравнения: все поголовье скота Дагестанской области стоило лишь вдвое больше — 23 млн. руб.) [10, с. 105]. Из этих 132,5 тыс. человек наибольшее количество было занято сукноделием — 68 тыс. человек, ковроткачеством — 40 тыс. человек, бурочным промыслом — 5 тыс. человек, ювелирным — 3,3 тыс. человек и т.д. [6, с. 182]. Как видно, наибольшее и значительное развитие получили промыслы и ремесла, связанные с обработкой шерсти, особенно сукноделие.

Большое распространение получило и кожевенное дело, так как обработкой овчин и выделкой кожи занимались почти в каждой семье. Для обуви выбирали козьи и бычьи шкуры, для шуб и головных уборов — овечьи. Изготовление папах и обуви являлось мужским ремеслом, шитье шуб — женским.

Народы Дагестана, проживавшие на равнине и в предгорьях, обработкой кожи занимались лишь для удовлетворения внутренних потребностей, а для большинства горцев в виду ограниченных возможностей в развитии земледельческого и скотоводческого хозяйства, вынуждавших искать другие подсобные источники существования, выделка кожи носила специализированный характер и являлась существенным материальным подспорьем.

Овчина для шуб, папах и прочих изделий обрабатывалась следующим образом. Снятую шкуру тут же посыпали солью со стороны мездры и просушивали в тени. Непосредственно перед дальнейшей выделкой ее в одних случаях промывали в воде (аварцы, даргинцы) [8, с. 68] [9, с. 200], в других — оставляли в тазах («чанахили») на несколько дней (лез-

гины) [1, с. 24], иногда в течение 2–3 дней обрабатывали землей, которая впитывала в себя жир (лакцы) [2, с. 142]. Кумыки в течение 7–10 дней держали овчину в закваске «эрик», приготовленной из смеси просяной или ячменной муки (или отрубей), соли, уксуса и сыворотки [3, с. 81]. «Эрик» знали и ногайцы, называя так состав, приготовленный из остатков кисломолочных продуктов [4, с. 87]. Во всех случаях операция завершалась промывкой и проветриванием.

Для дальнейшей подготовки овчины к снятию мездры и мягчению со стороны мездры ее покрывали специально приготовленным кашицеобразным составом: у аварцев — это смесь из ячменной муки и соли, разведенных в воде [8, с. 68]; у лакцев — из солода, толокна и соли [2, с. 142–143]; у лезгин — из ячменной муки, соли и квасцов [1, с. 24]; у кумыков — из муки и уксуса [3, с. 81]; у ногайцев — из подсоленного кислого молока, ячменной муки или отрубей [4, с. 87] и т.д. В таком состоянии овчину держали от 2 до 8 дней либо в свернутом виде, либо ворсом вниз на подстилке.

Несколько иной обработки требовали козлиные кожи. Начальные (подготовительные) этапы были те же, что и при обработке овчин, шедших на шубы и папах. Шкуры просаливали, просушивали, промывали в чистой воде. Затем на 2–3 дня они помещались в известковый раствор, счищались от шерсти, промывались, на некоторое время (1–2 дня) выдерживались в растворе куриного помета и на столько же в перебродившем растворе муки (ячменной, иногда пшеничной). В этом растворе козлиную шкуру оставляли до тех пор, пока через корни волос в ней не проходил воздух. Определялось это следующим образом: кусок шкуры сжимали в кулаке так, чтобы образовался пузырь, если через корни волос проходил воздух, то шкуру вынимали и клали в листья желтинника («губалагъ») скумпии. При этом шкуру сшивали в виде мешка, а одну лапку оставляли не зашитой, через нее наполняли листьями и наливали воду. Если вода протекала через корни волос, козлиную шкуру считали готовой [8, с. 68].

Кожу для обуви обрабатывали несколько другим способом. Сырую шкуру (в том чис-

ле и шкуру крупного рогатого скота, лошади) подвергали квашению вышеописанными способами с той разницей, что процесс был более длительным. После этого острым орудием (куском серпа, косы, остро сточенной пластиной, насаженной на деревянную ручку и др.) снималась шерсть, в сыром же виде обрабатывали деревянной колотушкой на камне и высушивали.

Иногда сырую шкуру держали в известковом растворе до 10 дней и более, время от времени переворачивая ее. Шерсть счищалась вышеуказанным способом, и шкура снова на 2–3 дня оставалась в известковом растворе, потом на такое же время она помещалась в перебродивший мучной раствор, квас, затем счищалась от мездры и после просушки шла на изделия [4, с. 88].

Для очищения овчины от мездры и одновременного мягчения использовали специальные инструменты и приспособления. Это «*тлахъал халемис*» (деревянный крюк с железной скобой и кожаной петлей) и «*квархьи*» (маленькая железная лопаточка с деревянной ручкой) у аварцев [8, с. 67], «*гулби хъябшидиран*» (металлическая пластинка с зубами, вставленная между палкой и ее отростком; конец палки снабжен стремяном, петлей для ноги) — у даргинцев [9, с. 201], «*чIамIа дуккаву*» (лопатка) — у лакцев [2, с. 143], «*хамун чукIул*» (инструмент с железной скобой) — у лезгин [1, с. 24], «*талкъын*» (длинные деревянные щипцы с тупыми зубьями) — у кумыков [1, с. 81] и др.

У кубачинцев были следующие виды инструментов и приспособлений для мягчения кож: желобчатый камень с деревянным зубчатым рычагом, надетым на ось, прикрепленную к камню; общественные мялки — каменные плиты с дырой; большой камень с углублением и деревянный пест; каменная плита и деревянное било; деревянный крюк с железной скобой и ножевой петлей; палка с щелевидным расщепом для мягчения узких полос кожи путем их продергивания сквозь щель.

Мягчение овчины руками производили двое мужчин, скручивая ее в разные стороны и натягивая при этом изо всех сил. Иногда, при отсутствии помощника, эту операцию производил один мужчина, придерживая коленями и ступнями и растягивая руками. Распростра-

ненным способом мягчения овчины было ее неоднократное проталкивание или «прокручивание» через узкое отверстие каменного столба, плиты, устанавливаемых чаще всего в местах, где собираются мужчины: у годеканов, на площадях, у мечети и т.д. Овчина либо проталкивалась шестом, палкой в отверстие, либо протаскивалась двумя мужчинами с помощью двух недлинных палок.

У кумыков центрального Дагестана для мягчения и растягивания овечьих шкур даже организовывались специальные мужские помочи — «*теритартыв булкъа*» (букв. «помощь в растягивании кожи»). Взрослые мужчины руководили работами, вначале овечью шкуру пропускали через специальный станок наподобие пресса — «*талкъы*», затем молодые ребята растягивали ее вручную. У кумыков есть выражение: «*Черинг булан тери тарт*» («С равным по силе шкуру тяни») [5, с. 341].

Последний процесс — отбеливание — производился тоже с помощью специальных инструментов и приемов. Аварцы отбеливали, посыпая овчину мукой и обрабатывая ее поверхность острым инструментом с деревянной ручкой [7, с. 118]. У даргинцев в этих случаях применялся инструмент «*гулби цIубшидиран*» — дугообразная остро отточенная пластина на деревянной ручке [9, с. 202]. Лакцы отбеливали овчину смолотым речным камнем «*чевгъа*», растирая порошок по овчине каменной плитой [1, с. 143]. Кумыки скребли деревянным гребнем или железной косой, посыпая время от времени ячменной мукой [3, с. 81].

подавляющее большинство операций по обработке кожи выполняли женщины, мужчины принимали участие лишь в тех процессах, где требовалась большая физическая сила, в основном это был процесс мягчения.

Заключительным этапом было окрашивание кожи. Красили в основном высокие сорта кожи и чаще всего в черный, иногда в коричневый и редко в красный цвет.

Для окрашивания шкуры помещали в раствор березовой или липовой коры. Кору березы «*махил макъар*» или липы «*гъац макъар*» сушили несколько дней, измельчали и опускали в деревянную бочку, затем поливали кипяченой водой и оставляли бродить [8, с. 68].

Березовая кора давала темно-коричневый цвет. При этом шкуру не мочили, как мездру у овчины, а целиком клали в этот раствор. Для получения черного цвета сторону, где была мездра, несколько раз смазывали раствором железного купороса. Светло-коричневый и коричневый цвет получали с помощью ореховой кожуры. А если кожаному изделию хотели придать желтый цвет, то для окрашивания использовали водный раствор из корней барбариса. Окончательная доработка включала в себя хорошую промывку, просушку, мягчение руками, полирование каменным бруском [9, с. 202].

Кожевенный промысел в Дагестане не имел товарного значения, в основном обработкой кожи занимались для удовлетворения собственных нужд. Лишь в горных селениях Дагестана в виду малоземелья и избытка незанятых в сельском хозяйстве рабочих рук, занятие кожевенным промыслом переросло в ремесленное производство и составило значительную часть производственной деятельности населения, направленной на обеспечение жизненного прожиточного минимума семьи.

Высококачественная кожа, выделанная в горах, пользовалась большим спросом, ее изготавливали как на заказ, так и для продажи на базарах. Сафьян и хорошо обработанная бычья шкура шли на сапоги и подошву и стоили довольно дорого.

Шубы, шапки, чувяки и башмаки, различного рода сумки, ремни и пояса изготавливались из овчинной кожи и сафьяна почти в каждом горном селении, но особо эти изделия славились, если они были выполнены мастерами из Салта, Чоха, Согратля, Короды, Гоноды, Гочоба Гунибского округа, где кожевенный промысел был наиболее развит [8, с. 68].

В Аварском округе общепризнанными мастерами-кожевниками и мастерами-сапожниками считались выходцы из селений Хунзах, Батлаич и Гонох. Они также изготавливали изделия из кожи на заказ и на продажу, в особенности обувь, которая раскупалась как на местных рынках, так и в соседних с Аварией округах [8, с. 68].

Торговали кожей на самых многолюдных ежедневных базарах Аварии в Хунзахе,

Унцукуле, Гунибе, Короде, Гергебиле, Чохе, Согратле. Большею частью здесь кожу приобретали аварские и лакские сапожники. Почти в каждом аварском селении, занимающемся кожевенным промыслом, имелись скупщики, закупавшие у производителей кожу и сбывавшие ее на стороне. Основными скупщиками были горские евреи, хорошо разбиравшиеся в коже, так как и сами считались лучшими специалистами по обработке этого материала для обуви. Они также производили кожу и доставляли ее из Баку, Нухи, Шемахи. Этот промысел у евреев в XIX в. носил товарный характер. Закупая сырье у других народов Дагестана, евреи выделяли из него несколько сортов цветного сафьяна и вели им бойкую торговлю на рынках Дагестана, Закавказья и Северного Кавказа. Кожу у евреев закупали в основном лезгинские мастера-сапожники [8, с. 69].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что наиболее качественная кожа в Дагестане производилась горцами. В горах в виду обилия сырьевой базы, малоземелья, наличия свободных рабочих рук, отдаленности от крупных промышленных центров, отсутствия фабричной продукции и многого другого сложились благоприятные условия для развития промыслов и ремесел, в том числе и кожевенного. Именно поэтому практически все крупные ремесленные центры были в основном сосредоточены в горной Аварии.

Шкура животного проходила несколько этапов обработки: засаливание, просушивание, проветривание, очищение от жира, промывание, замачивание в специальном растворе, расчистку от мездры, мягчение, отбеливание, окрашивание. В горах для обезжиривания и отбеливания кожи использовали ячменную муку, соль, птичий помет, известь, на равнине применяли сыворотку, муку, квасцы, уксус. Для придания цвета кожу мочили в растворе, приготовленном из коры и корней деревьев, произрастающих в данной местности, и в железном купоросе. Все технологические этапы обработки кожи выполнялись с помощью специальных инструментов и приспособлений в виде крючков, железных кос, ножей, деревянных щипцов, скребков, каменных плит.

Таким образом, высокое качество кожи дагестанскими мастерами достигалось благодаря тонкостям технологического процесса, использованию природных компонентов по очистке, отбеливанию и окрашиванию кожи, что делало ее конкурентоспособной как

на внутреннем рынке, так и на внешнем. Возрождение традиций кожевенного дела в Дагестане имеет большие перспективы, так как регион располагает богатой сырьевой базой и трудовыми ресурсами для развития у себя кожевенного производства.

Madina B. GIMBATOVA

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Institute for History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russian Federation
gimbatova@list.ru
ORCID: 0000-0002-6767-4478

***Traditional Methods of Leather Processing
among the Peoples of Dagestan (19th - Early 20th Centuries):
Technological Features and Main Centers of Industry***

Abstract. The aim of the review is to analyze the technological process of leather processing in Dagestan in the 19th - early 20th centuries. The author sought to identify the technological stages of processing and dyeing leather, to characterize the features of the technology common among various peoples of the region, to identify the main centers for the production and sale of leather products in Dagestan and beyond. As part of the review, for the first time, the author generalizes the available scattered information about the leather industry of Dagestan and presents a fairly complete picture of the development of leather production in the region. The review is based on research works on the material culture of the Avars, Dargins, Lezgins, Nogais, as well as historical and ethnographic works on the traditional heritage of other peoples of Dagestan. The methodological and theoretical basis of the work was a functional approach, supplemented by historical-genetic and comparative-historical methods and various techniques used in the scientific reconstruction of intangible heritage. The technological stages of leather processing and obtaining morocco from it are considered, tools for removing the skin and softening the skin, methods for obtaining colors (from black to red) for dyeing leather products are described, centers for the production and marketing of leather products are identified. The analysis showed that the traditional technology of leather dressing included several stages of raw material processing: salting, drying, airing, degreasing, washing, soaking in a solution, skinning, softening, bleaching, and dyeing. Flour, salt, bird droppings, lime, whey, alum, and vinegar were used for degreasing and bleaching. When staining, iron vitriol, bark and roots of trees growing in the area were used. The technology of leather dressing among the various ethnic groups of Dagestan did not have any striking features; however, the specific methods and means used for this were diverse. The recognized centers of the leather business were the Gunib and Avar regions of Dagestan. The author established that the leather craft became widespread in the mountains due to lack of land, redundancy of workers, availability of raw materials, isolation and remoteness from large shopping centers where imported leather products could be purchased. The author concludes that Dagestan craftsmen achieved the high quality of the leather produced due to the subtleties of the technological process and the use of natural components at various technological stages, which made the product competitive in the regional and all-Russian markets.

Keywords: Dagestan, peoples of Dagestan, intangible heritage, subsistence economy, leather craft, leather, morocco, leather dressing, leather processing, leather dyeing..

Использованная литература:

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1978.
2. Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX вв. Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра Рос. акад. наук, 2000.
3. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
4. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976.
5. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014.
6. Дагестанская промышленность за 5 лет: Общий обзор ко дню пятилетнего юбилея Дагестанского центрального совнархоза. Буйнакск: Дагнаркомпрос, 1925.
7. Исламмагомедов А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование. XVIII – нач. XX в. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Рос. акад. наук, 2002.
8. Материальная культура аварцев / Отв. ред. М.М. Ихиллов. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Акад. наук СССР, 1967.
9. Материальная культура даргинцев / С.Ш. Гаджиева, М.О. Османов, А.Г. Пашаева. Махачкала: б.и., 1967.
10. Нахшунув И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1956.

References:

1. Agashirinova, S.S. (1978) *Material'naya kul'tura lezgin. XIX – nachalo XX v.* [Material Culture of the Lezgins, 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.
2. Bulatova, A.G. (2000) *Laktsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. XIX – nachalo XX vv.* [The Lakky. Historical and Ethnographic Research. 19th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Dagestan Science Center of the Russian Academy of Sciences.
3. Gadzhieva, S.Sh. (1961) *Kumyki: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Kumyks: Historical and Ethnographic Research]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
4. Gadzhieva, S.Sh. (1976) *Material'naya kul'tura nogaytsev v XIX – nachale XX v.* [The Material Culture of the Nogais in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.
5. Gimbatova, M.B. (2014) *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)* [Man and Woman in the Traditional Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Dagestan (19th – Early 20th Centuries)]. Makhachkala: Epokha.
6. Dagnarkompros. (1925) *Dagestanskaya promyshlennost' za 5 let: Obshchiy obzor ko dnyu pyatiletnego yubileya Dagestanskogo tsentral'nogo sovmarkhoza* [Dagestan Industry for 5 Years: A General Overview of the Day of the Fifth Anniversary of the Dagestan Central Council of National Economy]. Buynaksk: Dagnarkompros.
7. Islammagomedov, A.I. (2002) *Avartsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. XVIII – nach. XX v.* [Avars. Historical and Ethnographic Research. 18th – Early 20th Centuries]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Science Center of the Russian Academy of Sciences.
8. Ikhilov, M.M. (ed.) (1967) *Material'naya kul'tura avartsev* [Material Culture of the Avars]. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature of the Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences.
9. Gadzhieva, S.Sh., Osmanov, M.O. & Pashaeva, A.G. (1967) *Material'naya kul'tura dargintsev* [Material Culture of the Dargins]. Makhachkala: [s.n.].
10. Nakhshunov, I.R. (1956) *Ekonomicheskie posledstviya prisoedineniya Dagestana k Rossii (Dooktyabr'skiy period)* [Economic Consequences of Dagestan's Joining Russia (Pre-October Period)]. Makhachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гимбатова, М. Б. Традиционные способы обработки кожи у народов Дагестана (XIX – начало XX в.): технологические особенности и основные центры промысла / М. Б. Гимбатова. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.008. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 94–100. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/532/455> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Gimbatova, M.B. (2023) Traditional Methods of Leather Processing among the Peoples of Dagestan (19th – Early 20th Centuries): Technological Features and Main Centers of Industry. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 94–100. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.008

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

MAN AND TIME

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна

кандидат филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Larisa P. GOLIKOVA

Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

larisa.golikova@mail.ru

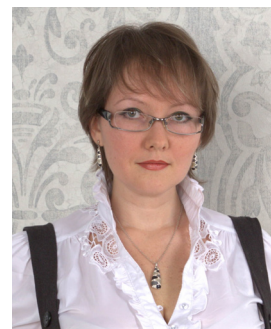
ШАРОЙКО Марина Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

ma-ra@bk.ru

УДК: [821.353.1]:[94(479.22)+94(470+571)]”17/18”

ГРНТИ: 17.09.91

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.009

**Национальная история
в зеркале литературы:
к 240-летию заключения
Георгиевского трактата**

**National History
in the Mirror of Literature:
On the 240th Anniversary
of the Treaty of Georgievsk**

В современной политической обстановке возникают многочисленные дискуссии по поводу значимости для Грузии заключения Георгиевского трактата о добровольном вхождении в Российскую империю. Статья обращается к творческому наследию видных грузинских политических и культурных деятелей XVIII–XIX вв. – Д. Гурамишвили, Г. Орбелиани, Н. Бараташви-

ли, И. Чавчавадзе – современников происходящего, отразивших в литературных текстах свою позицию по этому вопросу. Рассмотрены особенности исторического развития Грузии в конце XVIII–XIX вв., проанализированы знаковые произведения и факты из жизни поэтов, свидетельствующие об их образовании и социальном положении, о возможности наблюдать историю своей родины и участвовать в ней. Исследование взаимоотношений двух государств через призму грузинского литературного наследия выявило положительную оценку современниками покровительства России, принесшего мир на разоряемые соседними государствами земли, экономические и культурные блага для Грузии.

Ключевые слова: литературное наследие Грузии, Георгиевский трактат, русско-грузинские контакты, Д. Гурамишвили, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе.

Литература, безусловно, способна объединить, воссоздать историческую память, сохранить культурное наследие, но межнациональные политические противоречия выявляют, порой, разнонаправленность интересов, концепций дальнейшего развития, социальных и культурных векторов. Для плодотворного существования у любой нации должно в приоритете быть желание единения, согласия как главной составляющей межнациональных отношений. Звучат предостережением слова К. Султанова в книге «Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы»: «О нашем умении и таланте не извлекать уроков из истории давно и хорошо известно. Время как будто не властно над странной и устойчивой потребностью повторять ошибки, попадать в плен одних и тех же стереотипов» [24, с. 10].

Существуют исторические даты, способные предостеречь от заблуждений и забвения прошлого, приводящих к трагическим событиям. Примеров в истории достаточно. В 2023 г. исполняется 240 лет со дня заключения судьбоносного для существования Грузинского царства Георгиевского трактата о добровольном вхождении в Российскую империю. Еще в разгар русско-турецкой войны в 1771 г. и потом в декабре 1782 г. мудрый царь Ираклий II обращался к «Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей»¹ с просьбой о покровительстве [20, л. 36].

24 июля 1783 г. в крепости Георгиевской был подписан Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства верховной власти Российской империи. В основе договора — трактат, по которому Россия принимала национально раздробленное Восточно-Грузинское царство под свою защиту, содействуя объединению грузинских земель при сохранении внутренней политики.

Пункты трактата документально подтверждали самостоятельность и независимость Грузинского царства: «Власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу и сбор податей предоставить его светлости царю [Ираклию II — *Авт.*] в полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения» [7, с. 242]. Выражаясь современным языком, Грузинское царство оставалось автономным, за исключением внешней политики. Подписание этого документа стало болезненным ударом и по Турции, и по Ирану, которые соперничали за обладание Закавказьем.

Договор, вошедший в историю как Георгиевский трактат, народами Восточно-Грузинского царства был встречен с воодушевлением, повсеместно проходили посвященные этому событию торжественные мероприятия, празднования. Из письма от 13 октября 1783 г. Г.А. Потемкина Екатерине II об отношении в Грузии к заключению Георгиевского трактата: «...Заключение... трактата... принесло несказанную радость и удовольствие царю Ираклию, что знатные земли сей ласкают себя

¹ Перевод с грузинского, современный подлиннику.

при сем случае видами частными; народ же благословляет десницу вашего императорского величества, утверждающую общее их спокойство и благоденствие» [23, л. 33].

В современной политической ситуации на разных уровнях мироустройства становится нормой искажение фактов и событий, приводящее к фальсификации истории взаимоотношений разных народов, связанных территориальной и культурной общностью, для результативных манипуляций сознанием людей с целью создания новых политических влияний и коалиций. В частности, такая проблема особенно остро выявилась и в трактовке русско-грузинских историко-культурных связей.

Обострение отношений между странами, негативное восприятие России мировым сообществом вызвало многочисленные дискуссии, отражающие полярные мнения историков, культурологов, политологов. Предметом национальной рефлексии закономерно становится история страны и ее взаимоотношения с другими государствами. На современном этапе такая рефлексия приводит к переоценке и прямой фальсификации исторических фактов и событий.

Осмыслению взаимоотношений России и Грузии на историческом поле посвящены многочисленные работы ученых [8] [14] [19]. Представленная статья не ставит своей целью рассмотрение такого рода исследований и формирование собственной позиции по этому острому вопросу, но обращается к достаточно объективным мнениям известных грузинских политических, военных и культурных деятелей XVIII — начала XIX вв., очевидцев происходящих событий, непосредственно наблюдавших последствия принятия Грузией Российского подданства, их влияния на жизнь родины. Глубокое поэтическое наследие Д. Гурамишвили, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе отражает их размышления и переживания о горячо любимой Грузии.

История долгих и непростых отношений русского и грузинского народов, предпосылки, процессы и итоги вступления Грузии в состав России исследуются во многих научных работах. В 2019 г. был переиздан популярный историко-юридический очерк выдающегося

грузинского правоведа, историка, дипломата и политического деятеля князя З. Д. Авалишвили «Присоединение Грузии к России», вышедший в свет в первый раз в 1901 г. [2]. Написаны многочисленные научные и публицистические статьи, отражающие разный подход к оценке исторических событий, в том числе касающиеся заключения и значения Георгиевского трактата [6] [9] [22] и мн. др.

История становления грузинской культуры на фоне политической и социально-экономической жизни прослежена в работе Л. И. Мгалоблишвили [18]. Грузинско-русские литературные контакты в исторической динамике были рассмотрены в исследовании Л. П. Голиковой [4].

Монографические исследования на русском языке жизненного и творческого пути отдельных грузинских авторов практически все относятся к советскому периоду. В современном литературоведческом поле редко затрагивается проблематика обобщающего плана, как в статье М. Кебадзе об Илье Чавчавадзе [10] и А. Абуашвили о Давиде Гурамишвили [1]. В основном представлены детальные исследования, анализирующие отдельные аспекты биографии и творческой практики авторов [11] [12] [13] и др.

Таким образом, можно отметить, что отражение истории взаимоотношений Грузии и России в грузинском литературном национальном наследии XIX в. не были предметом отдельного изучения.

Цель исследования — определить позиции знаковых грузинских политических и культурных деятелей XVIII–XIX вв. в вопросе оценки причин заключения Георгиевского трактата и его итогов через их литературное наследие. Для этого необходимо охарактеризовать основные исторические события, касающиеся взаимоотношений рассматриваемых государств; обратиться к отдельным аспектам биографии, оказавшим влияние на творческое наследие грузинских поэтов; рассмотреть в качестве основных источников знаковые литературные сочинения, отражающие мнения современников, их рефлексии по поводу происходящих в Грузии политических, экономических, социальных и культурных изменений после заключения Георгиевского трактата.

Методологической основой исследования стал культурно-исторический метод, способствующий восприятию, анализу и оценке литературных произведений с точки зрения их соответствия фактам и событиям, происходившим в XVIII–XIX вв. в Грузии. Для определения связей между литературными текстами и реалиями жизни грузинских поэтов использовался биографический метод. Художественный текст анализировался при помощи средств корпуса литературоведческих методов.

Результаты исследования помогут определить влияние России на Грузию на протяжении столетия после подписания Георгиевского трактата, восстановить исторически верную картину с точки зрения просвещенных очевидцев и взглянуть на современные политические взаимоотношения двух государств непредвзято.

На грузинской территории до присоединения к России «с различной степенью обособленности существовали царства и княжества — картлийцев, мегрелов, имеретин, кахетин, гурийцев, сванов и т.д., которые периодически объединялись и разделялись, в том числе под натиском сельджуков, монголов, турков и персов. При этом значительная часть их еще с трудом изъяснялась друг с другом. Ибо не стала пока “картули эна” языком общенациональным» [17, с. 3].

Ориентация на Россию началась в Грузии задолго до заключения Георгиевского трактата. Исторические источники свидетельствуют о том, что грузинские цари и князья регулярно обращались к соседней державе как к крупному и сильному православному государству с просьбами о принятии в подданство. В частности, уже в XV в., в 1483 г., кахетинский царь Александр I отправил русскому правителю Ивану III грамоту с просьбой установить мир в Грузии. В XVI в. к московскому царю Федору Иоанновичу с аналогичной просьбой обращался царь Кахетии Александр II, а царь Имеретии Леван II просил Иоанна Грозного о защите от турок.

В XVII в. русская ориентация в грузинских княжествах усиливается. С просьбой о военном союзе обращались мегрельский владетель Леван Дадиани в 1638 г. к царю Ми-

хаилу Федоровичу, имеретинский царь Александр III в 1653 г. к царю Алексею Михайловичу, в 1658 г. — кахетинский царь Теймураз I. У Российской державы не всегда была возможность поддержать разрозненные грузинские княжества в создании военных союзов из-за многочисленных собственных внешнеполитических проблем, но убежища грузинским царям предоставлялись.

Царь Имеретии и Кахетии Арчил Багратиони (1647–1713), спасая грузинские земли, обратился за помощью в военном союзе к Петру I. Помощь была обещана, но отложена на время решения российских вопросов. Взамен русский император предложил грузинскому царю земли неподалеку от Москвы. Арчил прибыл со свитой в 1000 человек и положил начало первой московской грузинской колонии, впоследствии — центру русско-грузинских культурных взаимосвязей. Сам А. Багратиони как поэт и переводчик религиозных текстов, исторических сочинений, как организатор типографии для издания грузинских книг много сделал в укреплении этих взаимосвязей. На родину он уже не вернулся, и был похоронен в граде Донского монастыря.

Царь Картли Вахтанг VI (1675–1737) — просветитель, поэт, ученый, переводчик, основатель первой в Грузии типографии, где в его редакции была напечатана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на грузинском языке, — в области внешней политики продолжал линию предшественников, ориентацию на Россию. Он правил страной «в качестве персидского шаха с перерывами почти четверть века, за разные “провинности” перед шахом неоднократно был вынужден покидать родину, переселяясь то в Турцию, то в Иран, то, наконец, (навсегда) — в Россию» [1, с. 111]. В 1723 г. шах передал Картли царю Константину II, принявшему мусульманство.

После неудачных попыток дипломата Вахтанга VI Сулхан-Саба Орбелиани заключить военный союз с европейскими государственными деятелями по приглашению Петра I Вахтанг VI со свитой в 3000 человек переселяется на московские земли и создает вторую московско-грузинскую колонию.

После смерти Вахтанга VI многие из его окружения приняли русское подданство

и остались навсегда в России. В их числе был и Давид Гурамишвили (1705–1792). Удивительна судьба будущего поэта и воина. Родился он в княжеской семье в селе Горисубани, близ древней грузинской столицы Мцхета. В 1727 г. на село напали лезгины, и он был угнан в плен в Дагестан. После нескольких неудачных попыток Давиду Гурамишвили все-таки удалось бежать. Через 12 дней скитаний в горах он оказался в русском селении на Тереке. Впоследствии об этом событии он напишет в поэтической книге «Давитиани» («Давидово»):

*Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окраине.
<...>
Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною¹ [15].*

В 1729 г. Д. Гурамишвили прибыл в Москву и вскоре стал одним из приближенных царя Вахтанга VI. Он «получает (как князь и дворянин) поместье под Миргородом на Украине с 30 домами крепостных и поступает рядовым в грузинский гусарский полк» [1, с. 113]. В течение двадцати лет Д. Гурамишвили участвует в русско-турецкой, русско-шведской, Семилетней войнах, попадает в плен к пруссакам, проводит год в Магдебургской крепости. Освободившись, возвращается на Украину в свое имение и последние 27 лет жизни занимается литературным трудом.

Сборник «Давитиани» был завершен, когда поэту было 82 года. В этом сборнике две поэмы, также стихи в манере грузинских, русских и украинских народных песен. Центральное место занимает историческая поэма «Бедствия Грузии» — своеобразная панорама трагической истории страны в первой половине XVIII в., в которую вплетена история злоключений автора. Поэт обличает внешних и внутренних врагов Грузии, которые и стали причиной ее бедствий:

*Злой ингуш, черкес и турок,
Перс, дидоец и лезгин,
Чтоб хоть раз унижить Картли,
Выходили из теснин.
Вслед за тем возникла смута,
На грузина встал грузин.
От меча родного брата
Пал в сраженьи не один [15].*

В литературном самовыражении, как и в любом творческом акте, проявляется суть авторского мировидения, в котором, как и в случае с поэмой «Бедствия Грузии», нет противоречий в осмыслении и оценке национальной политики. «Слишком много дел позорных» обнаружил поэт в дорогой ему стране:

*И причина этих бедствий —
Только наш раздор один!
Турок стал владыкой Картли,
Кахов вытеснил лезгин [15].*

Монолог поэта отразил трагедию современной ему грузинской действительности, времени опустошительных набегов внешних врагов и междоусобиц внутри страны.

Давид Гурамишвили в исповедальной поэме разделял позицию тех царей, которые проводили в своих княжествах политику русской ориентации, и подтверждал это многократно в собственном творчестве. При этом поэт понимал, что «обличителю нередко не прощают обличенья / Но стране забвеньи правды не приносит облегченья» [15].

Еще царь-поэт Арчил Багратиони проводил в грузинскую поэзию мысль о необходимости «былевого», реалистического, выражаясь современным языком, отражения событий эпохи, что впоследствии и осуществил Д. Гурамишвили в поэме «Давитиани» через исторически достоверное и последовательное влечения в грузинскую событийность русской истории и собственной биографии.

О понимании значения Георгиевского трактата в истории русско-грузинских отношений остались высказывания достойных мужей Грузии. В тот исторический период «литература стала наиболее удобной трибуной для выражения интересов нации» [4, с. 274].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона рассказывает о генерале от инфантерии князе Григоле Орбелиани (1804–1880), но умалчивает о нем как о поэте. Большой рос-

¹ Цитаты из стихотворений Д. Гурамишвили приведены в переводе Н. Заболоцкого.

сийский энциклопедический словарь (2003), напротив, дает сведения только о поэте-романтике. Полная биография Григола Орбелиани сегодня воссоздана в целом ряде исследований, подробно освещающих его военную службу от поручика до генерала, аварского хана, наместника царя на Кавказе и даже Наместника Грузии. Под русскими боевыми знаменами он участвовал в русско-персидской войне 1826–1828 гг.

В 1831 г. по приказу генерала Н. П. Панкратьева Г. Орбелиани сопровождает солдат Кавказского корпуса для переброски в образцовый пехотный полк в Новгороде. Этот пеший переход был запечатлен поэтом в дневнике «Мое путешествие от Тбилиси до Петербурга», отмеченном как литературно-художественный памятник своего времени. Примечателен в нем диалог генерала Паскевича и поручика Орбелиани, где звучат слова: «Боже, не приведи русских в такую крайность, чтобы они принуждены были оставить Грузию, которая мгновенно станет жертвой беспорядка, внутреннего раздора и нападения неусыпных врагов» (цит. по [16, с. 47]).

Прибывший в Россию Г. Орбелиани совершенствует знание русского языка, литературы, переводит на грузинский язык произведения А. Пушкина, В. Жуковского, И. Крылова, думу К. Рылеева «Исповедь Наливайко», которая станет причиной вынужденного отъезда из России и расставания с Грузией на несколько лет.

В Петербурге Г. Орбелиани попадает в общество высокопоставленных военных, отпрысков грузинского царского рода, знатных вельмож. Время пребывания его в северной столице совпало с моментом раскрытия тайного грузинского общества в Тбилиси в 1832 г., целью которого было возвращение Грузии национальной независимости. Прошли аресты в том числе и в Петербурге. У Г. Орбелиани, причисленного к заговорщикам, были найдены рукописи перевода запрещенной в России «Исповеди...» К. Рылеева, дневник «Мое путешествие от Тбилиси до Петербурга», стихотворение «К Ярали». Все эти произведения были сочтены опасными. В заключении следственной комиссии было написано: «При рассмотрении отобранных у вас бумаг, написанных

на грузинском языке, некоторые из них по существу своему содержанию своему, представляющему явное вольнодумство, стремление к свободе Грузии и вообще мысли и предположения, противные долгу чести и святости верноподданнической присяги, обратили на себя особенное внимание правительства» (цит. по [21, с. 517]).

Поэму К. Рылеева «Исповедь Наливайко», посвященную крупнейшему восстанию казаков против польских феодалов в конце XVI в., Г. Орбелиани перевел очень свободно. Названия польских мест и имена героев он адаптировал к грузинским условиям. Вместо Варшавы — Мцхета, вместо литовцев и поляков — персы и османы. Подобный перевод стихотворения можно с уверенностью приравнять к написанию оригинального произведения на ту же тему. Рылеевская «Исповедь Наливайко» вселяла в русских мятежный дух восстания. Грузинский перевод Г. Орбелиани, в котором душа молодого поэта «тосковала по свободе», в контексте политической ситуации не мог остаться безнаказанным:

*Когда кистины, персы и османы,
Как звери лютые, терзают край родной,
Когда кровоточат бесчисленные раны,
Враждебной нанесенные рукой,
Когда молчит закон и справедливость
дремлет,
Когда никто врагу не в силах дать отпор,
Когда народ зовет, когда никто
не внемлет
Его отчаянью, — о, как я с давних пор
Всей силою души мечтаю о возмездье!¹*
[5, с. 89].

В наказание поручик Г. Орбелиани недолго находился в Невском пехотном полку в губернии Вильно. С 1837 г. начинается его служба в грузинском гренадерском полку, это самый опасный период жизни поэта, который длился четверть века, вплоть до окончания Кавказской войны.

Судьба уготовила грузинскому поэту-романтику быть в центре исторических событий. За долгие годы Кавказской войны ему приходилось охотиться в горах с Хаджи-

¹ Цитаты из стихотворений Г. Орбелиани приведены в переводе Н. Заболоцкого.

Муратом, вызывать на единоборство знаменитых набив Шамиля, поэтому годы, проведенные в Дагестане, более характеризуют Г. Орбелиани как полководца, нежели поэта. «Это летопись больших и малых сражений, разведок боем, погони, похищений, преследований, изнурительных походов, дипломатических переговоров, необходимости смотреть смерти в глаза, делать с опаской каждый шаг — такова в общих чертах картина прожитых им в Дагестане лет» [16, с. 125].

Поручик, полковник, генерал-лейтенант, правитель Аварии, Наместник царя на Кавказе под русскими боевыми знаменами будет служить верой и правдой русскому трону, станет доверенным лицом Николая I, а по окончании службы Александр II наградит его Орденом Св. Андрея — высшим орденом империи.

С 1866 и до 1880 гг. Г. Орбелиани, уйдя в отставку, будет с той же самоотверженностью и энергией принимать участие во всех культурных начинаниях на родине: в редактировании поэмы «Витязь в тигровой шкуре», работе общества по распространению грамотности среди грузин, отстаивании грузинской письменности, литературы, грузинского церковного песнопения и многого другого. Продолжит он и собственное поэтическое творчество.

В этот последний период жизни появятся статьи Г. Орбелиани о России, о ее великом будущем. Он хорошо понимал важность Георгиевского трактата. Мужественный военный прожил наполненную напряженными событиями жизнь и хорошо разбирался в политике, истории Грузии. «В течение веков, — писал он, — [Грузия]... дралась день и ночь противу персов, арабов, монголов, турок, противу Чингизов, Тимур-Лехов, Шах-Аббасов, остановив у подножия Кавказа мусульманские полчища, столь страшные в те времена для России и Европы. Много раз Грузия была выжигается врагами и, выбившись из сил, передала себя и грузинское царство под защиту могущественной, единой России». По его мнению, союз с Россией — это и «водворение мира в любимой Грузии, и освобождение тысяч пленных христиан, и красивейшая в мире Военно-Грузинская дорога, проложенная там, где прежде летали только орлы; и пароходы,

и проведение каналов для орошения многих десятин бесплодной земли, и проекты железной дороги, и многое, многое, которое или совершилось, или совершается теперь» (Цит. по [16, с. 5]). Четкая позиция поэта, определенная высокой степенью историчности ценностно-ориентированного взгляда, вошла в историю русско-грузинских контактов и была значима при осмыслении судьбоносных для его Родины событий на протяжении последующих веков.

Творчество «печального» грузинского романтика Николоза Бараташвили (1817–1845), «поэтического выразителя Грузии», по выражению лично его знавшего М. Лермонтова, действительно проникнуто раздумьями о судьбе Родины, которая только «училась» жить в составе Российской империи. Душевный настрой молодого романтика раскрыт в поэме «Судьба Грузии». Название ее не случайно. Вопрос судьбы был одним из самых мучительных в поэтической философии Н. Бараташвили. А вопрос о судьбе Грузии, о том, что уготовано стране при переходе под покровительство единой России, занимал тогда лучшие умы патриотов нации.

В основе поэмы — последняя битва царя Ираклия II с персидским войском, правителем Персии Ага-Мухаммадом, и поражение, пленение 22 тысяч грузинских воинов, которое окончательно изменило историческую судьбу Грузинского царства.

Открывает поэму горячая молитва царя перед битвой, проникнутая предчувствием беды:

*Господи, спаси и дай победу!
Свой народ тебе я предаю,
Ты ведь знаешь сам, какие беды
Обступили Грузию твою.
Господи, враги неисчислимы.
Помоги нам, боже, в эти дни.
Пронеси свой гнев господень мимо,
Грузию спаси и сохрани¹ [5, с. 202].*

Собственно, в поэме нет изображения батальных сцен, но через эскизную образность впечатляюще дана предыстория драмы, скорбный реквием погибшим в этой битве мужам Грузии. Н. Бараташвили дает представле-

¹ Цитаты из стихотворений Н. Бараташвили приведены в переводе Б. Пастернака.

ние о подлинных событиях времени и реальных героях.

Проблематика поэмы заключена в драматическом противопоставлении двух концепций — смирения с судьбой и непримиримости. После проигранной битвы на берегу Арагвы в старой башне царь Ираклий II и его советник Соломон спорят о том, какой путь избрать разоренной стране: просить о покровительстве ближайшего соседа Россию или продолжать сопротивление, испытывая судьбу?

Ираклий II — личность трагическая. Из истории известны его доблестные подвиги полководца, прошедшего почти сто боев, но теперь он вынужден покориться судьбе и принять решение, основанное на неумолимых реалиях. В поэме он размышляет:

*Для лезгин настал желанный миг.
Только этого и ждут османы.
Грузию средь княжеских интриг
Раздерут на части басурманы.
<...>*

*Ну, так кто строною будет править?
Где же выход? Подскажи исход!
Вот решенья самые простые:
Русские — прославленный народ,
И великодушен царь России.
С ним давно уже у нас союз.
С ним меня сближает православье.
Кажется, я передать решусь
Власть над Грузией его державе*

[5, с. 208].

Советник Соломон — олицетворение иной позиции, его волнует такое намерение правителя:

*Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?* [5, с. 209].

Потеря национальной независимости и свободы кажется ему самым большим несчастьем. Но позиция царя Ираклия II непреклонна:

*Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды...
<...>*

*Сам повторишь ты когда-нибудь:
«Будущее Грузии — в России»* [5, с. 210].

Историческое решение Ираклия II о присоединении к России, несмотря на показанное в поэме противостояние героев, Н. Бараташвили оправдывает, доказывая, что выбор пути примирения с судьбой — это не покорность, а одна из форм борьбы в условиях угрозы существования страны. На протяжении своей истории Грузия переживала вековые оккупации территорий, мудрый царь Ираклий II, памятуя об этом, показывает свою историческую прозорливость.

Спустя несколько лет после написания поэмы «Судьба Грузии», уже в 1842 г. Н. Бараташвили создает стихотворение «Могила царя Ираклия», в котором подтверждает верность решения правителя о присоединении к России:

*Каспийское и Черное моря
Уже нам не угроза. Наши братья¹,
Былых врагов между собой миря,
Из-за границы к нам плывут в объятья.
Покойся сном, прославленный герой!
Твои предвиденья сбылись сторицей,
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробнице*

[5, с. 197].

Достаточно зрелая поэтическая оценка романтиком Н. Бараташвили судьбоносного решения царя в этом стихотворении опирается уже на факты почти шестидесятилетнего существования Грузии «под крылом» России.

Сегодня в Грузии предано забвению имя царя Ираклия II, спасителя грузинского христианства и отечества, собирателя грузинских земель и объединителя нации, обратившегося к Екатерине II за покровительством.

В грузинской истории и культуре XIX в. творческое наследие Ильи Чавчавадзе (1837–1907) занимает исключительное место. Учитывая разнообразные сферы его деятельности, такие как поэзия и беллетристика, драматургия и театр, литературная критика и история, экономика и юриспруденция, руководство различными культурно-просветительскими учреждениями, неудивительно, что он стал действительно центральной фигурой в литературной и общественной жизни своего

¹ Разрядка наша.— Л. Г. М. Ш.

времени. Будучи в курсе всех значительных событий как русской, так и западноевропейской общественной жизни, И. Чавчавадзе являлся подлинным выразителем идеологии грузинского общества. Мечтавший о национальной независимости и возвеличении своей страны, он рано осознал историческую реальность и роль России в этой реальности.

Окончив гимназию, И. Чавчавадзе в числе многих представителей княжеских семей продолжил образование в Петербургском университете на юридическом факультете. Решающую роль в формировании его мировоззрения сыграли русские писатели-демократы — Н. Лесков, Н. Помяловский, Н. Некрасов. Впоследствии в «Записках проезжего. От Владикавказа до Тифлиса» он назовет четыре года, проведенные в России, «фундаментом жизни, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмою. Но не для всякого! Только для тех, кто поехал в Россию, чтобы образовать свой ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок» [26, с. 181–182]. И. Чавчавадзе отмечал, что Россия сформировала целое поколение образованных грузин, в числе которых были и Акакий Церетели, Георгий Церетели, Кирилл Лордкипанидзе — лучшие представители национальной литературы, получившие образование в России и приобщившиеся к передовым идеям времени, которых называли «терг-далеули», то есть «испившие воды Терека».

И. Чавчавадзе был свидетелем реальных преобразований в экономике и культуре Грузии после вхождения ее в состав Российской империи: продолжилось строительство Военно-грузинской дороги Владикавказ–Тбилиси, начатой русскими войсками после заключения Георгиевского трактата, в 1845 г. в Тбилиси открыт Русский профессиональный драматический театр (с 1932 г. театр им. А. С. Грибоедова), в 1851 г. — Грузинский театр оперы и балета и многое другое.

После возвращения из России поэт увидит, по его выражению, «успокоившуюся нацию», и начнется его борьба за идейное направление литературы, борьба, которая войдет в историю грузинской культуры

как конфликт «отцов и детей», романтиков и реалистов. Но «как и романтики, И. Чавчавадзе мечтал о возрождении Грузии, предсказывал спасителя, который придет и разбудит отчизну ото сна» [4, с. 283]. В «Элегии» он так определяет национальные задачи поэзии:

*Какая тишь! Ни шелеста, ни зова...
Безмолвно спит моя отчизна-мать.
Лишь слабый стон среди сумрака ночного
Прорвется вдруг, и стихнет все опять...
Стою один... И тень от горных кряжей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! Все сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?¹*

[26, с. 46].

Трудно обойти вниманием и образец самокритической мысли в иронично-печальном стихотворении 1871 г. «Как поступали, или История Грузии XIX века», формально представляющем собой диалог поколений. Многочисленны адресованные старику вопросы молодого грузина о судьбе Грузии после ухода Ираклия II: «Как тогда мы поступали?». Ответы на них характерны, показывают национальные социально-политические настроения того времени: «Разорвались понемногу, / На куски друг друга рвали», «Мы за помощью в Россию / Со слезою побежали», «Мы в испуге друг на друга / Клеветали, клеветали», «Мы именья друг у друга / Оттягали, оттягали», «Как и ты, без дела шлялись / Да язык, как ты, чесали» [26, с. 79–83].

Стихотворение с упреком грузин в бездействии, включенное во все сборники избранных произведений поэта, обходят своим вниманием современные грузинские историки и культурологи.

В 1901 г. к 100-летию со дня присоединения Грузии к Российской империи была опубликована статья И. Чавчавадзе «Сто лет назад» с четко выраженной позицией: «С этого достопамятного дня Грузия обрела мир... Успокоилась страна, не знавшая покоя и отдыха, избавилась от разорения и разгрома, от бесконечных войн и нашествий. Замолк лязг сабель и мечей, занесенных вражеской

¹ Цитаты из произведений И. Чавчавадзе приведены в переводе Н. Заболоцкого.

рукой над нами, над нашими женами и детьми, погасло пламя, которое жгло и испепеляло дома наших отцов и дедов, наши жилища... Была подведена черта, положено начало миротворящей жизни. С этого дня никто уже не осмеливался переступить эту черту с огнем и мечом в руках» (Цит. по [3, с. 13–14]).

Точка зрения поэта будет поддержана его единомышленниками, художниками слова, в числе которых на протяжении творческого пути — Акакий Церетели. Самая злободневная для сегодняшней политической ситуации цитата из его стихотворения 1895 г. «Одиннадцатое сентября»:

*Грузинский и русский народы, мы братья!
А кто это братство предаст и забудет,
Достоин позора навек и проклятья¹*
[25, с. 132].

Эти слова будут выбиты на монументе в память о заключении Георгиевского трактата 1783 г. «Дружба навеки», созданном З. Церетели и А. Вознесенским и воздвигнутом в 1983 г. в Москве. На нем также высечены слова на русском и грузинском языках: «Дабы единственные народы, столь тесными узами соединенные, пребывали между собой в дружестве и совершенном согласии... сей договор остается на вечные времена». Монумент был парным, второй стоял в Тбилиси, у выезда на Военно-Грузинскую дорогу, ведущую в Россию. Этот памятник в 1991 г. был взорван по распоряжению З. Гамсахурдиа. Как точны

и своевременны слова Ильи Чавчавадзе о том, что падение и распад общества начинаются тогда, когда народ, к своему несчастью, забывает свою историю.

Творческий путь великих деятелей всегда определен конкретными условиями эпохи. Эпоха как бы сама выдвигает лидеров, способных оценить прошлое и предвосхитить грядущее. Именно такими были Д. Гурамишвили, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе. Георгиевский трактат и последствия его подписания для Грузии были положительно оценены классиками грузинской литературы, выразителями грузинского национального духа. Их оценка исторических событий, связанных с межнациональными отношениями двух государств, представляется достаточно объективной.

Георгиевский трактат, принесший мир на разоряемые соседскими государствами земли, экономические и культурные блага для страны, крайне важен для восстановления добрососедских, партнерских отношений между Россией и Грузией. Также важно читать и понимать выдающихся представителей грузинской литературы, видеть причинно-следственную связь явлений, отделять главное от второстепенного и откровенно искаженного. Литературное наследие великих грузинских политических и культурных деятелей помогает разобраться в сложных реалиях современности.

Larisa P. GOLIKOVA

Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
larisa.golikova@mail.ru

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
ma-ra@bk.ru

***National History in the Mirror of Literature:
On the 240th Anniversary of the Treaty of Georgievsk***

¹ В переводе П. Антокольского.

Abstract. The study is intended to determine the views of the iconic Georgian political and cultural figures of the 18th–19th centuries on the assessment of the reasons for the conclusion of the Treaty of Georgievsk and its results through their literary heritage. The work is based on the literary works of Georgian authors (David Guramishvili, Grigol Orbeliani, Nikoloz Baratashvili, Ilya Chavchavadze and Akaki Tsereteli) translated into Russian and the results of research by Russian and Georgian historians and literary critics. The methodological basis of the study was mainly the cultural-historical method, which contributes to the perception, analysis and evaluation of literary works in terms of their correspondence to the facts and events that took place in the 18th–19th centuries in Georgia. The biographical method was used to determine the links between literary texts and the realities of Georgian poets' life. Literary texts were analyzed using the corpus of literary methods. In the course of the study, the main historical events concerning the relations between Russia and Georgia in the period under study were identified, certain aspects of the biographies of Georgian poets that influenced their creative heritage were considered; significant literary works expressing the opinions of contemporaries, their reflection on the political, economic, social and cultural changes that took place in Georgia after the conclusion of the Treaty of Georgievsk were analyzed. The studied works characterize the level of education and social status of their authors, as well as their ability to observe the history of their homeland and participate in it. The authors of the article draw attention to the directness and clarity of expression of the convictions of Georgian writers, who were at the same time public figures. In their works, they pointed out that the choice made by King Heraclius II at the conclusion of the Treaty of Georgievsk was one of the forms of struggle for national unity and the preservation of the people in the face of a threat to the existence of the country. The authors conclude that the Treaty of Georgievsk and the consequences of its signing for Georgia were positively assessed by the classics of Georgian literature, exponents of the Georgian national spirit. Their assessment of the historical events connected with the interethnic relations of the two states seems to be quite objective. The authors emphasize that the literary heritage of the great Georgian political and cultural figures helps to understand the complex realities of our time.

Keywords: literary heritage of Georgia, Treaty of Georgievsk, Russian-Georgian contacts, David Guramishvili, Grigol Orbeliani, Nikoloz Baratashvili, Ilya Chavchavadze.

Использованная литература:

1. Абуашвили А. Б. Давид Гурамишвили. Без родины до кончины // Литературное зарубежье. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. Вып. I: Проблема национальной идентичности. С. 111–120.
2. Авалишвили З. Д. Присоединение Грузии к России. М.: Юрайт, 2019.
3. Барамидзе А. Предисловие // Грузинская проза в 3 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 1. С. 3–18.
4. Голикова Л. П. Из истории литературы Грузии и грузинско-русских литературных отношений // Россия и Кавказ: межлитературное общение в исторической динамике. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. С. 256–337.
5. Грузинские романтики: сборник. М.: Худож. лит., 1989.
6. Дзидзоев В. Территориальные притязания на Абхазию и Южную Осетию в свете Георгиевского трактата 1783 года // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 38–44.
7. Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России (Георгиевский трактат) 24 июля 1783 г. //

References:

1. Abuashvili, A.B. (2000) David Guramishvili. Bez rodiny do konchiny [David Guramishvili. Without a Homeland Until Death]. In: *Literaturnoe zarubezh'e* [Literary Diaspora]. Vol. 1. Moscow: IWL RAS. pp. 111–120.
2. Avalishvili, Z.D. (2019) *Prisoedinenie Gruzii k Rossii* [Georgia's Accession to Russia]. Moscow: Yurayt.
3. Baramidze, A. (1955) Predislovie [Preface]. In: Khitarova, S. (ed.) *Gruzinskaya proza v 3 t.* [Georgian Prose in 3 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–18.
4. Golikova, L.P. (2004) Iz istorii literatury Gruzii i gruzinsko-russkikh literaturnykh otnosheniy [From the History of Georgian Literature and Georgian-Russian Literary Relations]. In: *Rossiya i Kavkaz: mezhliteraturnoe obshchenie v istoricheskoy dinamike* [Russia and the Caucasus: Interliterary Communication in Historical Dynamics]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 256–337.
5. Gagaa, Kh. (ed.) (1989) *Gruzinskie romantiki: sbornik* [Georgian Romantics: A Collection]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Dzidzoev, V. (2014) Territorial'nye prityazaniya na Abkhaziyu i Yuzhnyu Osetiyu v svete Georgievskogo traktata

Под стягом России: сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 238–245.

8. Дудайти А. К. Место Грузии в «восточной» политике России периода нового времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 22 (165). С. 79–86.

9. Захаров В. Георгиевский трактат: как это было [Электронный ресурс] // Большой Кавказ. 2010. 28 июля. URL: <http://www.bigcaucasus.com/events/actual/28-07-2010/39347-1> (дата обращения: 05.03.2023).

10. Кебадзе М. Илья Чавчавадзе и его роль в истории страны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 9. СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2018. С. 254–258.

11. Клычников Ю. Ю. «Нет ни эллина, ни иудея...»: религиозная идентичность в судьбе невольников на Северном Кавказе на примере судьбы Давида Георгиевича Гурамишвили // Северный Кавказ: Проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы III Всерос. науч. конф. Славянск-на-Кубани: Изд-во Филиала ФГБОУ ВО «КубГУ» в г. Славянск-на-Кубани, 2017. С. 64–67.

12. Ктиторова О. В., Веденечкая Е. Ю. Терские казаки в творчестве грузинского поэта Давида Гурамишвили // История и общественное знание. 2019. № 16. С. 18–20.

13. Кутивадзе Н. Д. Некоторые аспекты соприкосновения лирики Михаила Лермонтова и Николоза Бараташвили // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 14. С. 348–354.

14. Лапин В. В. Царевич Александр Ираклиевич Багратион и присоединение Грузии к России // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2019. № 12–2. С. 29–33.

15. Литература: Давид Гурамишвили [Электронный ресурс] // Искусство Грузии: сайт. URL: <https://gruziya.jimdofree.com> (дата обращения: 05.03.2023).

16. Маградзе Э. Григол Орбелиани. М.: Советский писатель, 1980.

17. Марьян В. Лобиотомия // Литературная газета. 2009. № 37 (624). 16–22 сент. С. 3.

18. Мгалоблишвили Л. И. Из истории грузинской культуры (с древнейших времен до второй половины XVIII столетия) // История науки и техники. 2012. № 11. С. 45–54.

19. Муханов В. М. К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 56–62.

20. Обращение Ираклия II к Екатерине II с просьбой о принятии его страны под покровительство России // Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 20. Л. 36–40 об.

21. Орбелиани Г. Полн. собр. соч. Тбилиси: Мерани, 1959.

22. Панин С. Б. Россия и Грузия: различия в оценках современной истории // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 43–51.

1783 goda [Territorial Claims to Abkhazia and South Ossetia in the Light of the Treaty of Georgievsk of 1783]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 38–44.

7. Sazonov, A.A. et al. (1992) Dogovor o priznanii tsarem Kartalinskim i Kakhetskim Irakliem II pokrovitel'stva i verkhovnoy vlasti Rossii (Georgievskiy traktat) 24 iyulya 1783 g. [Treaty on the Recognition of the Patronage and Supreme Power of Russia by King Heraclius II (Treaty of Georgievsk) on July 24, 1783]. In: *Pod styagom Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov* [Under the Banner of Russia: A Collection of Archival Documents]. Moscow: Russkaya kniga. pp. 238–245.

8. Dudayti, A.K. (2013) Mesto Gruzii v "vostochnoy" politike Rossii perioda novogo vremeni [The Place of Georgia in the "Eastern" Policy of Russia in the Modern Period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22 (165). pp. 79–86.

9. Zakharov, V. (2010) Georgievskiy traktat: kak eto bylo [Treaty of Georgievsk: How It Was]. *Bol'shoy Kavkaz*. 28 July. [Online] Available from: <http://www.bigcaucasus.com/events/actual/28-07-2010/39347-1> (Accessed: 05.03.2023).

10. Kebadze, M. (2018) [Ilya Chavchavadze and His Role in the History of the Country]. *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii* [Capital and the Provinces: The Relationship Between the Center and Regions in the History of Russia]. Conference Proceedings. Vol. 9. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 254–258.

11. Klychnikov, Yu.Yu. (2017) ["There Is neither Greek nor Jew ...": Religious Identity in the Fate of Slaves in the North Caucasus on the Example of the Fate of David Guramishvili]. *Severnnyy Kavkaz: Problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nykh otnosheniy* [North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethno-Confessional Relations]. Conference Proceedings. Slavyansk-na-Kubani: Branch of Kuban State University in Slavyansk-na-Kubani. pp. 64–67. (In Russian).

12. Ktitorova, O.V. & Vedenetskaya, E.Yu. (2019) Terskie kazaki v tvorchestve gruzinskogo poeta Davida Guramishvili [Terek Cossacks in the Works of the Georgian Poet David Guramishvili]. *Istoriya i obshchestvoznaniye*. 16. pp. 18–20.

13. Kutivadze, N.D. (2015) [Some Aspects of Contact Between the Lyrics of Mikhail Lermontov and Nikoloz Baratashvili]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian Language and Literature in the Space of World Culture]. Proceedings of the XIII Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. In 15 Volumes. Vol. 14. St. Petersburg: Mezhdunar. assotsiatsiya prepodavateley rus. yaz. i lit. pp. 348–354. (In Russian).

14. Lapin, V.V. (2019) Tsarevich Aleksandr Irakliovich Bagration i prisoedinenie Gruzii k Rossii [Tsarevich Alexander Irakliovich Bagration and Georgia's Accession to Russia]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki*. 12–2. pp. 29–33.

15. Art of Georgia. (2023) *Literatura: David Guramishvili* [Literature: David Guramishvili]. [Online] Available from: <https://gruziya.jimdofree.com> (Accessed: 05.03.2023).

16. Magradze, E. (1980) *Grigol Orbeliani*. Moscow: Sovetskiy pisatel'. (In Russian).

23. Письмо от 13 октября 1783 г. Г. А. Потемкина Екатерине II // Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Ф. 52. Оп. 2. Д. 29. Л. 33–33 об.
24. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2001.
25. Церетели А. Лирика. М.: Художественная литература, 1965.
26. Чавчавадзе И. Избранное / пер. Е. Гогоберидзе. Тбилиси: Заря Востока, 1952.
17. Mar'yan, V. (2009) Lobiotomiya [Lobiotomy]. *Literaturnaya gazeta*. 37 (624). 16–22 September. p. 3.
18. Mgaloblishvili, L.I. (2012) Iz istorii gruzinskoy kul'tury (s drevneyshikh vremen do vtoroy poloviny XVIII stoletiya) [From the History of Georgian Culture (From Ancient Times to the Second Half of the 18th Century)]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 11. pp. 45–54.
19. Mukhanov, V.M. (2017) The Burning Issues of the Common Russian-Georgian History in Contemporary Socio-Political Discourse. *Mezhdunarodnaya analitika – Journal of International Analytics*. 3 (21). pp. 56–62. (In Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2017-0-3-56-62
20. Central State Military Historical Archive of the USSR. Fund 52. List 1/194. Item 20. Pages 36–40 Rev. *Obrashchenie Irakliya II k Ekaterine II s pros'boj o prinyatii ego strany pod pokrovitel'stvo Rossii* [Appeal of Heraclius II to Catherine II With a Request to Accept His Country Under the Protection of Russia].
21. Orbeliani, G. (1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Tbilisi: Merani.
22. Panin, S.B. (2012) Rossiya i Gruzija: razlichiya v otsenkakh sovremennoy istorii [Russia and Georgia: Differences in the Assessments of Modern History]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. 1 (8). pp. 43–51.
23. Central State Military Historical Archive of the USSR. Fund 52. List 2. Item 29. Pages 33–33 Rev. *Pis'mo ot 13 oktyabrya 1783 g. G. A. Potemkina Ekaterine II* [Letter of October 13, 1783, from G.A. Potemkin to Catherine II].
24. Sultanov, K. (2001) *Natsional'noe samosoznanie i tsennostnye orientatsii literatury* [National Identity and Values of Literature]. Moscow: IWL RAS; Nasledie.
25. Tsereteli, A. (1965) *Lirika* [Lyric]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
26. Chavchavadze, I. (1952) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated by E. Gogoberidze. Tbilisi: Zarya Vostoka.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Голикова, Л. П. Национальная история в зеркале литературы: к 240-летию заключения Георгиевского трактата / Л. П. Голикова, М. В. Шаройко. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.009 // Наследие веков. – 2023. – № 1. – С. 101-113. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/542/446> (дата обращения: ДД.ММ. ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Golikova, L.P. & Sharoyko, M.V. (2023) National History in the Mirror of Literature: On the 240th Anniversary of the Treaty of Georgievsk. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 101–113. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.009

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ПОЛЯКОВ Владимир Евгеньевич
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории
Крымского инженерно-педагогического
университета имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
Vladimir E. POLYAKOV
Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Crimean Engineering and Pedagogical
University the name of Fevzi Yakubov
Simferopol, Russian Federation
turshu@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-1420-6459

УДК: [355.09(470.67):335.442(477.75-21)]:355.291"1941/1942"
ГРНТИ: 03.23.55
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.010

Дагестанцы в обороне Севастополя 1941–1942 гг.: численность и безвозвратные потери

Dagestanis in the Defense of Sevastopol in 1941–1942: Numbers and Irretrievable Losses

Целью исследования является выявление численности уроженцев Дагестанской АССР, сражавшихся в составе воинских формирований Красной армии в ходе обороны Севастополя (30 октября 1941 г. – 4 июля 1942 г.), а также боевых и части небоевых потерь среди них. Основным источником при этом стали исследования сотрудников Музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея», создавших базу данных, включающую сведения обо всех защитниках города-героя. Произведен анализ данных о потерях среди дагестанских военнослужащих из 25-й, 345-й, 388-й стрелковых дивизий и 8-й бригады морской пехоты по каждому из трех штурмов Севастополя. Впервые выявлена полная численность защитников Севастополя из Дагестана. Установлено, что при отражении первого штурма безвозвратные боевые потери (погибшие и пропавшие без вести) среди них составили 35,8 %, в ходе второго штурма и последующих боев – 34,5 %, в итоге третьего штурма – 29,7 % от числа всех уроженцев республики, принимавших участие в боях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Севастополя, Дагестанская АССР, 25-я стрелковая дивизия, 345-я стрелковая дивизия, 388-я стрелковая дивизия, 8-я бригада морской пехоты, Приморская армия.

Несмотря на то, что от событий Великой Отечественной войны нас отделяют уже более чем три четверти века, эта тема по-прежнему остается актуальной и привлекает внимание

как исследователей, так и общества в целом. Одним из важнейших условий Великой Победы стало единство многомиллионного советского народа, плечом к плечу вставшего

на борьбу с врагом. Представители всех республик, краев и областей Советского Союза внесли свой вклад в разгром гитлеровской Германии, проявив мужество, самоотверженность и готовность бороться за свободу своей страны. Выявление лепты каждого региона, внесенной в Великую Победу, помогает осмыслить сущность национального единения, осознать общность исторических традиций народов СССР и России. Ярким примером, демонстрирующим вековую приверженность этим незыблемым ценностям, является Дагестан, являющийся одним из самых многонациональных регионов нашей страны. Уроженцы Дагестанской АССР, представители десятков населяющих ее этносов, с первых дней Великой Отечественной войны поднялись на борьбу за свободу и независимость советского государства, влившись в ряды Красной Армии, впоследствии участвуя во многочисленных сражениях и боевых операциях, приближая окончательный разгром врага.

Участие дагестанцев в обороне Севастополя в историографической традиции, как правило, сводилось к упоминанию 345-й стрелковой дивизии, на что указывают, в частности, работы А. Ю. Безугольного, А. В. Исаева, Н. Гаджиевой, И. Михайловой, А. В. Неменко [4] [5] [6] [8] [10] [11]. Данное воинское подразделение действительно формировалось в Дагестане, в древнем Дербенте, в здании гостиницы «Дагестанские огни», где в настоящее время находится детская поликлиника [10, с. 61]. Впрочем, еще в период создания дивизии отмечалось, что воины, поступавшие в нее, являлись уроженцами не только Дагестана, но и других регионов Северного Кавказа: «В октябре 1941 в составе дивизии было 24% осетин, 18% — чеченцев, 7,5% — дагестанцев, 38,3% были славянами» [10, с. 61].

Приведенная цитата, безусловно, некорректна с точки зрения этнологии, поскольку такого этноса, как «дагестанцы», не существует¹. Аналогичную позицию занимали иностранные исследователи: «Большинство кавказских войск составляли осетины и чеченцы» [14, с. 94].

¹ В данном исследовании этот термин употребляется в географическом смысле, являясь синонимичным словосочетанию «уроженец Дагестана».

Тем не менее в отношении конкретно 345-й стрелковой дивизии с последним заявлением сложно согласиться, так как национальный состав дивизии отражал не только все этническое многообразие Дагестана — в соединении служили призывники самых разных национальностей из Орджоникидзевского края, Кабардино-Балкарии и даже Астраханской области, которая наряду с русскими в значительной степени была представлена казахами.

Целью исследования является установление числа представителей Дагестанской АССР (уроженцев и призывников), участвовавших в обороне Севастополя (1941–1942 гг.), а также выявление боевых и части небоевых потерь среди них. Подобный анализ стал возможен благодаря работе коллектива сотрудников музейного комплекса «35-я береговая батарея» в Севастополе, подготовившего электронную базу данных со сведениями обо всех защитниках города-героя. Этот информационный ресурс включает данные, с разной степенью полноты отражающие судьбу 136 414 человек.

Важнейшее значение в настоящем исследовании имеют статистические методы, которые применялись при проведении расчетов; при сопоставлении различных данных использовался сравнительно-исторический метод, связь между величиной потерь и ходом боевых действий устанавливалась посредством историко-генетического метода.

Достижение цели настоящего исследования будет способствовать не только повышению уровня научного осмысления событий, связанных с обороной Севастополя, но и позволит расширить фактографию истории Дагестана периода Великой Отечественной войны, а также более подробно реконструировать исторические обстоятельства, сопровождавшие боевой путь упоминающихся в статье воинских соединений.

Благодаря проведенному автором анализу упомянутой базы данных из общего числа участников обороны Севастополя были выделены 494 дагестанца. В первую очередь представляет интерес перечень административных районов, из которых были родом или

призывались будущие защитники Севастополя. При рассмотрении данных следует учесть, что административное деление Дагестана, как и всего Кавказа, постоянно менялось [1] [2].

Наиболее массово были представлены следующие районы (количество призванных из них военнослужащих составило 327 человек):

Махачкалинский — 128 человек;
 Буйнакский — 32 человека;
 Табасаранский — 32 человека;
 Дербентский — 28 человек;
 Хасавюртовский — 28 человек;
 Дахадаевский — 24 человека.

Кроме того, 37 населенных пунктов, из которых было призвано 55 человек, в ходе обработки данных не удалось однозначно отнести к какому-либо району.

Как сложилась судьба 494 дагестанцев — защитников Севастополя?

В 1941–1942 гг. в официальных документах использовались следующие термины: «погиб», «выбыл по ранению или болезни», «пропал без вести», «сдался в плен», «дезертировал», «осужден военным трибуналом», «приговорен к высшей мере наказания», «самоубийство».

Термин «погиб» использовался только в случаях, когда было известно конкретное место захоронения человека или имелись свидетельские показания о местонахождении тела. В получивших в народе название «похоронок» официальных извещениях родственникам военнослужащих, как правило, использовалась стандартная фраза о том, что Ваш (муж, сын) имярек погиб смертью героя.

Термин «пропал без вести» применялся как для внутреннего учета, так и при извещении родственников. В настоящее время, когда открылись архивы, содержащие информацию не только о всех воевавших в Красной Армии, но и о советских военнопленных, число пропавших без вести защитников Севастополя из числа уроженцев Дагестана можно определить. Какая-то их часть действительно «пропала без вести», и никаких сведений об их судьбе нет. Поскольку эти люди впоследствии не были выявлены ни в числе освобожденных из плена, ни в составе воевавших, ни среди предателей, ни в качестве осужденных или

эмигрировавших, то в данном исследовании мы будем относить пропавших без вести к боевым потерям вместе с погибшими.

В категорию «попал в плен» будут включаться только те пропавшие без вести, в отношении которых удалось найти информацию об их дальнейшем пребывании в плену. Встречающиеся в официальных документах выводы о том, что конкретный человек «сдался в плен», делалась в те годы не только благодаря свидетельским показаниям, но даже на основе предположений. В ходе последующего анализа этот термин также используется, поэтому все военнопленные будут представлены двумя группами: «сдавшиеся в плен» и «попавшие в плен».

Осуждение и применение высшей меры наказания осуществлялось, как правило, по решению военного трибунала. Первое упоминание о применении смертной казни в Севастопольском оборонительном районе относится уже к первой неделе обороны города: 7 ноября 1941 г. старший лейтенант Лебедь Иван Борисович 1913 г.р. за оставление Дуванкойского узла сопротивления был расстрелян по приговору трибунала [9].

Севастопольский оборонительный район не имел глубокого тыла, поэтому дезертирство в обычном его понимании становилось фактически невозможным, вероятно, поэтому оно не встречается ни в одном из документов. В то же время его синонимом применительно к конкретным условиям обороны города можно считать термин «сдался в плен». Обороной Севастополя официально считается период с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г., хотя во многих выявленных автором случаях датой пленения того или иного конкретного военнослужащего указывалось 5, 6 или 7 июля 1942 г.

В современной историографической традиции принято говорить о трех штурмах города немецко-румынскими войсками.

Первый штурм Севастополя (30 октября — 21 ноября 1941 г.). 4 ноября 1941 г. был образован Севастопольский оборонительный район, ядром которого стала Приморская армия. В ее состав на тот момент входили: 25-я, 95-я, 172-я, 421-я стрелковые дивизии, 2-я, 40-я и 42-я кавалерийские дивизии, 7-я и 8-я

бригады морской пехоты [7, с. 65]. Именно эти соединения приняли на себя удар в первый штурм города. Во всех указанных подразделениях уроженцы Дагестана были представлены дисперсно, но наиболее массово (50 человек и более) — только в 8-й бригаде морской пехоты (79 человек) и в 25-й стрелковой дивизии (80 человек).

8-я бригада морской пехоты. Сформирована 10 сентября 1941 г. приказом командующего Черноморского флота. Основу бригады составил Новороссийский флотский экипаж. В качестве командиров взводов были задействованы 50 досрочно выпущенных курсантов Севастопольского высшего военно-морского училища имени П. С. Нахимова.

Штатная численность бригады составляла 4 298 человек, что соответствовало 98% укомплектованности, при этом обеспеченность вооружением составляла: винтовок — 92%, пулеметов станковых — 18%, ручных пулеметов — 25%, минометов ротных 50 мм — 100%, орудий 45 и 76 мм — нет, батальонных минометов 82 и 120 мм — нет.

Первоначально бригада предназначалась для охраны Новороссийской военно-морской базы и противодействия вражеским десантам, но затем была направлена в Севастополь, куда первый ее эшелон прибыл на крейсере «Красный Кавказ» 29 октября 1941 г. Основной состав бригады сразу же принял участие в боях на IV секторе обороны [11].

В строю на начало боев находилось 79 уроженцев Дагестана, за время первого штурма погибло 5 человек, пропал без вести — 51 человек, сдался в плен — 1 человек, остались в строю — 22 человека. Общие потери, таким образом, составили 72%.

25-я стрелковая дивизия. Эту дивизию часто и вполне оправданно называют «Чапаевской», поскольку именно ее в Гражданскую войну возглавлял Василий Иванович Чапаев. Соединение представляло собой кадровую дивизию, в войну вступила на Южном фланге и принимала участие в обороне Одессы. Примечательно, что впоследствии немногие оставшиеся в живых дагестанцы из 25-й стрелковой дивизии были награждены медалью «За оборону Одессы».

В строю на начало боев состояло 80 человек, погибли в боях — 0 человек, пропал без вести — 1 человек, сдались в плен — 0 человек, осталось в строю — 79 человек. Доля совокупных потерь составила 1,25%.

Столь разительный контраст в боевых потерях 8-й бригады и 25-й стрелковой дивизии (72% и 1,25%) объясняется тем, что в отличие от бойцов и командиров 25-й стрелковой дивизии, которая до этого успешно защищала Одессу, краснофлотцы, несмотря на проявленные ими мужество и стойкость, не имели навыков ведения боевых действий в составе стрелковых подразделений. В еще большей степени это касалось командного состава: от командира взвода до командира бригады включительно. Кроме того, черные флотские бушлаты и бескозырки в боевой обстановке демаскировали краснофлотцев. Все это, естественно, вело к огромным людским потерям.

Второй штурм Севастополя (17 декабря — конец декабря 1941 г.). К этому времени Приморская армия пополнилась новыми соединениями, в которых также служили дагестанцы: прежде всего это 388-я и 345-я стрелковые дивизии.

Эти подразделения были направлены в IV сектор обороны, где располагалась уже упоминавшаяся 8-я бригада, которая и приняла на себя основной удар наступающих на Севастополь войск. Только вступление в бой прибывших с материка частей 345-й стрелковой дивизии позволило отвести остатки 8-й бригады в тыл на переформирование.

Второй штурм был успешно отражен. При этом в локальном окружении оказывались то немецко-румынские, то советские части, что породило иллюзию о возможном наступлении с целью возвращения ранее утраченных позиций. В этих наступательных боях главная роль отводилась вновь прибывшим подразделениям: 345-й и 388-й стрелковым дивизиям. По немецким данным, с 27 февраля по 10 марта 1942 г. советскими войсками были утрачены 2 778 винтовок и 76 ручных пулеметов [6, с. 380].

Вот как события 2-го штурма и последующих боев «по выравниванию линии фронта» нашли отражение в судьбах воинов-дагестанцев.

8-я бригада морской пехоты. В строю на начало боев числилось 22 уроженца Дагестана, погиб — 1 человек, пропали без вести — 8 человек, попали в плен — 2 человека, сдались в плен — 0 человек, приговорены к высшей мере наказания — 0 человек. В итоге в строю остались 11 человек, затем бригада была отведена на переформирование, а оставшиеся в живых бойцы влились в 7-ю бригаду морской пехоты.

25-я стрелковая дивизия. К началу боев в строю находилось 79 дагестанцев, из которых погибли — 18 человек, пропали без вести — 24 человека, попали в плен — 3 человека, сдались в плен — 2 человека. Приговорены к высшей мере наказания — 3 человека. Остались в строю 29 человек.

345-я стрелковая дивизия. В действующую армию поступила 1 декабря 1942 г. и первоначально предназначалась для обороны Черноморского побережья от возможного десанта противника, но затем 23 и 24 декабря 1941 г. на шести кораблях была доставлена в Севастополь и включилась в оборону IV сектора в районе Инкермана и Мекензиевых гор.

Первоначальная общая численность дивизии составляла 9 955 человек, в строю на начало боев находилось 62 дагестанца. Из них погибли — 20 человек, пропал без вести — 1 человек, попал в плен — 1 человек, сдался в плен — 1 человек, приговорены к высшей мере наказания — 2 человека. В итоге к завершению второго штурма остались в строю 37 человек.

388-я стрелковая дивизия. Сформирована на Закавказском фронте, в действующей армии с 23 октября 1941 г. В Севастополь дивизия прибыла на 9 кораблях и высаживалась с 7 по 10 декабря 1941 г. Как отмечали исследователи, «дивизию начали “растаскивать” по частям сразу по ее прибытию в Севастополь» и побатальонно бросать в бой [12]. Только 13 декабря она официально вошла в состав Приморской армии, дислоцируясь в районе Инкермана и станции Мекензиевы горы.

Всеми исследователями особо подчеркивался ее национальный состав: «В дивизии было 5 676 военнослужащих-грузин» [3, с. 21], при этом уроженцев Дагестана в отдельную категорию не выделяли.

В строю на начало боев состоял 51 дагестанец, из которых в ходе второго штурма погибли — 0 человек, пропал без вести — 1 человек, попал в плен — 1 человек, сдались в плен — 25 человек, приговорены к высшей мере наказания — 0 человек. Остались в строю 24 человека.

В начале апреля 1942 г. по итогам боев зимней фазы была проведена инспекция частей Севастопольского оборонительного района помощником начальника оперативного отдела фронта майором П. К. Уткиным, отметившим 388-ю стрелковую дивизию как имеющую большой процент дезертиров и перешедших на сторону врага. Командующий Приморской армией генерал И. Е. Петров даже предполагал расформировать ее как «показавшую недостаточную боеспособность и понесшую до 75% потерь» [6, с. 370].

В немецких документах также указывалось, что 2 марта к 17–30 им удалось замкнуть кольцо окружения вокруг вырвавшихся вперед подразделений 345-й стрелковой дивизии. В данном предложении ключевой следует считать фразу «вырвавшихся вперед», поскольку в оборонительных боях такого количества пленнных вероятнее всего бы не было. К 3 марта немцы заявили о взятии в плен на этом направлении 724 человека [6, с. 378].

Третий штурм Севастополя (7 июня — 4 июля 1942 г.). В вечернем сообщении ТАСС от 7 июня 1942 г. говорились: «На Севастопольском участке фронта уже третий день идут серьезные бои. Атаки противника с успехом отбиваются с большими потерями для противника». Аналогичная информация поступала весь июнь, но затем стала более тревожной.

1 июля: «На Севастопольском участке фронта противнику ценой огромных потерь удалось продвинуться вперед. Шли ожесточенные рукопашные бои».

3 июля: «...продолжались бои на улицах города».

4 июля: «...Наши войска оставили Севастополь. <...> Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы» [13].

В судьбах дагестанцев итоги 3-го заключительного штурма выглядели следующим образом:

7-я бригада морской пехоты. Из оставшихся в строю 11 человек погибли — 0 человек, пропали без вести — 9 человек, попали в плен — 2 человека, сдались в плен — 0 человек, приговорены к высшей мере наказания — 0 человек.

25-я стрелковая дивизия. В строю перед началом третьего штурма насчитывалось 29 дагестанцев, из которых погибли — 2 человека, пропали без вести — 13 человек, попали в плен — 8 человек, сдались в плен — 0 человек, приговорены к высшей мере наказания — 6 человек.

345-я стрелковая дивизия. В строю находилось 37 уроженцев Дагестана, из которых погиб — 1 человек, пропали без вести — 4 человека, попали в плен — 28 человек, сдались в плен — 0 человек, приговорены к высшей мере наказания — 0 человек.

388-я стрелковая дивизия. В строю — 24 дагестанца, при этом в ходе третьего штурма погиб в боях — 1 человек, пропали без вести — 0 человек, попали в плен — 23 человека, сдались в плен — 0 человек, приговорены к высшей мере наказания — 0 человек.

Представители Дагестана принимали самое активное участие в героической обороне Севастополя с первого по последний день обороны. География их родных мест охватыва-

ет весь Дагестан, включая самые отдаленные селения.

На конкретном примере дагестанцев, участвовавших в обороне Севастополя, можно заключить, что в ходе защиты города при отражении первого штурма боевые потери (погибшие и пропавшие без вести) составили 35,8%, в ходе 2-го штурма и последующих боев — 34,5%, в итоге 3-го штурма — 29,7%.

За весь период обороны города погибли в боях — 144 уроженца Дагестанской АССР, пропали без вести — 154 человека; попали в плен — 184 человека, из них умерло в плену — 60 человек, служили у врага — 3 человека, вернулись на родину — 66 человек. Высшая мера наказания была применена по отношению к 12 уроженцам Дагестана.

Дальнейшая судьба 55 человек неизвестна. Возможно, что часть этих людей предпочла эмиграцию возвращению на Родину.

В настоящее время память об участии дагестанцев в обороне Севастополя увековечена в монументе в селе Орловка (с. Мамашай), в то время как реальными местами сражений можно считать Дуванкой, на холмах которого погибли краснофлотцы 8-й бригады, и более всего район Инкермана, Мекензиевых гор, где воины из Дагестана сражались с декабря 1941 по июль 1942 гг.

Vladimir E. POLYAKOV

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Crimean Engineering and Pedagogical
University the name of Fevzi Yakubov
Simferopol, Russian Federation

turshu@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-1420-6459

Dagestanis in the Defense of Sevastopol in 1941–1942: Numbers and Irretrievable Losses

Abstract. The aim of the study is to identify the irretrievable combat and part of non-combat losses among the natives of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic who fought as part of the military formations of the Red Army during the defense of Sevastopol (30 October 1941 – 3 July 1942). The main source for the work was the research of the employees of the 35th Coastal Battery Museum Historical and Memorial Complex, who created a database that includes information about all the defenders of the hero city. Of paramount importance in this study are the statistical methods that were used in the calculations; when comparing various data, a comparative-historical method was used; the

connection between the magnitude of losses and the course of hostilities was established thanks to the historical-genetic method. In the previous literature, the traditional point of view is spread that the Dagestanis participated in the defense of the city only as part of the 345th Rifle Division. This study also analyzes data on casualties among military personnel from Dagestan for the 25th and 388th Infantry Divisions and the 8th Marine Brigade for each of the three assaults on Sevastopol. The number of dead, missing, surrendered and captured Dagestanis, as well as military personnel sentenced to capital punishment, was determined. For the first time, the full number of Dagestani defenders of Sevastopol was revealed. The difference in combat losses of various units is explained. The author has established that the representatives of Dagestan took an active part in the heroic defense of Sevastopol from the first to the last day. The geography of their native places covers the whole Dagestan, including the most remote villages. During the reflection of the first assault, irretrievable combat losses (dead and missing) among the Dagestanis amounted to 35.8%; during the second assault and subsequent battles to 34.5%; following the results of the third assault to 29.7% of all the natives of the republic who took part in the battles. For the entire period of the defense of the city, 144 natives of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic perished in battles, 154 went missing; 184 were taken prisoner, 60 of them died in captivity, 3 served with the enemy, 66 subsequently returned to their homeland, the fate of 55 people is unknown. It is possible that some of these people preferred emigration to returning to their homeland. Capital punishment was applied to 12 servicemen. The author also determined places in the vicinity of Sevastopol where Dagestanis fought during the defense of the city.

Keywords: Great Patriotic War, defense of Sevastopol, Dagestan ASSR, 25th Rifle Division, 345th Rifle Division, 388th Rifle Division, 8th Marine Brigade, Primorsky Army.

Использованная литература:

1. Абдулаев М. Н. Административно-территориальное устройство Дагестанской АССР в 1920–30 гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 24–26.
2. Алиева А. Б. Административно-территориальное устройство Дагестанской области (республики) (конец XIX – 30-е годы XX в.); автореф. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008.
3. Безугольный А. Ю. Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны. Stuttgart: Ibidem, 2005.
4. Безугольный А. Ю. Опыт строительства вооруженных сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. М., 2019.
5. Безугольный А. Ю. «Смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности...»: Участие представителей народов Кавказа в боях за освобождение Крымского полуострова в декабре 1941 – мае 1942 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 21.
6. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. М.: Эксмо; Яуза, 2016.
7. Боевой состав Советской армии. Ч. I: июнь–декабрь 1941 года / Военно-научное управление Генерального штаба, Военно-исторический отдел; В. В. Гуркин, К. А. Маланьин. М.: Воениздат, 1963.
8. Гаджиева Н. Боевой путь 345-й ДСД // Дагестанские огни. 2021. № 7. 26 февраля. С. 1.
9. Лебедь Иван Борисович // Центральный военно-морской архив. Ф. 920. Оп. 2. Д. 25. Л. 140.

References:

1. Abdulaev, M.N. (2013) Administrativno-territorial'noe ustroystvo Dagestanskoy ASSR v 1920–30 gg. [Administrative and Territorial Structure of the Dagestan ASSR in the 1920s–30s]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 24–26.
2. Alieva, A.B. (2008) *Administrativno-territorial'noe ustroystvo Dagestanskoy oblasti (respubliki) (konets XIX – 30-e gody XX v.)* [Administrative and Territorial Structure of the Dagestan Region (Republic) (Late 19th Century – 1930s)]. Abstract of History Cand. Diss. Makhachkala.
3. Bezugol'nyy, A.Yu. (2005) *Narody Kavkaza v Vooruzhennykh Silakh SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Peoples of the Caucasus in the Armed Forces of the USSR During the Great Patriotic War]. Stuttgart: Ibidem.
4. Bezugol'nyy, A.Yu. (2019) *Opyt stroitel'stva vooruzhennykh sil SSSR: natsional'nyy aspekt (1922–1945 gg.)* [Experience in the Construction of the Armed Forces of the USSR: The National Aspect (1922–1945)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
5. Bezugol'nyy, A.Yu. & Sudavtsov, N.D. (2015) “Mixed Ethnic Composition of Divisions Creates Enormous Difficulties ...”. The Participation of Representatives of the Caucasian Peoples in Battles for the Liberation of the Crimean Peninsula in December 1941 – May 1942. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 4. pp. 17–23. (In Russian).
6. Isaev, A. et al. (2016) *Bitva za Krym 1941–1944 gg.* [Battle for Crimea, 1941–1944]. Moscow: Eksmo; Yauza.
7. Gurkin, V.V. & Malan'in, K.A. (1963) *Boevoy sostav Sovetskoy armii. Ch. I: iyun'-dekabr' 1941 goda* [Combat

10. Михайлова И. История 345-й стрелковой дивизии, ее роль в обороне Севастополя // Уроженцы стран Евразии – участники героической обороны и освобождения Севастополя в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Севастополь: Ассамблея народов России, 2020. С. 61–63.
11. Неменко А. В. Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Отдельные аспекты истории оккупации Крыма: по материалам трофейных документов. Симферополь: Доля, 2018.
12. Немеркнущий подвиг: дагестанцы на фронте и в тылу. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. докладов и материалов / отв. ред. Г. Ш. Каймаразов; сост.: М. Я. Мирзабеков, Г. И. Какагасанов, Л. Г. Каймаразова [и др.]. Махачкала: Дагестан, 2020.
13. Сводки Советского Информбюро [Электронный ресурс] // Rulit.me. URL: <https://www.rulit.me/books/svodki-sovetskogo-informbyuro-22-iyunya-1941-15-maya-1945-great-victory-ru-read-418981-121.html> (дата обращения: 03.02.23).
14. Forczyk R. *Where the Iron Crosses Grow. The Crimea 1941–1944.* Oxford: Osprey Publishing, 2014.
- Composition of the Soviet Army. Part I: June–December 1941]. Moscow: Voenizdat.
8. Gadzhieva, N. (2021) *Boevoy put' 345-y DSD [The Battle Path of the 345th Dagestani Rifle Division]. Dagestanskije ogni.* 7. 26 February. p. 1.
9. Central Naval Archive. *Ivan Borisovich Lebed'.* Fund 920. List 2. Item 25. Page 140. (In Russian).
10. Mikhaylova, I. (2020) *Istoriya 345-y strelkovoy divizii, ee rol' v oborone Sevastopolya [History of the 345th Rifle Division, Its Role in the Defense of Sevastopol].* In: *Urozhentsy stran Evrazii – uchastniki geroicheskoy oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Natives of Eurasian Countries – Participants in the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Part. 1. Sevastopol: Assambleya narodov Rossii. pp. 61–63.
11. Nemenko, A.V. (2018) *Krym 1941–1944. Obratnaya storona voyny. Otdel'nye aspekty istorii okkupatsii Kryma: po materialam trofeynykh dokumentov [Crimea in 1941–1944. The Reverse Side of the War. Separate Aspects of the History of the Occupation of Crimea: Based on Captured Documents].* Simferopol: Dolya.
12. Kaymarazov, G.Sh. (ed.) *Nemerknushchiy podvig: dagestantsy na fronte i v tylu. K 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: sb. dokladov i materialov [Unfading Feat: Dagestanis at the Front and in the Rear. To the 75th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945: Reports and Materials].* Makhachkala: Dagestan.
13. Rulit.me. (2023) *Svodki Sovetskogo Informbyuro [Reports of the Soviet Information Agency].* [Online] Available from: <https://www.rulit.me/books/svodki-sovetskogo-informbyuro-22-iyunya-1941-15-maya-1945-great-victory-ru-read-418981-121.html> (Accessed: 03.02.23).
14. Forczyk, R. (2014) *Where the Iron Crosses Grow. The Crimea 1941–1944.* Oxford: Osprey Publishing.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Поляков, В. Е. Дагестанцы в обороне Севастополя 1941–1942 гг.: численность и безвозвратные потери / В. Е. Поляков. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.010. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2023. – № 1 – С. 114–121 – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/534/450> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Polyakov, V.E. (2023) Dagestanis in the Defense of Sevastopol in 1941–1942: Numbers and Irretrievable Losses. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 1. pp. 114–121. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.010

РЕЦЕНЗИЯ

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

BOOK REVIEW

ЯДОВА Майя Андреевна

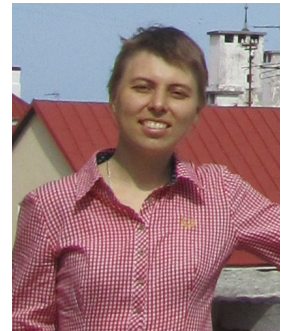
кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии и социальной психологии
Института научной информации по общественным наукам,
Москва, Российская Федерация

Maiya A. YADOVA

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutes and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

УДК: 616-036.21:316.728"312"

ГРНТИ: 13.11.25

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.011

Метаморфозы коронавирусной повседневности

Рецензия на книгу:

The Dictionary of Coronavirus Culture / ed.
by A. Bradshaw, J. Hietanen. – London:
Repeater books, 2020. 203 p.

The Metamorphoses of Coronavirus Everyday Life

Book Review:

Bradshaw, A. & Hietanen, J. (eds) (2020) *The
Dictionary of Coronavirus Culture*. London: Repeater
Books. 203 p.

Рецензия посвящена «Словарю коронавирусной культуры» (под ред. А. Брэдшоу и Дж. Хьетанена), вышедшему в британском издательстве Repeater books. Рецензия служит целям анализа особенностей произошедшего в современном социуме под влиянием пандемии COVID-19 коронавирусного культурного поворота. Рецензент, опираясь на результаты массовых социологических исследований и собственный опыт изучения социальных последствий пандемии, отмечает актуальность рассматриваемых в «Словаре коронавирусной культуры» вопросов. Среди обсуждаемых тем: забота о здоровье на разных уровнях; социальное дистанцирование; карантин (или локдаун); «домашнее» и «рабочее» пространства, взаимодействия с ними и окружающими; рынок и потребление в эпоху пандемии; усиление социальной напряженности и социальных противоречий; антиутопия как одна из форм новой коронавирусной реальности. Делается вывод о том, что феномен коронавирусной культуры может стать в будущем предметом изучения культурологически ориентированных дисциплин.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, повседневная жизнь, коронавирусная культура, культура повседневности, цифровые технологии.

В настоящей работе анализируются статьи, составляющие «Словарь коронавирусной культуры», который вышел в британском издательстве *Repeater books* под редакцией известных социальных исследователей А. Брэдшоу (Лондонский университет, Великобритания) и Дж. Хиетанена (Хельсинкский университет, Финляндия). Это необычное издание появилось в результате аудиобесед редакторов словаря с социальными исследователями разного профиля (культурологами, антропологами, философами, социологами, маркетологами) об особенностях новой коронавирусной повседневности [8]¹. Словарь детально описывает понятия и явления, которые возникли в период пандемии COVID-19.

Основные темы, которым посвящены ключевые статьи словаря, актуальны и сегодня, несмотря на то что ограничения, вызванные пандемией, уже по большей части сняты. Речь идет о всевозможных аспектах заботы о здоровье, социальном дистанцировании, организации повседневной жизни в период карантина, практиках взаимодействия внутри вернакулярного пространства, феноменах потребления и антиутопий в эпоху пандемии, усилении социальных противоречий. Авторы словаря исходят из представления о том, что в условиях пандемии сформировалась особая культура повседневности, а коронавирусные трансформации остались с человечеством надолго. Сложно не согласиться с этим утверждением. Современному человеку приходится приспосабливаться к новым реалиям: многие потеряли работу или перешли на дистанционный режим занятости, изменился формат общения с близкими и коллегами, произошли колоссальные изменения в культурно-досуговой и потребительской деятельности.

Авторы словаря в числе наиболее важных изменений в повседневной жизни в эпоху пандемии COVID-19 считают особое отношение к дому: из обыденного места дом трансформировался в ключевое жизненное пространство, практически в убежище, что породило новый тип коронавирусной потребительской культуры. Сложился своеобраз-

ный коронавирусный этикет, предписывающий не приближаться к собеседнику близко, возникли практики коммуницирования в онлайн-режиме. Необходимость поддерживать общение с близкими и коллегами с привлечением цифровых технологий вынудила даже пожилых и «внесетевых» по убеждениям людей осваивать социальные сети, мессенджеры и платформы для совместного онлайн-общения и работы. В одних случаях новые правила этикета диктуют активное использование видеотехнологий, в других — выбор делается в пользу аудиозвонка; прежде малозначимое текстовое или графическое сообщение приобрело в период пандемии статус важного знака внимания. В качестве дани уважения врачам и медицинским работникам по всему миру прошли флешмобы с овациями этим людям, это тоже стало неотъемлемой частью коронавирусной повседневности.

Коронавирусный кризис сделал нашу жизнь менее динамичной, но одновременно открыл множество новых возможностей для реализации человеческого и технологического потенциала. Эти изменения коснулись и структуры современного досуга. Сегодня в социуме особую популярность приобрел образ жизни активного «потребителя культуры», годы пандемии усилили этот тренд, хотя и с небольшими модификациями. Прежде всего мы говорим о получивших распространение в России и за рубежом практиках проведения свободного времени в рамках ограниченного «домашнего» пространства. Активно развивается виртуальный туризм, стали популярны «онлайн-прогулки» по выставкам, музейным экспозициям, сценам ведущих драматических, оперных театров и т.д.

Так, по свидетельству российских исследователей, в период пандемии нового коронавируса в нашей стране наиболее перспективными оказались следующие направления досуговой деятельности: онлайн-кинотеатры, онлайн-бары и онлайн-квесты; также осталось популярным времяпрепровождение в заведениях общепита [2, с. 208]. Результаты проведенных автором настоящей рецензии индивидуальных глубинных интервью с молодыми жителями Москвы и Подмосковья (2020 г., N = 20), пережившими период режима самоизоляции, подтверждают эту тенденцию.

¹ Ознакомиться с архивом подкастов можно здесь: Quarantined market podcast. URL: <https://soundcloud.com/qmp-790368337> (дата обращения: 13.10.2022).

Большинство информантов увидели в карантинном времяпрепровождении и положительные стороны: многие участники исследования посвятили это время творчеству, саморазвитию и онлайн-досугу (просмотр фильмов, аниме, компьютерные игры, онлайн-общение). Практически каждый участник исследования рассказал о появившихся у него любимых онлайн-привычках и хобби. Это, как правило, онлайн-покупки, общение в Zoom и онлайн-обучение, данные занятия информанты хотели бы оставить в своей жизни и после окончания пандемии COVID-19 [4, с. 22–23].

Согласно результатам социологического опроса, проведенного французским исследовательским центром *CRÉDOC* в период локдауна в стране весной 2020 г. (было опрошено почти 3 тысячи человек), во Франции особую популярность приобрели, помимо занятий творчеством, мероприятия, проводившиеся различными учреждениями культуры в онлайн-формате [7]. Причем к виртуальным «прогулкам» по музеям и выставкам приобрели даже респонденты пожилого возраста или обладатели невысокого уровня образования, то есть представители социальных групп, которых культурный досуг традиционно не привлекал [7]. Таким образом, режим самоизоляции изменил отношение людей к достижениям культуры и уменьшил межпоколенческие и социоэкономические различия во французском обществе. Предполагаем, что большинству благополучных мировых держав свойственны похожие тренды.

В «Словаре коронавирусной культуры» довольно много статей посвящено теме досуга, «цивилизованному» и «культурному» измерению повседневной жизни человека в условиях карантина. В период пандемийного хаоса, по словам авторов словаря, достижения культуры становятся каркасом, поддерживающим привычную и комфортную для нас жизнь. Впрочем, они подчеркивают, что не все организации культуры перевели свою деятельность в онлайн, например, некоторые британские театры в буквальном смысле «вышли в народ» и начали давать спектакли под открытым небом с соблюдением необходимой дистанции между зрителями [8, р. 157]. Все этого говорит о том, что в определенной мере произошла переориентация людей от традиционного

материального потребления (особенно когда речь идет о привычном посещении магазинов) к культурному, еще недавно модные шопинг-туры сменились турами другого рода — вакцинационными, когда человек отправляется «в путешествие» в другой город или страну в надежде получить долгожданный укол.

Пишут авторы словаря и о глобальных изменениях: усугублении имевшихся в прошлом социальных проблем, связанных с неравенством, а также почти воплотившихся в реальность альтернативных, ранее не прогнозируемых сценариях будущего.

Представляется интересной словарная статья, посвященная антиутопии как возможной модели развития современного общества [8, р. 62–67]. Авторы словаря отмечают, что человечество, пережив первый шок от столкновения с новой опасностью, постепенно приучается жить в мире антиутопии, осознавая, что это не только страшно, но и достаточно увлекательно, так как дает возможность реализовать еще вчера казавшиеся фантастическими варианты социального развития. Стоит отметить, что, по мнению некоторых исследователей, необходимость в грамотном осмыслении пандемийной реальности дала толчок для очередного витка развития общественных наук, ведь сегодня от ученых, изучающих социальные последствия коронавирусного кризиса, требуется не только информированность о предмете исследования, но и особое творческое социальное мышление и хорошая способность к прогнозированию [5, р. 750].

Также в рецензируемой работе немало строк посвящено метафорам «текущая современность» и «текущее общество» [8, р. 108–111], автором которых является известный британский социолог З. Бауман [1]. Как известно, для эпохи постмодерна характерны подвижные, «плавающие» структуры социальной жизни [1] [6]. Надо сказать, что коронавирусный кризис достаточно необычно вписался в тренды поздней современности: он, с одной стороны, препятствует динамизму жизни, а с другой — становится триггером для значительных социокультурных, политических, экономических, технологических и иного рода трансформаций. Так, цифровые технологии стали как средством преодол-

ния последствий пандемии, так и способом управления частной жизнью. Авторы словаря справедливо опасаются возникшей во многих странах тенденции к внедрению новых технологий контроля в сферу повседневности. Кроме того, пандемия COVID-19 усугубила или породила новые формы социального неравенства: между вакцинированными и невакцинированными; между дистанционными работниками и теми, кто вынужден был рисковать, ежедневно ходя на работу в период эпидемии (эти изменения, в свою очередь, меняют привычные представления о рыночных отношениях и структуре рынка труда); между жителями развитых стран, способных адекватно реагировать на угрозы пандемии, и теми, кто проживает в менее благополучных условиях.

Авторы словаря неоднократно подчеркивают неоднозначность интерпретаций возникших в ходе пандемии COVID-19 явлений. Например, внимание человека к принципам социального дистанцирования может быть продиктовано как заботой об окружающих, так и его эгоизмом. Также исследователи подчеркивают «скрытый эйджизм коронавируса» [8, р. 8], отношение к режиму самоизоляции со стороны пожилых людей нередко двойственно, поскольку те, даже осознавая «позитивно-заботливый» характер карантина, страдают от одиночества.

Ключевым понятием коронавирусной реальности становится кризис. Авторы словаря убеждены, что он сильно повлиял на неолиберальный капиталистический миропорядок. По их мнению, пандемия COVID-19 заставила человечество задуматься, можно ли сделать более эффективными и справедливыми взаимодействия между субъектами экономических отношений. Капитализм как экономическая система производства и распределения ресурсов сохранится, но в будущем станет

более гуманистически ориентированным, эффективным и устойчивым к кризисам, уверены авторы словаря.

Наверное, для каждой страны характерны специфические черты зарождающейся коронавирусной культуры, которые детерминированы определенными сложившимися социально-историческими условиями жизни. Вероятно, что подобного рода словарь, разработанный в России, выглядел бы иначе, хотя заметно, что авторы рецензируемой книги старались создать универсальное издание энциклопедического характера, рассказывающее о наиболее распространенных явлениях новой коронавирусной повседневности в контексте масштабного междисциплинарного социального исследования. На наш взгляд, их в целом удачный опыт может вдохновить исследователей по всему миру на написание подобной работы с учетом социальных реалий той или иной страны. Кстати, стоит сказать, что отечественные лингвисты недавно осуществили похожее исследование, издав словарь имеющих хождение в эпоху пандемии COVID-19 актуальных терминов, в который вошли более 3 тысяч новых слов и выражений [3]. Впрочем, повторим, в данном случае речь идет о лингвистическом, а не о социальном исследовании.

Подводя итоги, также необходимо отметить, что коронавирусная реальность формирует оригинальное пространство культурной жизни. В условиях пандемии COVID-19 тренд на активное культурное потребление стал более явным и технологичным. Феномен коронавирусной культуры заслуживает внимания со стороны представителей разных социогуманитарных наук, и, скорее всего, в недалеком будущем эта тема может стать предметом изучения ряда культурологически ориентированных дисциплин.

Maiya A. YADOVA

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutes and Processes),
Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
m.yadova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2988-1513

The Metamorphoses of Coronavirus Everyday Life

Abstract. *The Dictionary of Coronavirus Culture* (ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen) under review presents an A-Z of everyday life in the context of the COVID-19 pandemic. The book can help us adapt to the changing environment and better understand risks and opportunities in the COVID world. The reviewer, based on the results of mass sociological research and personal experience of exploring the social consequences of the COVID-19 pandemic, notes the relevance of the issues discussed in the Dictionary. Among the topics discussed there are the following: health care at individual and social levels; social distancing; interaction practices with one's home, workplace, relatives and colleagues; lockdown; consumption and market in the pandemic era; increase in social tensions and aggravation of social problems; humanity's immersion into a world of dystopias. The authors of the Dictionary are convinced that the restrictions caused by the pandemic will long be an integral part of our social life. The book notes that among the most important changes in everyday life was a fundamentally new attitude towards the home. Instead of being a place where people usually spend their free time, the home is gradually becoming a core living space. The book emphasizes that our natural desire to make our homes as comfortable as possible and to ensure our own "quarantine" time has given birth to a new coronavirus type of consumer culture. Under the influence of the COVID-19 pandemic, a certain coronavirus etiquette has been established in society, enforcing compliance with social distancing and interaction standards and rules of online behavior during the pandemic. The authors notice that, despite many negative consequences caused by the pandemic, the COVID-19 pandemic produced a recovery in public cultural and leisure life that may be regarded as a positive emergent effect. The lockdown restrictions and self-isolation regime have opened new interesting opportunities in leisure and creative activities (quite often involving digital technologies) for many residents in Russia and in foreign countries. The reviewer concludes that under the influence of the COVID-19 pandemic there has been a coronavirus cultural shift in modern society and a trend towards active cultural consumption has become more pronounced. The phenomenon of coronavirus culture deserves the attention of researchers, and the topic is likely to become a subject of study in culturally oriented disciplines in the future.

Keywords: COVID-19 pandemic, everyday life, coronavirus culture, culture of everyday life, digital technologies.

Использованная литература:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Лукашук М. Н., Богданова К. А. Российский рынок в условиях пандемии: проблемы и перспективы развития // Вопросы студенческой науки. 2021. Вып. № 2 (54). С. 205–213.
3. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / [Ин-т лингв. исслед. РАН]; сост. Х. Вальтер и др. СПб.: Ин-т лингв. исслед. Рос. акад. наук, 2021.
4. Ядова М. А. Молодежь в условиях пандемии COVID-19: возрастные преимущества и ограничения // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 2 (16). С. 20–28. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28.
5. Connell R. COVID-19 / sociology // *Journal of Sociology*. 2020. Vol. 56. № 4. P. 745–751. DOI: 10.1177/1440783320943262.
6. Giddens A. *The consequences of Modernity*. Cambridge: Polity press, 1990.
7. Jonchery A., Lombardo Ph. Pratiques culturelles en temps de confinement // *Culture Etudes*. 2020. Vol. 6. № 6. P. 1–44.

References:

1. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
2. Lukashchuk, M.N. & Bogdanova, K.A. (2021) Russian Market in Pandemic: Challenges and Prospects for Development. *Voprosy studencheskoy nauki*. 2 (54). pp. 205–213. (In Russian).
3. Priemysheva, M.N. & Ridetskaya, Yu.S. (eds) (2021) *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS.
4. Yadova, M.A. (2021) Young People in the Age of the COVID-19 Pandemic: The Age-Related Benefits and Limitations. *Siberian Socium*. 5:2 (16). pp. 20–28. (In Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-2-20-28
5. Connell, R. (2020) COVID-19/sociology. *Journal of Sociology*. 56 (4). pp. 745–751. DOI: 10.1177/1440783320943262
6. Giddens, A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

8. The dictionary of coronavirus culture / ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. L.: Repeater books, 2020.

7. Jonchery, A. & Lombardo, Ph. (2020) Pratiques culturelles en temps de confinement. *Culture Etudes*. 6 (6). pp. 1–44.

8. Bradshaw, A. & Hietanen, J. (eds) (2020) *The Dictionary of Coronavirus Culture*. London: Repeater Books.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ядова, М. А. Метаморфозы коронавирусной повседневности / М. А. Ядова. – DOI 10.36343/SB.2023.33.1.010. – Текст : электронный // Наследие веков. – 2022. – № 4. – С. 122–127. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/541/444> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ). – Рец. на кн.: The Dictionary of Coronavirus Culture / ed. by A. Bradshaw, J. Hietanen. – London: Repeater books, 2020.

Full bibliographic reference to the article:

Yadova, M.A. (2023) The Metamorphoses of Coronavirus Everyday Life. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 122–127. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.33.1.010

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№1 (33)
2023

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна Льва Александровича Русова "Ленинградская симфония. Дирижирует Е. Мравинский", 1980, холст, масло. 174×122 см, частное собрание, Россия.

URL: https://data.cyclowiki.org/images/8/87/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%B2-%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%B8%D0%BC%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F-1980-7-port42b.jpg

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура приставных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура приставных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar:

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30. 03. 2023

Размещен в сети Интернет: 31. 03. 2023

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 14,79

Уч.-изд. л.: 11,16

Размер файла: 13,8 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»